

ЕВГЕНИЯ
УЛЬЯНИЧЕВА

ПВТ

СИДЛЬ

Здесь из камней выращивают дома, а шляпки пожирают людей; здесь в лесу живёт дикий огонь и бродит Джувия. Здесь сам язык имеет двудомную природу, а Хомя несут на своих спинах луга и моря. Здесь нет ничего прочнее смоляных доспехов и прекраснее фракталов Эфората. Здесь живое пространство бороздят корабеллы, чьи сердца сращены с сердцами их капитанов. Здесь власть делят арматор Башни и Статут, Слово Оружия. Здесь спорят слепящее золото локуста и всепожирающая темнота Оскуро.

Здесь нет времени и пределов.

Здесь, в Луте, пересекутся и сольются пути тех, кто не должен был идти вместе.

ХОМ СИАЛЬ

1.

Выпь вернулся с прозаром.

На последней стоянке случился обломный дождь; одна из синих спутанных молний клубом грянула в сердце гула. Не обожгла, но разбежались-раскатились перепуганные овдо, распался гул. Выпь после два ока не ел, не спал, сбивал обратно в гул своевольный скот. Горло *голосом* надсадил.

Плохо, что люди слышать его могли.

От мысли этой Выпь хмурился, сердито кусал обветренные губы.

Нелепый долговяз, пришлый чужак, но с овдо никто лучше него не ладил. Правил не руками, не крючьями пастушьими, одним только голосом. За эту отличку его и сторонились. Низкий, в цвет подземному рокоту, он нагнетал беспричинный страх — стыло сердце, слабели ноги, холодом тянуло по хребтине. Кому бы понравилось? Выпь с таким придатком родился, и помереть, видать, ему с ним суждено было.

О внушаемой людям неприязни пастух знал, разговаривал всегда глухо, почти шепотом, в глаза не глядел — и все равно пожимались собеседники.

В стане Выпь появлялся реже редкого, выбирал уходить с гулом на индовые пастбища. Веком и оком, в тепло и в хмарь, Выпь гнал овдо по самым диким лугам. Гул пасся, накапливая в себе драгоценную живицу. В чистом виде людям она не давалась, а вот из овдо надоенная могла и болезнь вылечить, и урожай хороший привязать, и — случалось — погоду выправить. Строптивые и верткие шары пастуха слушались, в добром настроении слетались по первому зову, а если безобразничали, бодались с лету, сшибались или в прятки играть затевали — Выпь и тут находил управу.

Доверяли чужаку гул, точно знали, что вернет в срок, один к одному, сытых, нагулянных, хоть на торжище.

Полезный был парень, да только дружбы никто с ним не водил. Бирюком проживал. Собой нескладен, сильно костляв, высок, сутул, скуласт, глаза имел нехорошие, светлой охристой желтизны. Жесткий волос — рыжевато-коричневый, словно песок грязный — всегда в беспорядке был, будто щетки не знал. От коренастой, чернявой породы местных Выпь отличался, но так умел на местности же затаиваться, что с двух шагов не углядишь.

Пока гнал овдо главной улицей, не знал, куда глаза девать от привечающих. Отвык за пару пальцев, да и капюшон на лоб тянуть неприлично уже было. Навстречу гулу и пастуху сам староста с работниками вышел, не поленился. Быстро окинул цепким взглядом стадо, довольно огладил холеную крашеную бородку. На правой кисти сидели каменные костикольца, знак большого достатка.

— Здорово, парень, — молвил дружелюбно, но руки не подал, — мы уж думали, не ждать тебя на этой длине, гроза-то какая лютая прошла — Полог выбелило! Думали, перемычешься с ребятами под камнями, переждешь.

— Ага, — буркнул Выпь, исподлобья косясь на любопытную ребятню, сбежавшую к Дому старосты.

Открытые рты, блестящие глазенки, ерошистые, ровно зверята малые... Им и овдо, и сам пастух, все равновесно любопытно было.

— Матка у них нарождается, — глухо сказал Выпь, — ока два трогать нельзя.

— Матка? — обрадовался известию староста. — Ну и чудно, раньше положенного! Да оно и к лучшему, что до холодов, отлежится, откормится... Ступай тогда, отдыхай, в загон поставить мы и сами управимся. Эй, лентяи! За работу, живо!

Помощники мешкать не стали, в шесть рук погнали сытый гул в красный улей.

Выпь ждал.

Староста смекнул, что пастух не проста перед ним красуется настырно, столбом маячит. Ноготок, пора расчета. Закряхтел староста значительно, поманил ближе:

— Ты, слушай... Ты молодец, кроме тебя никто так со скотиной моей не справляется. Ишь, как раздобрили, любо-дорого посмотреть, — староста повернул голову, провожая взглядом гул, — через палец тоже с моими пойдешь, уговор?

— Это посмотреть надо, — не поднимая глаз от слежавшейся дорожной пыли, буркнул пастух.

— На вот, заслужил, заработал, — староста честь по чести вручил ему тугой сверточек с дарцами.

Выпь не стал пересчитывать, обычкой ярмарочных торгашей трясти над ухом, молча спрятал за пазуху. Пастуха обманывать себе дороже выйдет, про это все знали.

На том, однако, староста не закончил. Придержал жестом.

— И вот еще. К моей младшенькой нови нынче съезжаются, праздник будет. Выросла девка. Тоже приходи. Хочу с людьми важными свести, у оных гулов — в три раза больше, чем у меня. Важные люди! — значительно блеснул толстым кольцом.

Пастух от неожиданности растерялся, хлопнул ресницами, еле выговорил:

— Ага. Приду, — людских сборищ он обычно бежал, но и старосте перечить не хотел.

— Вот и славно.

Расстались, вполне довольные друг другом.

***

Выпь жил наотмашь, за градой. Особых парень не боялся, выучил, что к крупным станам большие хищники редко подходили, а на мелких рыкнуть погромче — и хорош.

Пока не было его, Дом застоялся, застудился. Прежде в нем жил какой-то странноватый дед, тоже приبلудный. Или лекарь, или бивец — а скорее, и то, и другое. Тихий был старче, в светлый лес ходил за огнем, из медь-травы вещицы чудные делал, девкам на радость, детям на забаву. К хворым забредал, смотрел да советовал. За то его в стане подкармливали, не гнали, не обижали. В белую раз исчез, вроде как за огнем ушел, да так и не вернулся. Дом трогать не стали, мало ли что налипло. А в зеленую, как поднялось молоко, вода в Провале, к становью пришатался измученный переходом, полудохлый Выпь...

Парень приласкал ладонью шершавый влажный бок, мысленно повинился. Редким он оказался гостем, плохим хозяином.

Дом вздохнул, открыл проем.

Чудной он был: на вид совсем юный, малый да округлый, а на чуйку старый, словно немало хозяев успел пережить-переждать. Темные живые камни прозывали *тровантами*, умелые люди-садовники их в Дома выращивали.

Из всей утвари в Доме только клетка для огня прижилась, стол, да подстилка с укрывашкой — два плотных, хорошо выделанных плавника, которые зеленки две тому назад из Провала вытащили, хорошенько под Пологом просушили да отделали. Пастух, выбивая из них скопившуюся пыль, все думал, какому такому особому могли эти шкурки принадлежать.

Ведь ходит же кто-то под ними, на самой-самой глубине Сиаль, живет, охотится, ест-спит, линяет вот еще, судя по всему...

Тщательно вычистил Дом изнутри, и тот благодарно затеплился, не избалованный внимательной лаской. Выпь поразмыслил, стоит ли идти в лес за огнем или в стане испросить. Решил, что до темноты запросто успеет, тем паче, что Полог только-только в белое окрасился.

Лес стоял у стана, и был как бы сдвоенным. В око его лик хранил в себе огонь, люди безбоязненно ходили туда ломать тонкие веточки пламени, сажали их в клетки, кто посмелее — в горшки. Резали бороды лесных качелей, после ткали из них, крутили пряжу, справляли одежду, полезную бытовую приبلуду. Детей без страха отпускали — поиграть на звонкой стеклянной траве, накопать вкусных мореных червецов, с ножа надоить густое древесное молоко. Но как темнел Полог, начинался лес сомкнутых век — гулкий, страшный, лихой, в котором не было ничего хорошего и куда постоянно тянуло овдо.

Выращивать огонь у Выпь сноровки не было, оттого вместо горшка прихватил с собой легкопрочную шар-клеть. Некоторые ловкачи приспособились резать пламя плоскими ножами, но все знали, что такой огонь долго не живет, да и светит-греет неохотно, вполсилы. Брать пламя можно было только честно, голыми руками, боль меняя на свет.

У того же старосты для этого случая было пятеро услужников, с обожженными, нечувствительными пальцами. Огня для большого и богатого его Дома нужно было ох как много.

Были еще, правда, бегучие огоньки, но те на просторе водились, в траве. Их можно было иначе взять: подманить в домик, из веток сплетенный, на сухой корм приманить.

К перелому красной лес густо зарос травами всех мастей, а деревья сошлись так плотно, что даже худощавый Выпь не везде пройти мог. К началу черной они вообще замыкались в сплошную граду, и до первого снега стояли так, оберегая от любопытных глаз нутро.

Пахло сухо, волнительно. Между стволами висели качели, где-то томился и вздыхал в-тени-толкай. Позванивала, играя на слабом ветру, блестящая стеклянная трава. Деревья стояли недвижно, тяжело разведя ветви со зрелыми, крупными листьями. Огонь Выпь услышал только после долгого блуждания, ближе пламя уже срезали расторопные становые, пришлось забраться почти в самое лесное сердце. Пастух забраковал два молодых куста — уж больно хлипкие — и остановился у крепкого деревца.

Постоял, настроился. К боли он был терпелив, привычен, да и огонь каждый раз по-разному кусал. Мог полущутя обстрекать, а мог и до кости цапнуть.

Взялся. Ломал, не жадничая, больше нужного не греб. Пальцы жгло терпимо, в клеть пламя садилось без коварных злых всполохов, управился скоро. Поблагодарил дерево, осторожно взял полную клеть, без лишней поспешки зашагал обратно.

И, уже одолев половину пути, резко остановился, налетев на вязкий, густой запах сласти.

Не веря себе, глубоко, через приоткрытый рот, вдохнул и раскашлялся, словно глотнув патоки.

Сладень. Выпь пожался от дурного предчувствия. И как близко от становья, в светлом лесу... Вдруг затянул какого несмышленьша маленького?

Однажды было: сладень поймал мальчишку, сына здешней бывательницы. Успели найти до того, как особый рассосал ребенка полностью, узнать сумели. Обычно от несчастливцев даже пряжки ременной не оставалось.

Выпь замылся, замылся на одном месте. По-хорошему, огонь следовало нести в Дом, старосте да людям об особом сказать. Искать встречи со сладнем в одиночку глупо было... Вот только помнил он слезы матери мальчишки. Сердце у Выпь не злое пока было, к чужому горю памятливые и отзывчивые.

Вздыхнул.

И пошел на запах.

***

Мелкие, юные сладни охотились на мелкую же дичь. Глупых птах, грызунов, насекомых — растекались сладкой, манко пахнувшей лужицей, а когда жертва пробовала угощение, хватали и уже не отпускали. Втягивали в себя и растворяли, прибавляя в весе и росте. Выпь слышал, что где-то далеко встречали сладней размером с небольшой Провал. А еще говаривали, что в Городцах богачи сладней специально откармливали, а после ели.

Выпь аж передернуло. Густой сладкий запах сам по себе вызывал тошноту, а уж помыслить о том, чтобы взять это в рот...

Двигаясь и держа нос по ветру, Выпь едва сам не угодил в ловушку. Успел, отдернул ногу, пригляделся. Сладень выбрал местом охоты яму под деревом, почти незаметную со стежки. Удачно засидку устроил, и взрослый мог проглядеть. Хищник был занят, поэтому явлению Выпь откликнулся вяло. Впрочем, на целого парня его все равно не хватило бы. А вот на маленькую девочку — вполне.

Пастух видел ее, наполовину затянутую в яму, от головы до пят покрытую мутной розовато-белой жижей.

Как давно? Живая? Мертвая ли?

Не гадать следовало, а выручать девку. Благо, пастух знал, как следует обращаться со сладнями. Случалось овдо выковыривать из липких объятий.

Выпь открыл клеть, вытащил свежесорванный прут пламени и с плеча хлестнул особого. Огонь зашипел, хищник тоже. Пахнуло горелой сладостью.

Ага. Не нравится.

Так, орудуя горячим пламенем, пастух пробивался к жертве. Сладень пятился недовольно, пытался наброситься, огрызнуться, но Выпь оставался начеку и больно бил огнем. Одна ветка пришла в негодность, рассыпалась горячими искрами. Выпь извлек из клетки вторую.

Третью.

На четвертой он уже смог обхватить девочку за худые плечи. Под слоем розовой массы не чувствовался ни жар, ни холод тела; Выпь, удерживая клеть с огнем подле себя, взялся освобождать бедняжку.

Ногтями отскреб прозрачную маску с лица, потянул, надеясь вырвать силой — оставил затею. Принялся работать руками, раздирая схватившуюся коркой жижу и отводя ее огнем.

Когда в очередной раз глянул на девочку — вздрогнул. Глаза у нее оказались приоткрыты, между веками остро блестел синий цепкий взгляд.

— Живая, — Выпь коснулся измаранной рукой бледной щеки, — Терпи, значит.

Девочка слабо дернулась.

— Не надо, — остановил ее пастух, — не шевелись.

Она послушалась. Не сказала ни слова, не плакала даже, пока Выпь, не чувствуя усталости, освобождал худое тельце из оков сладня.

Темнело быстро. Лес, с мирными звуками и запахами, уходил, близился черед другого

леса. Огня в клетке оставалось все меньше, зато и сладень тощал на глазах.

Наконец Выпь подхватил девочку. Чумазую, худую, без единого волоска на черепе и нитки на теле, но живую. Прижал к себе, успокаивающе проговорил:

— Вот. Теперь ему тебя не достать.

Девочка устало закрыла глаза, слабо обхватила его за шею.

Пастух осторожно погладил голую липкую спину. Тоскливо глянул на клеть с жалкой парой веточек.

— Давай. — Сказал будто бы девочке, но больше самому себе. — Уходить надо.

Прижал к плечу спасенную, подхватил клеть и зашагал прочь из леса.

***

К счастью, желающих навестить темнеющий лес не было, никто не видел пастуха, спешащего к своему Дому с чужой голой девочкой на руках.

Чужой. Потому что детей станowych он знал, а эта была словно и не совсем человеческим приплодом.

Выпь даже не понял сначала, что не так. Лишь Дома, высушив девочку одеялом, разглядел, что ножки у нее не склеены сладнем, а словно сращены между собой.

На *особую*, впрочем, она была не похожа. По крайней мере, таких Выпь не встречал, а перевидал он ихнего брата не мало. Почесал в затылке. Достал из потертой сумки кулек, нож. Девочка слабо вздрогнула, скосила на оружие невыразимо синий взгляд. Пастух зубами распутал грубую нить, перетягивающую горло свертку, нарезал плотную белую массу сытного творопа крупными кусками, побросал в глубокую чашку. Поднес к огню.

Не знал, чем еще можно маленькую накормить, да и еды лишней в Доме не держал.

Заговорила жертва сладня вдруг. Выпь дернулся, едва не разлив подтаявшее молоко.

— Спаси-и-и...бо. Спасибо.

— Ага, — не нашелся с ответом Выпь.

Девочка сглотнула, словно у нее болело горло. Моргнула, наморщила высокий гладкий лоб.

— Се-ре-брян-ка. Серебрянка. Серебрянка.

— Ты — Серебрянка?

Спасенная радостно кивнула.

— Хорошо. Я — Выпь.

— Вы-ы-ыпь, — она странно искривила рот и внезапно оскалилась.

То есть, запоздало понял Выпь, просто улыбнулась, только вместо зубов были две изогнутые, полупрозрачные пластинки.

Осторожно улыбнулся в ответ.

— Откуда ты?

— Я-а-а... — замолчала.

Или не могла вспомнить, или не смела правду сказать.

Выпь постарался ей помочь, спросил проще:

— Кто ты?

Тут она вовсе глянула на него, как на изверга лютого. Глаза у Серебрянки, впрочем, были куда более человеческими, чем у Выпь — синими и красивыми.

— Ладно, — вздохнул пастух, — пить хочешь?

— Пи-и-ить... Да? Да.

— Держи, — протянул ей чашку с растопленным творогом.

Серебрянка неловко, как будто не в привычку ей было, взяла чашку, и принялась быстро-быстро лакать.

— Хорошо, — сказал Выпь, поправляя одеяло, — у тебя есть кто, Серебрянка? Родичи? Девочка подняла голову, вновь растянула губы в жутковатой улыбке:

— Не-е-ат.

Выпь приложился затылком о стену Дома. Приехали.

— Не зде-ась, — продолжала она, и пастух с надеждой скосился на девчонку.

— А где тогда?

— Та-ам. Там. Надморье.

Выпь удивился:

— Надморье? Рядом с морем?

— Ды-а. Да. Наверху. Сверху. Лут.

И опять начала лакать, жмуря голые, безбровые глаза от удовольствия.

Лут?

— Ага. Ты пока здесь сиди. А я... Одежду тебе найду. Хорошо?

— Да-а, — Серебрянка подняла на него взгляд, облизнулась и улыбнулась.

Выпь мысленно попросил Дом присмотреть за гостьей и вышел в теплую тьму.

***

Кем бы ни была девчонка, рассуждал Выпь, голой ей бегать не след. Люди не поймут.

Много им и так чудного перепало.

Кроме Выпь и особых люди не понимали-не принимали еще одно явление. Но если пастух был пришлым, чужаком и имел на это отношение полное право, то Юга родился здесь. Точнее, сюда его подкинули.

Облюдок, вот же несчастье-то какое.

Выпь очень старался не выделяться, самолучшее — вовсе на глаза людям не показываться, даже одежду носил немаркую, неяркую, прочную да удобную.

Юга, в обратку, на словах и в делах был не скромный. Говорливый, разбитной, часто — с разбитыми в кровь горячими губами, темноокий и смуглокожий, с длинными, в-пасть-бы-волосожору, пречерными волосами.

Рядился так, что девки местные завидовали, общего мнения не признавал, из тряпок разных сам себе одежду срабатывал. Как ему нравилось. Становые его не шибко любили, да и сам он понравиться им не пытался, за что и случалось битье взаимное. В драке чернокосяй не плоховал, даром что девкой-подстилкой дразнили.

Эти слова обидные подкидыш говорунам в глотки обратно и забивал.

Зато в Гостином Доме у дороги было Юга хорошо и привольно, с путниками он ладно знался, а многие и приезжали, только чтобы на него еще раз глянуть, длинные волосы на кулак намотать. Так что славу Юга себе заслужил справедливо-сомнительную, о чем знал прекрасно и не печалился.

Простым садовником тровантов много ли заработаешь, даже если способность и прилежание к этому делу имеешь?

В Гостином Доме за длину век в хороший сезон приличный заработок удавалось сделать. На скакового тахи хватило бы.

Мать Юга и грозилась, и ругалась, и за палку бралась — тому хоть бы что, оскалится, удерет, и ищи-свищи его.

— Сына-то отец хотел, я доченьку у Полога просила, а народилось что, ой-ей, ни то ни

се, срамотища паскудная, глаза б мои не видели...

Так жалилась, а дарцы, которые Юга приносил, припрятывала, в хозяйство пускала. Благо не-сын не-благодарный, хотя и бывал Дома редко, про мать не забывал.

С контролерами пропыленными, что раз в палец в становье по его черную башку являлись, облудок был вежлив и нахален, благо те с ним обвыклись, сработались. Да и стол хороший им полагался в Гостином Доме за так, за одно только служебное рвение. Контроллеры снисходительно трепали подопечного, застегивали штаны, отмечали в списке, жрали-пили от пуза, да и уходили дальше. Юга презрительно сплевывал им вслед — надзорщики жадны были до мелких и крупных подарков.

У самого Юга была только одна вещица, пуще всех подарков-дарцов ему любая — бусы. Слагали их идеально округлые шарики, истово зеленые, холодные и гладкие, приятно-тяжелые. Юга с ними не расставался, а за попытку отнять-сдернуть — случалось — зубы выбивал.

***

Так что у кого тряпки девичьи на темноту глядя спрашивать, Выпь особо голову не ломал.

Остановился у всем знакомого Дома. Еле светились оконца, хозяйка как обычно огонь берегла.

Выпь ударил в теплый бок трованта раз, другой.

— Кого там принесло?! — визгливо справились из-за стены.

— Выпь это, — тихо кашлянул парень, добавил громче, — пастух.

— И чего надо?

— Сын ваш дома?

— Нет его, окаянного!

— А где?

— В дупле! — и забранилась так злобно, что пастух присел. — Да вовсе бы не знать, хоть бы и не вернулся, облудок паршивый, сучка несытая, все жилы мне вытянул, всю жизнь испоганил, чтоб им волосожоры подавились, чтоб его пыльник прибрал, чтоб его сладень затынул...

Дальше Выпь слушать не стал. Медленно, бледнея от почти физической боли — ой неладно будет сыну, если словом заденет! — отступил.

Искать Юга по темноте было сродни странствию. Где его только не было! Желтоглазый все становье обошел, преодолев нелюбовь людности, даже в шумный Гостиный Дом заглянул, но и там садовника не обнаружил.

— Ищешь кого, красавец? — к нему склонилась широкая, полногрудая женщина.

Темное мягкое платье, алый рот, а кожа белая, а груди — двумя полными, мерцающими чашами.

— Юга, — тихо прокашлялся парень.

Женщина выпрямилась, хохотнула, подругам на сторону бросила:

— И этому Юга подавай, ишь ты. Нет его нонче, миленький, и навряд заявится. Завтра приходи, завтра! А можешь и со мной прилечь, я-то не Юга, я не обижу, не укушу...

Мигнула накрашенным глазом, повела круглым плечом. От маслянистого дыма щипало в носу и тяжелело внизу живота, люди за столами сидели все праздные, незнакомые.

Выпь попятился, едва не наворачнувшись со ступеней. Дом фыркнул смехом, женщина басовито захохотала.

— Нет, спасибо, — выдохнул Выпь и, пряча глаза, начал проталкиваться к дверям — гостей в Доме изрядно было, самый сезон.

Молоденькая голая девушка, удерживающая сразу четыре тяжелых подноса, сжалась, окликнула в спину:

— Эй, скуластый! Ты на Провале глянь, он туда захаживает.

Выпь благодарно кивнули убрался из душного мрака поскорее.

***

Провал, на свое счастье, пользовался дурной славой. Настолько дурной, что даже пыльники здесь не водились.

— Юга, — позвал Выпь, предусмотрительно держась за лапы-корни.

Внизу плеснуло.

Пастух замер, прислушиваясь — мало ли кому пришла охота искупаться в молочной воде. Темнота тихо дышала в затылок, осторожно играли в траве насекомые.

Спускаться дальше?

Прямо у лица заплескала крупная мерцающая душка, Выпь отвернул голову, брезгливо дернулся. Внизу, у корней света, подобных тварей билось видимо-невидимо.

— Юга, — еще раз окликнул пастух.

— И кто меня сдал, ай? — крикнули снизу, от самой воды.

Выпь промолчал. Невидимый собеседник рассмеялся.

— Эй, пастух, давай сюда. Вместе поплаваем.

Выпь — делать нечего — осторожно пошел вниз. Спускаться было удобно, густые корни сплетали петли, куда можно было воткнуть ногу. Иные побеги уже обросли пухом, за них парень справедливо остерегался братья.

— Не больно ты ловок, как я погляжу, — насмешливо протянул Юга.

Плавал он замечательно, и даже безмерная глубина и безвестные обитатели Провала его не пугали. Выпь не осмелился бы так запросто нырять и скользить в молочной, светящейся воде, в компании крылатцев-уродцев.

— Ну, и зачем приперся?

— Мне одежда нужна. Девчачья. Я знаю, у тебя есть, — тихо проговорил Выпь, кое-как умещаясь в теплых скользких корнях.

По руке пробежала какая-то многоножковая дрянь — пастух, не глядя, сбил ее. Тварь звонко плюхнулась в воду, забарахталась — и тут же была утянута кем-то невидимым.

Юга высоко поднял красивые брови, языком скользнул по кромке верхних зубов. Зубы у него были на зависть: ровные, белые, острые.

— А ты о себе лестного мнения, совсем-не-девочка-Выпь. Что, гостей отбивать пойдешь?

— Не для меня.

— Для кого же? — Юга насмешливо сощурил странноватые, не здешней выделки большие глаза. — Всех девочек станowych я знаю, лучше правду скажи, так интереснее.

Выпь вздохнул. Парное тепло от воды напитывало одежду, труднило дыхание.

— Я нынче... у сладня девочку отбил. Ей одежда нужна.

— У сладня?! — Юга в два гребка подплыл ближе, уставился восхищенно. — Иди ты?

Выпь сдержанно пожал плечами — мол, отбил и отбил, чего удивительного. На всякий случай приник спиной к корням, с шалого подкидыша стало бы смеху ради стащить его в воду.

— Это интересно! — решил Юга. — Ну-ка, подвинься!

Ловко ухватился за корни и выдернул себя из воды. Кроме истово-зеленых бус на нем ничего не было. Выпь отвернулся, пока садовник тровантов одевался.

— Значит так, Выпь. Одежду я тебе достану, будь покоен. А ты в ответ дашь мне на девчонку поглазеть, идет?

— Прямо очень нужно, — упрямо повторил пастух.

— Ай, то я не понял! — Юга отжал богатые волосы, скрутил их на затылке. — Вперед!

Подняться получилось быстрее, чем спуститься. Теплые пасти Провалов Выпь не любил.

— А какая она из себя? Красивая?

— Обыкновенная. Маленькая.

— То есть совсем мелкая девчоночка? По-нашему разговаривает?

— Да.

— А на мордашку что? Сладенькая?

— Ага. Столько у сладня проторчать. — Выпь крепко ухватил спутника за плечо. — Стой.

Оба встали, замерли столбиками.

Тут первое, главное условие было — не двигаться.

Сверху, из самого Полога опустилась и глубоко вошла в придорожную траву серая, гладкая, ладонь в обхвате, спица. Чуть поодаль — еще одна. Застыли так. Первая спица ушла наверх, чтобы через положенный промежуток опуститься снова. Шаг. Еще шаг.

Юга дернулся, но Выпь сжал пальцы, не пуская. Третья спица проткнула землю как раз у Юга под носом.

— Многоног... Как догадался-то?

— Догадался уж, — тихо буркнул пастух овдо.

Спиценог ушел.

Парни двинулись дальше. Волоокую темноту разбивали мазки душек, да чуть манящая бледно-голубым трава. Ядовитая, зато видимо отмечающая тропку.

— Я к тебе заходил, — признался Выпь, взглядывая на смуглеца, — мамка твоя на тебя ругалась. Сильно.

— Да что с ней сделаешь, такой и помрет, бранчливой да визгливой, — скороговоркой отмахнулся Юга, на ходу разбирая тяжелые волосы, — меня подкидышем с детства кликает, мол, не родной я ей. Ну и она мне как чужая тетка драчливая.

Выпь ничего не ответил. Сам он мать свою и не знал даже, на ноги его приходимцы поставили, а уж как Топленки совсем под воду ушли, пришлось и ему куда глаза глядят податься.

С Юга они друзьями не были, знали друг друга, как и положено жителям одного стана, но близко не сходились. Юга все больше при саде старосты обретался, за тровантами ухаживал, да при заезжих в Гостином Доме путался. Выпь же с века до ока в индовье пропадал.

У Дома облюбка остановились. Юга перекинул на плечо тяжелые волосы, улыбнулся, показав слишком много зубов сразу. Быстро проговорил:

— В гости не зову, уж извиняй. Здесь обожди, я скоро обернусь.

Сказал — сделал, Выпь заскучать не успел. Сунул в руки пастуху мягкое тряпье скруткой.

— Вот здесь все, в свертке. На дитячий рост у меня все равно нет ничего, что попроще набрал. Ну, а теперь веди, показывай!

Выпь ругнулся про себя — не дело живую девчонку приبلудную как чудную заморскую диковинку любопытным глазам казать. Но обещал. Слово он всегда держал.

— Не разболтаешь? — глянул исподлобья.

— Ай, за кого считаешь?! — Юга тряхнул волосами, упер кулаки в бедра. — Если б я трепался, да обо всем что видел-слышал, так давно язык мой рабочий на корню бы подрезали...

У самого Дома Выпь все же не утерпел, остановил Юга:

— Ты, только, того... Она... Странная немного.

— Или ты особую из беды выручил? — ничуть не смутился темноглазый.

Выпь же только разглядел кровоподтек на смуглой скуле, будто вдарил кто в сердцах или в стену толкнул. Юга не впервой было битому ходить, пятна с него быстро линяли, но Выпь отчего-то вдруг потерялся.

— Нет, она... Не знаю.

— Да не проговорюсь я! Гляну только, а после сам решай, что с ней делать. С меня должок, еще с того раза.

Мотнул рыхлой, наспех сплетенной косой, и первым сунулся в Дом, наперед хозяина. Дом и рад был — открылся, подставился под мимолетную ласку тонких пальцев. Камни живые к садоводу всегда льнули, в любой Дом войти был волен, стоило только попросить.

Выпь же покачал головой. Не любил первое их знакомство вспоминать.

Девчонка спала, свернувшись клубком под старым плащом. Юга осторожно присел рядом, почти не дыша, всмотрелся в детское странноватое личико.

— Она тебе кем сказала? — спросил звонким шепотом.

— Серебрянкой назвалась. Имя ли, не знаю.

— Серебрянкой, хм...

Юга распустил волосы — влажно, душно пахнуло сыростью Провала. На темные пряди села, расправила крылья душка. Довольно засветилась, в прозрачных крыльях виднелись черные паутинные косточки. Ради них душек вываривали, а полученный экстракт после продавали по большой цене. Выпь слышал, что он дарит легкость жизни и дыханию. Уходить садовник не торопился, глаза его настороженно поблескивали.

— Ну, а что если она из этих...

— Из каких?

— Из *Ивановых поделок*, — понизив голос, опасливо поделился Юга.

Выпь лишь фыркнул.

— Как? Мы здесь, а Ивановы там где-то. Сами по себе.

— И очень просто! — запальчиво вскинулся Юга. — Девчонка сама же сказала — заблудилась! А то ты не знаешь, что если заблудишься, то куда угодно попасть можешь, даже... к Ивановым.

Выпь призадумался. Сам-то он к этим местам тоже приبلудился. Оглядел девочку. И сколько же она у сладня провела?

Спросить, как проспится.

Или не спрашивать.

— Еды я прихватить не догадался, — с досадой вымолвил Юга, перебирая бусы на шее, — у тебя есть что?

— Немного, — спохватился пастух.

Пропитанием он сильно не заморачивался, неприхотлив был. В Доме, пустующем несколько пальцев кряду, запасов не держал. Твороп весь извел. Почесал в затылке.

— Староста позвал. Праздник у него. Там еды прихватчу. Ты идешь?

Юга глумливо усмехнулся:

— Мой выход последний, важным людям в подарок, в отдохновение.

Выпь кивнул, про себя удивившись — ну какой из Юга подарок, с его-то нравом-норовом.

— Ну, я пошел тогда. Удачи с девчонкой, пастух.

— Ага. Спасибо.

— Обращайся, — хмыкнул Юга, прекрасно зная — не обратится.

2.

К Дому старосты Выпь добрался с изрядным опозданием. Пустили его без расспросов сразу провели в обеденную, где уже не продохнуть было от гостей и обильной еды. Робел поначалу, но скоро освоился, пристроился в шестом углу, откуда и вид был хороший, и об него самого глаз не спотыкался.

Гуляли знатно, одного огня было клетей десять, да еще пара чаш. Веселили собравшихся приглашенные ваганты, гости пели и плясали, ели и пили за здоровье хозяина и домочадцев. Младшая дочь нарядной бездвижной куклой сидела на почетном месте, под охраной матери и тетки. Не смела шелохнуться, изредка моргала тупо, опоенная каменным порохом. Сестер ее староста успешно сбавил из Дома за важных людей, за большие дарцы, и нынче прогадать не хотел. Прибывшие нови в разговорах уже разобрали по косточкам и девушку, и гул, и самого хозяина.

Выпь скучал. До тех пор, пока к нему не пробрался услужник с вестью: староста к себе требует.

— Хорошо, — буркнул пастух, испытывая некую даже благодарность к холеному, сытенькому слуге Дома, потому что изображать ветошь под любопытными взглядами делалось все труднее.

Староста ждал его на черном дворе, в кругу нескольких уважаемых гостей и стылой пустоглазой тьмы. Огонь в уличных клетях дрожал под вспышками крепнущего ветра, тени людей вытягивались, мазали узорчатые стенки красного улья.

— Вот и пастух наш, парень толковый! — радостно представил его староста.

Гости с интересом оглядели Выпь, с сомнением переглянулись:

— Молод больно... — Протянул налитой мужик в богатой одежде и с багровой рожей. На пузе у него хвастливо лежало ожерелье-низка из дарцов. Взглянул под бока. — У нас вон все пастухи раза в полтора и старше, и опытнее, и с плетями-подсеками не расстаются, да и то не всегда с гулами ладят, а этот-то разве потянет? Ииии, сомнительно мне что-то.

— А вот я вам, гости дорогие, все и покажу-докажу. Ну-ка, ну-ка...

И ухватился за резной засов, крепящий створцы улья.

— Нет, — вырвалось у Выпь. На него удивленно обернулись. Не по чину заговорил, да смолчать не мог, продолжал хрипло, — нельзя. Матка выходит, нельзя тревожить. Худо будет.

Гости обменялись взглядами, заулыбались.

Хозяин же нахмурился, начиная сердиться. Ударил тяжелым кулаком в стенку улья.

— Или ты мне указывать вздумал? Забыл, кто тебе платит, кто тебя в стане приютил?

Выпь сглотнул.

— Не забыл. Потому и говорю — не выпускайте.

— Или боишься?

— Боюсь, — честно признался Выпь.

Присутствующие грянули смехом. Пастух никак не мог растолковать их гонор: здоровые мужики ведь все были, о гулах знали, о матках тоже наверняка слышали.

Вспомнил, как уважаемый тио отводил гостей к себе в горенку, как возвращались те после — со странным неживым блеском в глазах. Вспомнил тонкие пустотелые стеклянные

травинки, тонкомолотый порошок-порох — забаву из Городца, до которой его наниматель сделался большим охотником.

Староста, посмеиваясь, убирал засов. В стенки улья тяжело бился встревоженный гул. Выпь отступил, соображая, что предпринять. Чтобы без урона для чести и жизни гостей.

— Вот и покажешь, зря ли я тебя тут все веко нахваливал, да не зря ли вообще Дом дал, камнями-молотами прочь не погнал...

— Хорошо. Покажу. — Выпь поднял руки, признавая волю хозяина. — Только вы уйдите. В Дом. В окно смотрите.

— А-ха-ха, вот бестолковый! Или мы бабы трусливые, от овдо толстобоких прятаться?

Староста разомкнул створцы — и гул потек черной водой. Овдо за овдо, сплошной гладкой цепью выходили в темноту злые, взбудораженные особые. Выпь, стараясь не показывать волнения, не пахнуть страхом, встал сбоку, отслеживая каждого. Была затея — узнать матку, будущий осередок роя, подхватить и спрятать. А тогда и гул бы повертелся-повертелся, да ушел обратно, мирно спать.

Гости же хохотали, орали, пьяно взмахивали руками, шугая овдо.

— Ну и крупные они у тебя! Почище моих будут!

— А то, знай, из какой семьи девку берешь...

— Ну а по мне — шелюзга, стоило ли бахвалиться! — заявил другой гость и наподдал блестящим сапогом в бок ленивому овдо, вьющемуся у земли.

Тяжелому, крупному, с еле приметной светящейся линией по хребту — местом будущего разлома-деления.

Выпь покрылся липким, холодным потом.

Гул взвился, как смертельно оскорбленный человек, гостя вмиг объял пляшущий черный факел. Плеснул — и распался, в куски, в клочья раставив мужика. Второй гость повалился на спину, бессвязно закричал, бестолково замахал руками — накрыло и его.

Дикий вскрик срезало под корень.

Выпь оскалил зубы и *запел*: зарычал, низко завыл, голосом, как давящим камнем прижимая к земле взбесившийся гул. От натуги во рту сделалось солоно, а гул все метался, не в силах подняться выше, стреноженный сторонней волей, разрывался между ярением и приказом извне.

Наконец, сдался, медленно потек обратно в улей. Выпь, не обрывая песни, прикрыл створцы, сдвинул засов — и стала тишина.

Глухо ворчал, стучал в стены обиженный гул. Староста сидел на земле, таранился на своего пастуха. Скреб пальцами. Словно восковина забила ему уши, словно разумник унес сознание — ужас студнем застыл в открытых глазах, сковал члены немотой. Губы развалились, на нарядной бороде блестела слюна.

Выпь посмотрел. Выдохнул. И, не оглядываясь, быстро зашагал к своему Дому.

***

Собирать в дорогу особо нечего было, все пожитки пастуха, включая любимую безделку, эдр о двенадцати граней, легли в одну сумку на двух широких ремнях. Выпь пристроил ее за плечами, завернул в одеяло сонную девочку-Серебрянку.

Погладил грустный Дом по шершавому боку.

— Прости. Плохим я хозяином был. За приют спасибо. Прощай.

Тахи у пастуха не было, но на своих двоих шагать он мог долго и быстро — навык полезный. Большая, укатанная дорога от стана одна стелилась, на ней пастуха в первую

голову искать бы стали. Выпь, рискуя, избрал другой путь, окольный, через *Самантовую рощу*, костяную путаницу. Место дурное. Не лес, скалящийся из темноты, но все же к людям не доброе.

— Втянул я тебя, — пробормотал пастух Серебрянке, невольно замедляя шаг на подходе к роще.

— Это ничего, не страшно, — неожиданно отозвалась девочка, — и можешь меня уже на ноги поставить. Я теперь умею ходить.

Выпь, помолчав, выполнил просьбу. Девочка и впрямь твердо встала на ноги, сделала пару шагов. Довольно кивнула.

Пастух смотрел на странное свое приобретение, приобретение глядело в ответ. Улыбнулось, и Выпь рассмотрел, что пластинки ротовые треснули, расщепились на мелкие частые зубки.

— Давай так, — вздохнула Серебрянка, — тебе же едино, куда идти, лишь бы подальше, да? Я предлагаю к...к Черному Городцу двигаться. Так, кажется? Ты же... отшельник? Там тебя кто искать будет?

— Городец, — Выпь оглянулся на покинутый стан, с досадой сжал кулаки.

Ну, староста, удружил бахвальством...

Прикинул путь — не близкий, надо сказать. Но куда ему податься, с клеймом пастуха, не удержавшего гул. Погубившего двух (или трех?) человек. Ибо, по совести, не на овдо же вину сваливать.

— Пусть Городец.

Девочка вгляделась в рощу и смущенно прижалась к ноге Выпь.

— Я тебе мешать не буду, но за руку подержусь, можно?

Выпь крепче сжал холодную ладонь. Доверчивая робость спутницы странным образом вселяла уверенность в него самого.

Самантовая роща дремала. Ее силой, ее праздником были зеленая и белая, красной она теряла в весе и почти не проявляла интереса к случайным проходникам. Благо, последних мало было, люди и особые держались подальше от рощи.

— Здесь можно разговаривать? — спросила Серебрянка, оглядываясь.

— Можно. Только осторожно.

— Что это вообще за место такое?

— Самантовая роща, — стараясь говорить как можно тише, ответил Выпь.

— То есть роща Саманты?

— Она не чья-то. Она сама своя. Сама по себе.

— Она живая?

— Да.

Девочка зябко повела плечами.

— А почему ты шепчешь? У тебя горло болит?

Пастух моргнул, замялся:

— Да.

— Врешь, — она расстроено нахмурилась, будто его ложь или правда имели для нее огромное значение.

Выпь ничего не сказал на это.

Самантовая роща являла собой кружевной узор хитрой, странной красоты — словно некто расшил спекшуюся черную землю белыми костяными нитями, да стежки — в

человеческий рост — не потрудился затянуть. Стежки эти Выпь напоминали позвонки — как есть дуга с отростком.

Пробираться лабиринтом следовало медленно и с величайшим бережением. И убереги Полог задеть хоть одну дугу!

Сказывали, что прежде было здесь одно великое хоронилище неких особых, куда сбивались твари помирать. Плоть сгнивала, а кости после жили, в одну сеть сращивались, соки земляные сосали или, случалось, живых прихватывали.

Выпь снял сумку, первым скользнул под дугой-стежком, стараясь не коснуться даже краешком одежды. Распрямился осторожно, окинул взглядом предстоящий путь — в простых дугах да причудливых фигурах, светящихся неясным белым.

— Это было бы даже красиво, если бы не было так страшно, — на удивление точно озвучила его мысли девочка и прибавила загадочное, — биолюминесценция...

Они шли еще, а потом до обострившегося слуха Выпь долетел далекий, высокий голос тахи. Пастух обернулся. Неужели погоня столь отчаянна, что люди осмелились бросить скакунов через рощу?

— Это за нами?

— Это за мной. Нужно быстрее.

Странная девочка наверняка устала выдерживать ходку, заданную пастухом, но прибавила шаг. Она совершенно точно не была человеком — какой человеческий детеныш, босой и наверняка голодный, удержался бы от слезных жалоб, капризных криков?

Сердце рощи, самое густое переплетение кружева, лежало за спиной, им оставалось не так много, когда ближайшая петля вдруг без предупреждения ушла в землю. Оба замерли, Серебрянка со свистом втянула воздух, крепко ухватила за руку Выпь.

Прочие дуги последовали примеру товарки, дружно ныряя под землю. Сияние вокруг гасло, темнота наваливалась душным одеялом.

— Что они делают?

— Она. Она меняет узор.

Он уже видел окончание рощи, теперь же они могли оказаться либо в ее середине, либо в самом истоке — как решит хозяйка. Говорили, что иные путники бродили до смерти, замороженные новыми и новыми витками кружев, дурным узором.

Выпь сжал зубы, крепко ухватил девчонку:

— Бежим.

Припустили — во все лопатки.

Они неслись, перескакивая через вздымающиеся из земли белые костяные дуги, уклонялись от летящих навстречу отростков, обдирались, на брюхе проскальзывая под стягивающимися петлями, а роща не кончалась. В какой-то момент Выпь отчаялся — они бежали словно вслепую, строго подчиняясь узорам, как того хотела роща. Девочка, держащаяся бок о бок со спутником, вякнула, получив отростком, Выпь скосил глаза и полетел кувырком, запнувшись.

Сел, тряхнул головой, пытаясь остановить вращающийся каруселью мир. В двух шагах впереди поперла из земли толстая, сверкающая арка — и тут же просела, прогнулась под тяжестью прыгнувшей ей на хребет фигуры:

— По верхам! — велел знакомый мужской голос.

Его вздернули за ворот — треснула, лопаясь, ткань — а дальше они снова бежали, перескакивая со спины на спину поднимающихся дуг, хватаясь за отростки, а внизу земли не

было видно из-за мельтешения костяных нитей.

А потом роща кончилась. Их подкинуло в последний раз и швырнуло за пределы костяницы, стряхнуло, как крошки с новой салфетки.

В новом старом мире сомкнулось веко, было темно и холодно, а Самантовая роща бесилась, ткала себя заново, и Пологу становилось больно от полыхающего белого огня. Пастух знал: когда все закончится, на выжженной земле появится новый узор, невиданной красоты и изящества, и, может статься, кому-то повезет его пройти.

Как повезло им.

— Вышь? Вышь, отпусти меня. Пожалуйста.

Пастух глянул, сообразив, что руку Серебрянки он так и не выпустил.

— Прости, — пальцы занемели, спутнице должно было быть больно.

— Это ничего, — успокаивающим шепотом откликнулась девочка, прижимая к себе кисть.

— Ай, вот же чудная тварь. Сразу видно — баба, им-то подобные взбрыки куда как привычны...

— Юга?! — против воли едва не проорал Вышь.

Девочка шарахнулась, облюдок дернулся, как от пощечины. Сквозь зубы протянул:

— То шепчешь, то орешь, определись уже, немытыш.

— Что ты здесь делаешь?

— Гуляю, — огрызнулся черноволосый, — как и ты, видимо.

Вышь поймал взгляд Серебрянки.

Осторожно спросил:

— Куда гуляешь?

— Спроси лучше, от кого он бежит, — себе под нос буркнула Серебрянка.

Юга глянул на нее, как на заговоривший овдо:

— Скажи лучше «спасибо» за то, что я вас вывел. Выправилась твоя девочка, как погляжу.

— Куда ты идешь? — упрямо повторил Вышь.

— В Черный Городец, — помедлив, отозвался Юга, — у меня там знакомые, думаю устроиться.

— Ты же... То есть — контроллеры хватятся же...

Юга только плечами дернул, скороговоркой выпалил:

— Ай, подумаешь. Там на учет встану, не переживай, без пригляда не останусь. Ну а ты что? Староста — слышал — вроде как хвалился тобой, с нужными людьми свести обещал?

Вышь сморщился, потер мокрую шею. Отвел взгляд. Странное дело, с Юга говорить ему было легче, чем с другими людьми. А врать ему — тяжелее.

— Ладно, объехали, — вздохнул облюдок, — не убил же ты кого, в самом деле.

Пастух промолчал, кусая щеку изнутри.

Юга недоверчиво склонил голову:

— Ты? Ай, да ты просто...

Махнул рукой.

Зашагал взад-вперед, кидая длинные взгляды то на рощу, то на мрачно сгорбившегося Вышь, то на настороженную Серебрянку.

Вернулся, сел рядом, сильно задел острым локтем:

— Ладно. Я тебя не знаю, да и ты меня тоже. Но цель у нас одна, идти вместе

безопаснее, согласен? Доберемся до Черного Городца, а там враз распрощаемся. Идет?

— Почему решил, что нам по пути?

— А у тебя есть другое что на примете?

Выпь задумался, глядя на полыхающий костер рощи.

— Хорошо. Вместе.

***

Не спрашивая друг друга, в молчаливом единодушии шли через все оставшееся веко. В темноте видели по-разному (и разное), благо Юга озаботился прихватить невеликую банку с запертыми душками. Фонарь, даром что не огневой, прилежно разгонял густой мрак, подсвечивая дорогу. Пастуху знакомы были эти места. Далекое от главного, безопасного тракта, лишенные жилых становищ, сплошь покрытые жесткой щетиной красной травы. Вверх и вниз, вниз и вверх, плавные изгибы некрутых холмов — Выпь шагал, не ощущая усталости, Юга тоже не жаловался, Серебрянка старалась не отставать.

Размеренная ходьба вкупе с неотвязным чувством погони гнали охоту размышлять над внезапным спутником. Выпь решил отложить расспросы, а пока сосредоточился на дороге и простирающейся — куда ни глянь — сухой красной пустоши.

Полог окрасился нежным бледным светом, поднялся ветер, зациркала в траве какая-то дрянь — сквозь веко проступал свет.

Юга пригляделся к душкам, опустившимся на дно банки, и, сорвав крышку, вытряхнул тварей. Выпь обогнул полудохлые порождения Провала.

— Свежих наловлю, — беспечно проговорил Юга, убирая порожнюю емкость в сумку.

Серебрянка споткнулась на очередном подъеме и повисла на руке пастуха.

— Извини, — сказала, пристыженно глядя в землю, — я не могу больше.

Парни переглянулись.

— На руки возьму, — решил Выпь, но Юга остановил его.

— Ай, да не гони ты. Мы прошли более чем достаточно, ничего не случится, если задержимся ненадолго. Я, например, устал и жрать хочу. Ты нет?

Выпь вздохнул, но спорить не стал. Устроили привал.

Девочка легла ничком и сразу же заснула, отвернувшись от предложенной пищи. Выпь набросил на нее пастуший плащ, подсунул под лысую голову сумку. Хоть какое-то подобие удобства.

Подошел Юга, играя бусами, носком мягкой обуви коснулся бедра Выпь.

— Тут дикий Провал недалеко, сходим?

— Зачем? — напрягся Выпь.

— Да затем, чтобы воды впрок набрать, да пыль дорожную смыть. Не знаю как ты, а я после этой рощи чувствую себя грязным, как овдо в зеленую.

— Они не грязные, — обиделся за подопечных пастух, — они чистоплотные.

— Хорошо, я тоже очень чистоплотный и чистоплюбивый. Пошли, ну!

Выпь скорбно изогнул рот, но компанию составил.

Провал в самом деле был диким — узким, заросшим, сверху до низу набитый порхающими тварями. Пастух остановился на краю, обметанным тонкими корешками красной травы, глянул вниз:

— Я туда не полезу.

— Ну и трус.

— Я не трус, — упрямо нахмурился Выпь, — но туда не полезу.

— Да как знаешь, пахни себе дальше, — презрительно фыркнул Юга.

Стащил куртку, оставшись в диковатой легкой рубашке без рукавов, на тонких лямках, и странных штанах, широких в бедрах и узких в щиколотках.

Скинул обувь, поднял косы и, оставив на хранение Выпь лучший свой укоряющий взгляд, начал спускаться.

— Ну, что? — не выдержал пастух долгого взаимного молчания.

— Что «что»? — глухо откликнулись из Провала. — Спускайся, сам любуйся.

Выпь закатил глаза.

— Воды набрать не забудь.

— Еще что мне не забыть присоветуешь? Ай!..

Плеснуло — так смачно, что отдельные брызги обожгли пастуху лоб. Выпь вздрогнул, невольно шарахаясь от Провала.

— Юга? В порядке?

Молчание.

Пастух, закусив губу, вытер вспотевшие ладони о грязные штаны, еще раз позвал, не дождался ответа. Тоскливо подумал — ну что? Что с того? Если какая-то тварь Юга и схватила, какая ему теперь от Выпь помощь? Только порождению глубины радость, лакомая добыча.

— Ага, — вздохнул и, уняв дрожь в руках, полез вниз.

Было тесно и душно, от воды поднимался слабый пар и не слабый свет. Дышать стало трудно, голову кружил тяжкий дух зрелых цветочных голов. Душки тут же захлопотали кругом, к пальцам прилипали извивающиеся длинные щетины. Выпь, не выдержав бешеного стука сердца, замер на середине пути, тяжело дыша, взгляделся вниз, в неровный отрез воды.

Юга видно не было.

Лишь у самых корней темнело под верхним слоем воды что-то. Юга? Или тварь его дожидалась?

Выпь продолжил спуск.

Вдруг успеет помочь?

У самой поверхности замер, не дыша. Сбил с лица огромную, в две ладони душку, отмахнулся от ее подруги, а потом что-то крепко и больно схватило за ногу и сорвало вниз, в матовую воду.

От неожиданности Выпь заорал и тут же захлебнулся, судорожно прынул вверх, к таким теперь вожаемым корням. Нечто сильно толкнуло его в спину, буквально выбрасывая на поверхность. Выпь судорожно вцепился двумя руками в корни, зашелся кашлем — так, что в глазах потемнело.

Слепо дергаясь, не отдышавшись толком, потянул тело наверх, прочь от воды, от жадной глубины Провала.

— Да не суетись ты! Шутка это была, ну?

Выпь с трудом повернул голову, встретился глазами с Юга — целым и невредимым, и мокрым с головы до ног.

Юга глухо посмеивался, шурил глаза; в черных волосах вспыхивали твари:

— Ты еще и плавать не умеешь, пастух?

— Да пошел ты, — еле двигая губами, произнес Выпь и внезапно заорал, так, что дрогнула вода, — да пошел ты!

От такого голоса, злости самой высокой пробы, шугались и смирялись овдо в лютый

гон.

Юга отшатнулся, вжимаясь спиной в стенку Провала. Широко раскрыл глаза, скулы у него побелели, а в воду часто, дробно закапала кровь — будто Выпь в переносицу ему вломил. Юга мазнул пальцами над губой, растерянно слизал кровь с подушечек. Веселья как не бывало. Облюдок смотрел загнанным зверем. Собрался, сжался, как для смертного боя готовился.

Выпь вдавил рот в ладонь, запрещая себе пользоваться голосом. Отвернулся. Зажмурился, растирая гнев, как гадкую тварь Провала.

Ему стало ужасно стыдно.

— Эй, — его неловко хлопнули по ноге, — прости, а?

Пастух кивнул, не оборачиваясь.

— И ты меня. Ты меня тоже прости. Не хотел.

Юга помолчал и задумчиво протянул:

— Зато воды набрали... Полные штаны.

И еще набрали — в баклаги, и Юга отловил самых здоровых душек, на случай, если до века не встретится больше ни одного Провала.

Покидая теплую земляную пасть, Выпь испытал острое чувство счастья. Юга благоразумно помалкивал, но большой вины за собой не чувствовал. В самом деле, мог ли он знать, что угрюмый нелюдимый пастух окажется такой девчонкой?

Ко всему у него ныла голова — как на плохую погоду, сильный ветер. Подташнивало от пережитого страха, никак не унималась кровь, пачкала кожу и рубашку. Что-то не то было с голосом этого парня.

Когда вернулись, Серебрянка еще спала, с головой замотавшись в плащ.

Юга окинул ее взглядом, протянул:

— Тебе не кажется, что она за это веко подросла как-то?

Выпь пожал плечами. Мокрая одежда противно липла к телу, а разнагишаться пастух стеснялся.

В отличие от Юга, который разделся в один мах ресниц — просто скинул штаны, рубашку, оставшись в тонком, мало что скрывающем исподнем и яро-зеленых бусах. Расплел волосы, вытащил из прядей сдохшие душки и с блаженным вздохом откинулся на плаще.

Пастух не выдержал и прикрыл лицо ладонью, чтобы хоть как-то унять стыд и возмущение.

— А ты так и будешь в мокром сидеть? Раздевайся, под Пологом — ай, хорошо как...

— А если увидит кто?

— Кто? — фыркнул облюдок. Лениво обернулся на живот, положил острый подбородок на сцепленные ладони, беззастенчиво рассматривая пастуха. Под тяжелыми мокрыми ресницами плавился черный жар. — Спиценоги? Есть им дело до тебя, как же. Или ты за Серебрянку переживаешь? Так расслабься, вкус я ей не испорчу, от мужиков не отверну...

— Ты бы волосы прикрыл хотя бы. *Волосожора* приманишь.

— Вот уж не твоя забота.

Повозился еще, поерзал — трава щипалась сквозь плащ даже — и задремал.

Выпь обождал, убедился, что спутники его крепко спят, и, озираясь, стащил и обувь, и штаны, и плотную рубашку. Выжал, отряхнул, кое-как растянул на траве. Сам устроил костер — захватил на такой случай из Дома малую веточку огня в походном коробке. Пожевал зерен коча, привычно гоня дремотную одурь. И все равно, глядя в огонь, незаметно для себя

забылся. Очнулся от близкого шороха высохшей травы.

— Ну, и чего ломался? Вполне ладный, жилистый, загореть бы тебе чуть, и первый парень на становье. — Горячие пальцы походя мазнули по хребту, от чего с пастуха слетел последний сон. — Да, и не сутулься, ты же статный да высокий, это я как много и многих повидавший говорю.

— Ага, только замолчи, — смущенный и сонный, Выпь суетливо напялил почти просохшие одежды.

Юга поцокал языком, насмешливо сощурился.

Из-под плаща выбралась Серебрянка, и Юга перевел взгляд.

— Скажи, я был прав. Она и вправду вытянулась. За один-то переход, не плохо.

— Привет, — девочка подседа к огню, кашлянула в кулак, — можно мне попить?

— Держи, — Выпь протянул ей баклагу.

Серебрянка сделала несколько жадных глотков. Поблагодарила, продолжая недоверчиво ощупывать глазами Полог. Нерешительно осведомилась:

— А эта вот штука, она всегда зонтег Хома закрывает?

— Зон... чего закрывает?

— Ну, небо. Облака. Зонтег. Солнце, луну, Хома там... всякие... Лут?

Под непонимающими взглядами вовсе смешалась.

Юга выразительно дернул бровью.

— Это Полог, — глухо обронил Выпь, — он всегда был.

— Ладно, — девочка посмотрела на свои руки, сжала пальцы в кулак, — мы идем?

***

Шли тем же порядком, что и допрежде. Долгие переходы здесь были не приняты. Отдохнувшая Серебрянка вертела головой по сторонам, поочередно закидывала спутников глупыми вопросами. Парни поняли, что ни о спиценогах, ни о пыльниках, ни о Провалах, ни о тровантах она не знала.

— Но почему нельзя начертать карту? — упорно допытывалась у Выпь.

Желтоглазый был не в пример терпеливее скорого на слова-подзатыльники, злоязыкого облюдка. Его примучивать можно было безбоязненно и безболезненно.

— Потому. Пространство, оно дикое. Бездомашнее. Границ нет. Главное при тебе — знать, куда хочешь попасть. Цель в уме держать. Тогда тебя непременно выведет.

— То есть, если я без цели гулять буду, то вовсе никуда никогда не приду?

— Ага.

— Чушь какая...

— Оттого группами люди ходят, мелкая, — вставил Юга, — когда много человек одну цель в голове держат, направление быстрее дается.

— А как же тракт ваш?

— То тракт. — Терпеливо пояснил Выпь, не отвлекаясь на раздраженное пофыркивание Юга. — Он смирный, выученный. Как положили — так и лежит.

Девочка в ошеломлении качала лысой головой.

— Откуда ты только взялась такая несмышленная, ай? — поинтересовался Юга, когда уже к веку они пробирались карминным полем.

Девчонка ответила значительно позже, когда тот же Юга увлеченно отстаивал перед Выпь право не прятать струящиеся волосы под глухой тканью от волосожора.

— Мне надо к Сухому Морю, — сказала, уставив на пастуха синие, как утопленник,

глазища.

— Рад за тебя, а что ты там делать собираешься? — бросил Юга.

— У меня там родные, — потупилась Серебрянка.

— Что, у самого-самого Моря?

— За Морем, вообще-то. Надморье, — еле слышно ответила девочка. — И выше. И дальше.

— Как же ты одна здесь оказалась? — первым поборол удивление садовник тровантов.

Она неопределенно пожала плечами. Снова без ответа.

Не далеко, близко заверещали тахи. Высокие голоса скакунов привольно раскатились над причесанной ветром равниной, замылились за круглые спины *карминов*.

Путники встали, как вкопанные.

— Нагнали, — спокойно отметил пастух, сжимая кулаки.

— В стадо, живо! — Юга первым рванул к карминам — бесстрастным тучным глыбам.

Людей пасущиеся особые будто не заметили, пустили к себе. Их ничего не волновало под Пологом, ничто не могло испугать или удивить. Но вот кого они не жаловали, того и раздавить могли, в мокрое пятно раскатать...

Путники сбились за теплым боком крупного кармина, тесно прижались друг к другу.

— Это тот, от кого ты бежал? — спросила Серебрянка самым невинным голосом.

Юга шлепнул ее по макушке. Выпь одернул парня:

— Не обижай ее. От кого ты бежал?

— А может, это по твою голову, а? — с вызовом процедил Юга, осторожно высовываясь из-за справного тела кармина.

По равнине шли тахи — легкие, красивые, стремительные. Гладкие их круглые ноги наворачивали дорогу, всадники сидели как влитые, под краснозаревным Пологом мягко блестели шлемы и нашивки.

— Определенно, это за мной.

— Да кто?

— *Вердо*.

— Вердо? — не поверил Выпь. — Но они же все в Городцах...

— Так-то да, — кисло усмехнулся Юга.

— А по факту — нет, — снова не удержалась Серебрянка.

— Прячься!

Нырнули дружно обратно, да поздно — их успели заметить.

Тахи дружно, не ломая строй, развернулись. Один из всадников выдвинулся вперед, прочие раскинулись по правую и левую сторону.

Юга застонал от досады:

— Ай, он и *руки* свои приволок...

Выпь глянул за спину, решительно проговорил:

— Надо глубже забраться. Тахи не пойдут, не любят карминов. А кармины не любят вердо.

Осторожно, перебежками, двинулись в стадо, хоронясь за большими нагретыми тушами. Подлетевшие к черте карминов тахи фыркали, перебирали ногами, люди беспокойно тянулись в седлах, высматривая беглецов.

— Юга! — внезапно позвал тот, что возглавлял погоню. Стащил наголовник и оказался узколицым, с рыжим гребнем волос. — Юга, я знаю, что это ты!

— Знает он, как же, — прошептал Юга, плотнее вжимаясь в бок кармина.

— Не вынуждай меня, сукин ты сын! — продолжал человек, и в голосе его едва уловимо скользнула змей-трава. — Сам выволакивайся, или я тебя за волосы выдерну, как морковку с грядки, не?!

— Я гляжу, полюбилося ему за волосы меня дербанить, — высказался Юга, морща нос. — Но что за морковка такая, любопытно...

Человек, разгоряченный погоней и близостью добычи, распался все больше и больше.

— Юга! Юю-ю-юга-а-а!

— Эк его взяло, — виновник действия остро улыбался, будто было что приятное в чужой бессильной муке.

— К нему не выйдешь?

— Чтобы он мне башку снес, а после сам удавился? Ай, благодарим покорно.

— Юю-юга-а-а!

— И не отвяжется же теперь, — в голосе беглого садовника усталость мешалась с удовольствием, как от трудной, но честно проделанной работы.

Выпь вздохнул. Он не знал и не спрашивал, чем облюдок успел подсуропить вердо. Но прятаться всю жизнь они не могли тоже.

Сказал:

— Я пугну тахи. Вы уши закройте.

Серебрянка сразу поняла, кивнула и плотно прикрыла ладонями уши, еще и зажмурилась. Юга недоверчиво скривил темные, по-девичьи пухлые губы:

— Или ты один всю кодлу пугать собрался?

— Ай, один, — передразнил пастух, — не зря же меня Выпь люди нарекли. Уши прикрой.

Юга выразительно закатил глаза, но послушался.

Сам пастух в придумке не сильно уверен был. То есть людей да особых страшать ему и раньше приходилось, но вот беда — Серебрянку и Юга задеть не хотел.

Прокрался, подобрался как можно ближе к преследователям, благо таилось в обманчивом, сизоватом предмете замечательно.

Облизнул пересохшие губы.

И.

Запел.

Человек заткнулся резко, с первым же звуком, будто напоровшись горлом на спицу. Истово завизжали пугливые тахи, заплясали — люди их еле удержать сдюжили, а когда Выпь, выждав мало, запел по-новому — совсем головы потеряли, прочь кинулись.

Вердо рыжий дольше всех продержался, все вертелся, старался Выпь углядеть. Напрасный труд, с местностью сливаться пастух был куда горазд. Наконец, махнул рукой упрямец, плюнул с досады, да за своими умчал.

...спутники глядели внимательно, но, как отметил для себя Выпь, без лютото ужаса.

— Вот, значит, как ты в полный голос разговариваешь, — протянул Юга без привычной усмешки, — если б вместо того мужика ты меня кликал — окочурился я бы, точно.

— Точно, — тяжело кивнул пастух. Обернулся к Серебрянке, — ты как? Голова не болит?

— Не, все хорошо, — девочка улыбнулась, — а здорово ты пел, аж земля тряслась!

— Ну, это скорее тахи под его песню в пляс пошли, — ухмыльнулся Юга.

Потянулся, распрямляясь. От вспыхнувшего страха, выбелившего лицо, не осталось и следа.

— Сказать не хочешь? — Выпь глянул исподлобья.

— Спасибо, конечно, но не твоя забота.

— Как знаешь. И волосы прикрой. Места здесь плохие.

— Не твоя забота!

На веко решили остаться среди карминов. Благо доброго тепла от них шло столько, что огонь не нужен был. Да и особые прочие карминов сторонились, так что даже у чуткого Выпь появилась возможность выспаться.

— Жаль, что дикие они. Молока бы надоили.

Серебрянка изумленно глянула на ближайший кармин — огромный, прогретый валун, без сколов, идеально округлый. Сторожко обошла его, бережно провела ладонью по боку — шершавому, бурому, с тончайшими красными веточками-жилочками.

— Они что, живые?

— Ага, — удивился вопросу Выпь.

— С ума сойти. У вас здесь все живое, наверное.

— Не все. Но многое. Как иначе-то?

— А можно я на него залезу? — робко спросила Серебрянка.

— Зачем?

— Ну, просто так. Интересно же... Ну, пожалуйста!

— Просто так, — задумался Выпь. Ему самому в голову не пришло бы лезть на спину кармина, но девочка взялась настаивать, и пастух двинул плечами, — попробуй.

— Что задумали? — вернулся бродивший где-то в хвосте стада Юга.

Выпь сосредоточенно подсадил девочку — та, извиваясь и оскальзываясь, с пыхтением вскарабкалась на спину валуну. Осторожно поерзала, глянула сверху, восторженно поделилась:

— Ого, он теплый такой! И шершавый! И красивый, тут узоры, если присмотреться... Выпь, а он точно живой?

— Ага. Они пасутся, по темноте передвигаются.

— О да, в веко они только так вокруг себя оборачиваются, — подхватил Юга, — а в гон так вообще юлой крутятся, на пути у них стоять верная погибель.

— А... подо мной он не будет двигаться?

Парни обменялись быстрыми взглядами. Садовник подмигнул:

— Да кто его знает? Что на ум взбредет особому, про то ему самому неизвестно. О, или шевельнулся?!

— Точно. Дернулся.

— Ребята, ребята, снимите меня, пожалуйста, — забеспокоилась Серебрянка, — ой-ой, он, кажется, и впрямь решил покатиться!

— Так отойдем же подальше, зашибет! — Юга попятился, уводя Выпь.

— А-а-а, снимите меня, ну пожалуйста! — отчаявшаяся Серебрянка самостоятельно заскользила на пузе вниз.

Воткнулась бы головой непременно, не подхвати ее у земли пастух.

Юга заходился смехом.

— Вы оба... Просто невозможные. Ну как так можно?

— И можно, и нужно, — фыркнул Юга, — будет тебе урок; маленькие девочки должны

слушаться старших.

— Старшие не должны вести себя, как маленькие девочки. С косичками! — показала язык, с фырканьем вывернулась из рук пастуха и забилась под бок кармину.

— Обиделась, — насмешливо протянул Юга, вытаскивая из волос какую-то дрянь. С изумлением рассмотрел чужой светлый волос, брезгливо выбросил, — ай, чего здесь только не летает, не ползает...

— Спрячь волосы, — посоветовал Выпь.

Садовник тровантов раздраженно закатил глаза.

— Не моя забота, — понятиливо кивнул пастух.

...спать получилось урывками — мучили дурные сны, проваливалась под ногами земля, схлестывалась вода над головой, кричали раздражаемые овдо люди. Не иначе, чужой кошмар заблудился, сел на голову, обнял крыльями...

Проснувшись в очередной раз, Выпь устало смерил взглядом Полог. До прозара оставалось совсем немного. Проверил сторожевой зрак, изображенный камешками и сплетенной травой. Его пастух рисовал в силу привычки, распахнутая зеница не обещала полной защиты, но помогала не пропустить опасность. Пригладил пальцами жесткие грани эдра, успокаиваясь. Решил пройтись, проветриться.

Серебрянка дремала, вжавшись в бок кармина. Пастух задержался рядом с девочкой, прикидывая, кем она может быть на самом деле. Из Ивановых поделок? С сомнением покачал головой. Двинулся дальше.

Прошелся через стадо, вернулся обратно, к стоянке. Задумался.

Куда его могло унести? Или нашел рядом очередной дикий Провал?

Сжал-разжал кулаки, гоня смутное беспокойство — такое же терзало, когда на его гул собирались напасть жадные, голодные особы.

Но Юга-то не ройный овдо, вполне себе самостоятельный, здравомыслящий, мало ли куда мог... Запнулся обо что-то, быстро убрал ногу — свою сумку Юга едва кинул бы.

Вспомнил, как перед сном садовник долго бродил где-то далеко, вернулся обеспокоенный. Выпь тогда списал это на опаску возвращения погони, но другая разгадка на ум пришла.

Огладил шершавый бок кармина, мысленно извинился и кое-как, срывая ногти, взобрался на толстую круглую спину. Выпрямился во весь рост. Ругнулся вполголоса, быстро скатился, едва не подвернув ногу.

— Ты куда? — сонно-хрипло окликнула его синеглазая Серебрянка.

— За Юга, — коротко отозвался Выпь.

— Он ушел?

— Ага.

— Куда?

Выпь молча закрепил на спине сумку — кто знает, что пригодится, на один голос тоже рассчитывать не стоит.

— Выпь, да ну его. Оставь. Раз смотался, значит, так решил. Нам даже лучше будет, он злой и беспокойный.

— Не злой он. Мы вместе ушли, вместе дойдем. Дальше пусть сам решает, — запнулся, протягивая лямки, — сам, а не какой-то волосожор.

Серебрянка замерла. Мигом вскочила, торопливо засобиравалась:

— Я с тобой.

— Нет.

— Да! — упрямо, как старший собеседник, выдвинула челюсть. — Мешать не буду, лезть не стану, спросишь — помогу, чем смогу. И этот ваш волосожор мне точно не лют, было бы что жрать.

Выпь усмехнулся. Кивнул, препираться не стал.

— Откуда ты знаешь, куда он его утащил? — девочка умудрялась спрашивать даже на бегу, через колотье в боку и ранящую босые пятки траву.

— Не утащил. Сначала приметил. На волосы сел. А после Юга сам на зов потянулся.

— Какой ленивый и коварный хищник, — возмутилась Серебрянка.

— И большой, — Выпь остановил девочку, указал рукой.

Серебрянка взгляделась и слабо ахнула:

— Это что, домик?

— Если бы Домик. Кокон это. Волосожор из волос кокон плетет, там же потомство выводит.

— А людей он не ест?

— Нет. В живое мясо он яйца откладывает. Чтобы было чем личинкам питаться, сил набираться.

Серебрянка содрогнулась от отвращения, зачестила:

— Фу, гадость какая, давай тогда спасем Юга, он ужасный, но прекрасный, жаль будет, если его вот так вот в расход...

— Тише. Вот что. Ты огонь наготове держи. Как я выйду... Один или с Юга — бросай ветку в кокон. Вспыхнет сразу же.

Серебрянка кивнула, нервно облизнула бледные губы:

— А ты?

— А я пойду, парня вытащу.

Если осталось что вытаскивать, подумал.

Девочка послушно обняла его сумку, полезла за огнем.

Не странно ли, размышлял Выпь, шагая к лежащему меж двух плоских холмов, в теснине, кокону, сколько овдо пас, а ни разу с волосожором не боролся, на кармины не карабкался, в Провалах не барахтался. А тут за пару очей все хором и случилось.

Кокон был плотный, блестящий, здоровый, с самого Выпь ростом. Волосожор постарался на славу, пастух даже думать не хотел, сколько людей он заел. Свежий шов еще не полностью затянулся. Стало быть, не взялся пока особый за разделку добычи, ушел куда-то. Надолго ли?

Выпь вынул пастуший, на Топленках сработанный нож, и боком втиснулся в узкую щель. Встряхнул заготовленную банку с душками. Твари колотились о стекло, тусклое сияние крыл выхватывало гладкие стены кокона, странные тяжи, на которых провисали словно бы куклы дитячьи. Выпь неловко повернулся и почти уткнулся в одну из таких куколок — в бледном свете проступило высохшее костистое лицо, в черных глазницах сыро плеснуло что-то белое, жирненькое.

Выпь сглотнул, перебарывая тошноту.

Кокон не пускал внешних звуков, и парню нестерпимо хотелось крикнуть, заглушить щекочущий шорох, возню многочисленных будущих волосожоров.

Поднял банку выше, пытаясь высмотреть во тьме узилища живой блеск глаз. Не высмотрел, зато ярко вспыхнула в ответ неуместная, свежая зелень.

Выпь пробрался, осторожно переступая тяжи, к источнику блика, повел светцом — Юга висел, как душка на стеклянной травинке. Волосы его были наполовину вплетены в стенку кокона. Только наполовину.

Пастух облегченно выдохнул, сжал банку ступнями и взялся за нож.

Волосы, пеленающие тело, уступали лезвию не сразу, неохотно. Пастух мрачно подумал, что за короткий срок стал настоящим мастером по вытаскиванию людей из ловушек особых.

Впрочем, здесь он поторопился. На плечи, на затылок легло ощущение чужого присутствия.

Хозяин вернулся. Выпь продолжал резать путы, как умалишот; каждый миг осязаемо, песчинкой, царапал кожу.

За спиной сухо цокнуло, Выпь присел — на одном шкурном чутье — а после развернулся, сунув под морду особому банку. Тварь попятилась, недовольно завозилась, приседая на длинных, тонких ногах. Раздутое брюхо волочилось по земле.

Жрать ходил, оголодал небось, пока добычу втягивал.

— Пошел! — рыкнул Выпь. — Прочь пошел!

Особый дернулся и получил банкой по морде. Лопнуло, душки в стеклянных брызгах порхнули на волю, затанцевали, слепя глаза волосожору.

Выпь безжалостно обкорнал ножом густые волосы, обхватил Юга за плечи и что есть мочи потянул к себе. Едва не завалился на волосожора в обнимку с парнем, зато оставшиеся путы разошлись с сухим треском.

Волосожор скоро переместился на «потолок» кокона — Выпь с трудом увернулся от липкой массы, сплетенной из человеческих волос ловчей сети.

Почуднее ухватил Юга, скользнул рукой по затылку и едва не отшвырнул тело прочь. Почудилось — волосы черной рекой выливались из головы, гладким потоком затапливали кокон...

Волосожор прыгнул. Выпь успел поймать движение краем глаза, развернулся, выбрасывая руку с ножом — сталь села аккурат в уродливую маленькую голову, застряла между глаз.

Особый содрогнулся, отскочил, закружил по кокону, слепо натываясь на стены и раскачивая кладки.

Выпь, не медля, потащил Юга прочь.

Щель так и не затянулась, а протиснуться обратно с грузом, оказалось, как ни странно, легче. Кокон словно раскис, просел, от стены отходили отдельные волоски, будто приключилась с ним нутряная гниль.

Как только Выпь оттащил Юга подальше, кокон загорелся.

— Я справилась! — счастливая Серебрянка была тут как тут.

— Мы тоже, — пастух бездумно таращился на огонь, с жадностью пожирающий стог из человеческих волос, тел и особых.

Отвратительно воняло паленым.

— Он живой?

Пастух оторвал взгляд от огня. Про ночь только вспомнил, ругнулся про себя. Прислушался, коснулся пальцами смуглого горла в обмотке зеленых шариков.

— Живой вроде. Дышит.

— Тогда можно я его стукну?

— Нет. Он и без того... стукнутый.

Словно услышав их, Юга вздрогнул, глубоко вздохнул, открыл глаза. Увидел вблизи пастуха и рванулся. Выпь с удовольствием разжал руки, позволяя тому брякнуться оземь.

— Твою-то мать... Что за?!

Увидел костер, услышал дурной запах. Скривился, с трудом сел, собирая в косу волосы, столь же длинные, как и прежде, до кокона. Выпь помнил, как укоротил их едва не под корень.

Потом. Все потом.

Тронул за плечо:

— Давай отсюда. Вонь страшная, у Серебрянки голова болеть будет.

Схватил за руку, помог встать.

Пока шли прочь от быстро прогорающего кострища, Юга все обирал с себя чужие, липкие волосы. Его собственные, стянутые в косу, чинно лежали на спине, блестели пуще прежнего. Выпь смотрел на своих спутников и грустно думал, что из них троих — ни один не человек.

3.

У Юга глаза были черные, глухие, без блеска. Когда смотрел — любому не по себе становилось. И томно, и так-то жутко, тоскливо делалось, будто глядит на тебя что из литого этого мрака.

Выпь все чаще задумывался, кто его такого породил, уж больно парень выделялся — как по внешнему устройству, так и по внутреннему содержанию.

— Мото...как?

— Мо-то-цикл, — по слогам повторила Серебрянка, — ваши тахи похожи на мотоциклы.

Юга всплеснул руками, мотнул косой:

— Ай, что за нелепица! Никакие они не циклы, обыкновенные, домашние особые.

— А я говорю — мотоциклы! У всадников этих, вердо, даже шлемаки и куртки как у байкеров!

— Ты где таких слов понабралась, мелочь пузатая?

— Я не пузатая! — Девочка топала на спутника ногой, как на домового рыжего жука. — Сам ты мелочь, вообще, о чем с тобой можно разговаривать?! Так и норовишь обсмеять!

Выпь втиснулся между спорщиками и мирно поведал:

— Тахи, когда маленькие — шустрые, толстые и многоногие. У одной особи до шестнадцати лап может быть. Потом растут. В длину вытягиваются, в толщину меньше делаются. Бегать начинают. Лапки, чтобы удобнее было, вот так вот, кругом подворачивают. А под грудь и хвост ловко подводят, так и бегут-катятся. С возрастом костенеют, взрослых тахи уже и под седло ставят.

— Это очень странно и очень неправильно, — упрямо надулась лысая девочка, — так же, как и Полог ваш, и еда ваша, в брикетах-концентратах, и словечки дурацкие...

— Ты послушай ее, такая мелкая, а уже все ей не нравится. Ну и валялась бы себе у сладня, кому ты вообще такая сдалась?

— Юга, — укоризненно сказал Выпь.

Облюдок только фыркал.

К зенице Полог сменил цвет, окрасился колючим ржавым багрянцем. Ела глаза липкая сухая пыль, забивала горло до кашля. Травы под ногами вовсе не осталось, все выпалило жаром, выжрали особые. Выпь привычно молчал, берег дыхание, Юга изредка ругался, да так забористо, что Серебрянка краснела.

Путники вышли к селу — и остановились на некрутом взгорке. Девочка стиснула руку пастуху, шепотом спросила:

— Что это?

— *Шлюпка*, — глухо опознал Выпь.

А Юга тихо присовокупил очередное емкое, жгучее.

Шлюпка низко висела над становищем, похожая на плоский каменный блин с бахромчатыми рваными краями. Из брюха вниз тянулись лесенки — много-много, прочных и на диво длинных.

— Как думаешь, уже все? — Юга глядел на шлюпку, не мигая.

Выпь не сразу ответил. Сказал:

— Обойдем. Нечего зря дразнить.

— А я бы завернул в гости, — протянул облюдок, — скарба там осталось не меряно...

— Мертвых обирать?

— А им-то что? — приподнял бровь облюдок. — Возьмем еды в дорогу, может, дарцами разживемся. С них не убудет.

Пастух насупился.

— Под шлюпку соваться негоже.

— Так не суйся. Я сам схожу, осмотрюсь...

— Юга, Юга, я с тобой! — тут же вызвалась девчонка.

— Вот уж нет, ты с Выпь здесь потопчешься.

— Ну а вдруг там опасно, вдруг тебе помощь понадобится?

— Здесь жди, — строго оборвал Юга.

Кивнул Выпь и зашагал вниз по склону, прямо под тень.

Надо сказать, под шлюпку Юга первый раз в жизни лез. До этого момента только однажды ее и видел, в смутном, неприятном своем детстве.

Осторожно ступая, миновал раскрытую, бессильную граду, двинулся по улке, держась Домов. Взрослые и юные трованты стояли пустые, испуганные и опечаленные, при виде живого человека распахивались, просили зайти. Туша хищника висела над головой, давила. Юга глянул быстро раз, второй, на третий осмелел и изучил пристрастно. Брюхо у твари оказалось неровным, в буграх-вмятинах, а лестницы свисали из округлых оконце-глазков, затянутых мутной пленкой. Понемногу лестницы ссыхались и укорачивались, совсем скоро нажавшаяся туша должна была стряхнуть оцепенение и медленно уплыть дальше.

Юга поборол накотившую дурноту, отвлекаясь, заглянул в окно ближайшего Дома. Огладил камень, мысленно успокаивая. Дом дрожал, остро переживая смерть хозяев, чувствовал за собой вину — но никто из людей не мог сопротивляться зову шлюпки. Едва его заслышав, бросали дела, покидали Дома и поднимались, цепляясь за услужливо протянутые лестницы.

Кто не мог идти сам, того несли другие.

— Детей даже прихватили, — сказали за спиной.

Юга едва не кувыркнулся через подоконник. Круто обернулся.

— Ты? Что пришел-то?

Выпь не ответил, отеснил его плечом, хмуро оглядел Дом. Закинул голову, рассматривая шлюпку. На пояс уже пристроил нож: видать, с какого Дома прихватил.

Юга осторожно, вежливо обшаривал другой Дом, побогаче. Оставшуюся на кухне еду завернул в тряпицы, убрал в сумку. Дом грустно следил за не-хозяином, но препятствий не чинил. Чувал, что родные в него уже не вернуться.

По крыше что-то ударило.

Юга высунулся из окна, увидел Выпь, сосредоточенно подпрыгивающего на спине Дома.

— Ай, ты чего удумал?!

Пастух не ответил. Стащил с плеч и отбросил сумку, едва не засветив Юга по голове. Примерился к ближайшей лестнице.

— Э-э, ты погоди, куда собрался!

Юга, ругаясь, оставил вещи и полез следом за пастухом.

— Куда несет тебя? Совсем мозги отшибло?

— Проверить хочу. Кое-что.

— Что «кое-что»?

Опять не удостоив его ответом, Выпь сильно толкнулся, высоко подпрыгнул и в этот раз зацепился-таки за перекладину. Качнулся, подтянулся, перехватил руками...

Юга зашипел от злости.

Выпь был уже на середине лестницы, когда та вновь сильно дернулась. Пастух глянул вниз.

Юга мрачно таращился снизу.

— Дальше что?

— Слезай.

— Ну уж нет.

— Слезай. Я иду один.

— Нет, мы идем вдвоем! — взъярился Юга. — Мне, может, тоже интересно, что ты собираешься дальше делать! На моей светлой памяти еще никто...

Лестница треснула.

Выпь рыкнул и быстро-быстро полез наверх, Юга, прочувственно ругаясь, заспешил следом.

У основания лестницы пастух остановился, держась ногами, ладонями вдавил пленку, затягивающую оконце. Та легко уступила нажиму, но не прорвалась.

Юга замер, уже понимая, что собирается делать Выпь.

Пастух вынул нож и воткнул его в окно. Быстро очертил круг, ловко ввинтился внутрь — только подошвы мелькнули.

Юга глядел, забыв дышать от волнения.

Очнулся, когда по всему телу шлюпки прошла крупная, лихая дрожь. Несколько лестниц обвалилось тут же. Юга, выдохнув, заскользил вниз.

Не успел. Звонко щелкнуло и его швырнуло спиной о крышу. Отшибло дыхание, в глазах потемнело, Юга разинул рот, хватая воздух, и едва не захлебнулся, когда сверху обрушился густой, горячий поток.

Выпь каким-то чудом не разбился, выскользнув из широко раскрывшегося «окна» и приземлившись на ту же несчастную крышу. От удара мир слипся и оглох. Шлюпка все пыталась отползти — и не могла. Ее трясло, скручивало, из окон непрерывным потоком выливалась полупереваренная мясная пища. Юга ждал, уткнувшись лицом в спину Дома, старался не дышать.

Когда перестало поливать, его потянули за плечо.

Юга с ужасом обернулся — Выпь, с ног до головы облитый красным, глядел исподлобья.

— Пойдем. Серебрянка там одна.

Юга тупо кивнул, не задавая вопросов, однако сумку с провизией и дарцами прихватить не забыл. Дома провожали их благодарным теплом, чувствуя себя без сомнения — отомщенными.

Серебрянка встретила спутников сдержанно, привычно округлив глаза. Выпь без лишних слов отдал ей поклажу и направился следом за Юга к Провалу.

— Не ожидал от тебя, — проговорил садовник камней, вымывая из волос липкий человеческий сок.

— Ага, — не стал вдаваться Выпь.

— Нет, ну правда. Странный ты, ай, до чего странный! Волосожора не побоялся, погоню вердо развернул, шлюпку вот только-только зарезал, а Провалов робеешь.

— Я плавать не умею.

Юга удивленно вскинул глаза:

— Разве там, где ты рос, Провалов не было?

— Нет.

— Я-а-асно, — Юга подплыл ближе, без церемоний забрал рубашку пастуха и вместе с ней умотал на середину воды.

Оба помолчали, сосредоточенно замывая вещи, марая молочную белизну, а потом Юга небрежно бросил:

— Хочешь, научу?

— Чему научишь?

— Плавать.

— Зачем? — Выпь пожал плечами, самокритично, на свет, рассматривая штаны.

— Как зачем? Ты же не в Городце живешь, а здесь кроме Провалов других источников воды и нет. А свалишься однажды, не удержишься? А тонуть кто будет у тебя на глазах? А...

— Понял, — пастух выжал многострадальную вещь, — только сомневаюсь я, что у тебя получится. Меня научить.

— Да ты прямо вызов мне бросаешь! Как так, чтобы у меня да не получилось?! Вот прямо тут и начнем!

— Нет, нет! — пастух торопливо попятился, так как спутник явно намеревался или научить его, или утопить. — Давай потом?

— Точно?

— Точно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ну и славно тогда, — Юга бросил ему в голову мокрый ком рубашки и нырнул.

Пастух покачал головой и отправился наверх, напоследок посоветовав не тянуть с купанием.

Серебрянка вертела в руках взятый из становья брикет-концентрат. Плотная прессовка, с две ладони, на двух юнцов и одну девочку с трудом хватило бы.

Грустно сказала:

— У вас очень трудно.

— Да нет. Обычно.

— Трудно, — упрямо вздохнула синеглазая, — и опасно. А вы живете среди ходячих этих кошмаров, и словно так и надо, словно вы ничего не боитесь.

— Я боюсь.

— Неправда! — вскинулась Серебрянка. — Вот я, например, я бы ни за что не полезла за Юга в кокон, а ты даже не думал.

— Я думал, — обиделся пастух.

— И тебе было страшно?

— Конечно.

— Тогда почему?

Выпь вздохнул, поскреб мокрый затылок, честно пытаюсь найти нужные слова. Нашел ненужные:

— Ну, а как иначе?

Серебрянка с досадой пристукнула кулаком о тощее исцарапанное колено, простонала:

— Ты всегда так говоришь!

— Слушай, давай поедим, а? Уходить скоро.

— А я видела, как ты ушел от разговора, — пригрозила девочка, — Мы к нему обязательно вернемся.

— Хорошо, — уныло откликнулся Выпь, думая, что око выдалось щедрым на обещания.

Юга вернулся скорее, чем ожидалось. На предложение сесть отобедать замотал головой, веером раскидывая брызги:

— Валить отсюда надо, да скорее.

— Почему? — удивилась Серебрянка. — Шлюпка же не вернется больше?

— Шлюпка не вернется, зато придут те, кто после нее крохи собирает.

— *Не-люди*, — хмуро сплюнул Выпь.

— У вас и не-люди есть? Они что, хуже шлюпки?

— О, намного, намного хуже. Так что собираемся и в дорогу, до Городца не так много осталось.

— Вот и замечательно, — обрадовалась девочка, — а то у меня чувство, что мы вечность в пути.

Собрались действительно быстро, не озаботились даже просушкой одежды — Юга просто остался в штанах, Выпь добыл из сумки сменную, на крайний случай сберегаемую, пару.

Беспокойство спутников передалось и Серебрянке, девочка старалась вообразить себе существо, по сравнению с которым меркла даже шлюпка. Представлялось вовсе страшное.

Парни то и дело оглядывались, коротко, встревожено переговаривались. Серебрянка поняла, что они могут и не успеть.

Не успели.

Те, кого так опасались путники, налетели вдруг — словно с Полога свалились. Завились кольцом, тесня их молчаливыми, на удивление спокойными круторогими тахи.

— Но это же просто люди! — обрадовалась Серебрянка.

Юга дал ей подзатыльник, надвинул капюшон почти на самые глаза и прошипел злобно:

— Молчи, дура! Ни слова, что бы они тебе ни сказали, что бы ни сделали!

Люди окружили полностью, пятеро сняли матовые шлемы, остальные лиц так и не открыли.

— Ну, и кто у нас здесь? — жизнерадостно, и, как показалось девочке, вполне дружелюбно спросил крупный парень с коротко стриженными светлыми волосами и широким, чуть вздернутым носом.

Ее спутники молчали.

— Да вы не бойтесь, ребятки, мы сколько живых людей не видели, поболтать охота. Откуда да куда путь держите?

В ответ красноречиво звучала тишина. Парень расстроился:

— Эй, ну словно с камнями разговариваю. Уважьте ответом, сделайте милость.

— Может, они немые? — предположил другой человек, невысокий и сухой, с короткими пальцами и длинным подбородком.

— А может, все может быть... — светловолосый задумался, постучал по жесткой упряжи своего тахи.

Спешился, вразвалочку подошел к путешественникам. Хмыкнул.

Ткнул пальцем в плечо Выпь:

— А я тебя знаю, парень. И тебя, чернявая шлюшка.

Пастух дернулся — в руке светловолосого поймало блик лезвие. Широкое и ладное.

— Я твои штучки знаю, уродец. Только рот открой — язык через горло вытащу.

По его знаку двое бесшлемных прихватили Выпь за локти, предусмотрительно заткнув рот какой-то тряпкой. Вожак улыбался задумчиво, трогая большим пальцем лезвие.

— Эй, да у них тут действительно не густо, — разочарованно доложил подручный, — еда в брикетах, одежда мокрая и дарцов горсть.

— Ну и правильные ребята значит, не жадные. — Поощрительно улыбнулся главарь. Мимоходом сдернул капюшон с головы Серебрянки. Поморщился, рассмеялся. — Фу ты, страшная какая, бедняжка. Тебе бы хоть платье какое справили, а? Ну, и что мне с вами делать? Отпустить не получится, вы же все расскажете...

— Не расскажем, — пискнула девочка.

Светловолосый улыбнулся ей, снисходительно потрепал по голове.

— Расска-а-жете, — протянул ласково, больно, с вывертом ущипнул за впалую щеку. Решительно хлопнул в ладоши. — Ну, чтобы не затягивать, давайте так — этому для начала язык все же вырежем, чтобы голосом не играл, правильно? А этих двух повалием сначала, да, ребятки?

Серебрянка онемела от близкого, такого простого ужаса. Облюдок же рассмеялся, да так весело, что на него обернулись все.

— Ай, ребята, да на что вам она сдалась? — лениво справился Юга, презрительно кривя губы. — Чучело тощее, не видимое, соплями изойдет... тьфу, какая вам радость? Он вообще пастух из становья, каменный, на лицо порченый. А уж я-то расстараясь, не пожалеем...

— Да ну? — оскалился главарь. — Или правда? Помнится, в Гостином Доме ты от меня нос воротил, сквозь зубы цедил, а нынче другое поешь, сам стелешься. Как поверить?

— Проверить, — Юга вдруг изменился, словно нырнул в воду одним и вынырнул другим.

Улыбнулся по-особому, повел бедрами. Глаза его сделались жаркими, с поволокой, влажно блеснули белые зубы. Чуть откинул голову, потянулся, бесстыже красуясь гибким смуглым телом.

Главарь снова хмыкнул, обошел подмывающего кругом, с ног до головы оглядывая. Ножом подцепил гладкие бусы. Потянул к себе.

— Как же я ребят своих обижу? — проговорил, обдавая лицо облюдка злым дыханием. — Им ведь тоже хочется.

— А меня на всех хватит.

Светловолосый рассмеялся. Резко оборвал смех, ухватил Юга за волосы и швырнул на землю, под ноги тахи. Стая качнулась, но вожак рывкнул:

— Я первый! Глаз с этих двоих не спускать, ясно? Вы в очередь, после меня жрать будете. И, учти, облюдок — не натешатся, так за мелочь лысую возьмутся.

Юга лишь улыбнулся, призывно выгнулся, раздвигая ноги. Пообещал томным, хрипловатым голосом, опуская длинные ресницы:

— Голодным не уйдешь.

Серебрянка торопливо отвернулась, часто дыша через нос, нашла глазами Выпь — тот стоял, бездумно смежив веки. Словно спал. Или прислушивался.

Не-люди гоготали, шутили меж собой да подзуживали, некоторые, не дожидаясь своей очереди, приспустили штаны и многоопытно тешили себя сами. От отвращения, гнева, стыда и жалости у девочки защипало в носу и свело шею. Правы были ее спутники, хуже не-людей не было. Твари-то есть да плодиться хотели, а эти со скуки да злобы игрушки живые себе нашли.

— Но-но, не балуй, — ее дернули за плечо.

Серебрянка рада была, что Юга закрыла стая. Может, он и знал, что делает, но смотреть на это она не хотела. Так же как и слушать.

— Ах, ну дает, паршивец, и как дает! — восхитился ее сторож, и внезапно схватив, потянул к себе, полез влажной, липкой ладонью под рубашку. — А иди-ка сюда, мелкая...

Серебрянка затрепыхалась, но Выпь распахнул глаза и уставился прямо ей в зрачки. Немой приказ был такой силы, что девочка пошатнулась и застыла, терпя жадную руку, нескромно мявщую ее тело.

Выпь резко кивнул и Серебрянка клацнула зубами. Насильник с воем отскочил:

— Кусаться, тварь?! Да я тебя! — замахнулся.

И хрустнул, когда опустившаяся из самого Полога серая спица проткнула его насквозь.

Серебрянка содрогнулась, но не двинулась, зато заорали вокруг Юга, шархнулись, а спиценоги накололи на себя еще по человеку.

Выпь, пользуясь суматохой, двинул затылком в лицо одному, ударом кулака ошеломил другого, выдернул кляп, успел перехватить кинувшегося на него не-людя с ножом. Вывернул тому запястье до хруста, жестко пнул в пах, припечатал локтем сверху.

— Тахи, Серебрянка! Бери одного!

Сам без промедления кинулся к Юга, удачно, боком скользнул между двумя спиценогами. Девчонке почудилось в поднявшемся сполохе, что те словно видели его, будто нарочно обходили, вытаптывая не-людей.

Сам Юга тоже без дела не валялся. Когда началось, когда закричали кругом, довольно осклабился, сунул пальцы в расширенные от любовной горячки глаза насильника. Тот с воем отпрянул, грохнулся на спину, стреноженный штанами, и тут же взмыл вверх, получив в брюхо спиценогом. Упал где-то ближе к горизонту.

— Ах ты, сучка! — обернувшегося Юга сгребли за волосы, натянули, примеривая к горлу нож, но Выпь успел раньше.

Вмазал подхваченной дубинкой так, что снес не-людю мало не полчерепа.

Юга оскалил зубы в беззвучном смехе, перекатился, уходя от падающего тела, а оставшиеся из коудлы, рванувшие к ним, вдруг словно запнулись, попав в разметавшиеся по земле черные косы.

— Уходим! — Выпь рывком вздернул Юга, буквально швырнул его на спину тахи, сам прыгнул следом, стискивая коленями гладкие, крепкие бока особого. Рывкнул полным голосом. — Вперед пошел!

И тахи не смел ослушаться, сорвался с места, выскочил из облака пыли и крови, увлекая за собой молодого особого, на котором съежилась Серебрянка.

Серебрянка вцепилась едва не зубами — земля плавно и страшно быстро двигалась под ногами особого. Девочка поскуливала от страха и восторга, крепче держалась за рога тахи, и жгучий ветер выбивал и тут же осушал слезы.

Отцепилась, когда держаться больше не стало сил. Упала ничком, и так лежала, покуда не хлопнули по спине.

Серебрянка вскинулась, крикнула, испуганно шарахнулась.

— Я это. Тише, — Выпь казался еще более угрюмым, чем обыкновенно, глаза его покраснели от ветра, а от схлынувшей ярости резче обозначились скулы.

Юга был рядом, легко заплетал косу, легко болтал, щуря красивые глаза в улыбке:

— До чего славно прокатились! Едва поспел штаны натянуть, ай да я. Всегда мечталось на спиценоги в действии посмотреть, вот, сбылось... Как ты так угадываешь ловко, а, пастух? Когда они придут, да куда именно опустятся?

— Чувствую. Слышу. Не знаю. — Пастух раздраженно отвернулся, словно ему в тягость было смотреть на облюдка. — Сумку оставил, у тебя дарцы есть?

— Обижает! — Юга сунул руку в глубокий карман, подбросил и поймал в воздухе плотный пенал. Подмигнул Серебрянке. — Запомни, мелкая — мужики все считают себя самыми умными, если ты стоишь на коленях и отса...

— Юга! — наконец прорвало девочку. — Как ты можешь так просто, они же не-люди, они хуже шлюпки, они едва нас не убили, они тебя...

— Тише, — Выпь поморщился, выставил ладонь, будто слова запирая, — доехали мы быстро, но путь нам смешали. К тракту вынесло.

— Стало быть, до Городца нам всего ничего осталось? — радостно поддержал облюдок. — Ай, славно, наверняка здесь уже и Провалы устроенные встречаются. Кстати, о «едва не убили». Поздравляю, сообщники, мы сделали Бланша!

— Скорее, разделали, — без восторга уточнил Выпь, — надеюсь, вытоптали всю его шайку. Если кто живой остался, искать будет.

— Да пусть ищет, — Юга внезапно перестал улыбаться и оскалился, совсем как светловолосый не-людь, девочка вздрогнула от нечаянного сходства, — и пусть найдет.

***

Пастух верно сказал, тахи домчали их почти до самого тракта. Особых оставили на вольном выпасе, светить меченных перед стражами Городца было неразумно. Выпь хлопнул тахи по блестящим спинам, отпустил — в добрые руки, в добрый путь.

Серебрянка по горло сыта была особыми и прочими дорожными приключениями, ей хотелось в безопасность, в густую толпу.

— Это совсем не одно и то же, — вздохнул Выпь, и даже Юга согласно закивал.

— Но теперь-то тебя кто искать будет? Сколько уже минуло, ну давайте ближе к тракту подойдем, там точно ничего страшного не водится...

Сама себе противна была этим девчачьим нытьем, но уж больно люто ей приходилось: стоило закрыть глаза, как заливало изнутри веки красным и черным, вставал в горле запах жженого волоса, в ушах хрустел череп не-людя.

— С нами-то разве страшно? — неловко попытался ободрить Выпь.

Девочка едва не заревела.

Уговаривала долго, едва не молила, и наконец, Юга решительно обернулся к пастуху:

— Ай, достала хныкать. Давай так. Я дойду до тракта, осмотрюсь, камни погляжу — если постов или иного тревожного нет, то высунемся. Обрыдла она мне своим скулежом.

— Хорошо, — сказал Выпь, неодобрительно покосившись на Серебрянку.

Та виновато потупилась.

— Ты там осторожнее, — хмуро буркнул Выпь облюдку.

Юга пренебрежительно фыркнул, махнул рукой на прощание и вскоре скрылся из виду, за плавными изгибами холмов.

Пастух бросил на жесткую щетку травы замурзанный плащ, уселся поверх.

— Можно, я пока еду поищу? — робко спросила девочка, желая хоть как-то сгладить углы и оправдать себя в охристых глазах Выпь.

— Ага. — Пастух чесал колючий подбородок, думая о чем-то своем. — Корней накопай, да и довольно будет. Далеко не отходи.

— Хорошо, — обрадовалась лысая синеглазка, — я быстро!

Выпь прикрыл глаза, ссутулился. Остался ждать.

Вернулся Юга не скоро, когда пыль стала с исподу алой, а Полог зловеще багровым, с черными жилами. Устало сел подле, а потом и вовсе откинулся прямо на траву.

— Говорить теперь я за двоих должен? — Выпь никак не мог поймать взгляд спутника.

— Да не поверишь, челюсть еще болит долгие беседы вести, — серьезно улыбнулся Юга.

Пастух овдо успел глянуть ему в глаза — и рассмотреть синие пятнышки на лице, под смуглыми скулами, на подбородке.

— Тракт в порядке. Камни про нас молчат, посты обыкновенные. Людей много. Мелочь наша где? — сипло осведомился Юга, отводя глаза.

Беспокойные смуглые его пальцы перебирали зеленые бусы.

— Отошла.

— А-а-а. Я бы от Провала не отказался, — вздохнул и признался, — грязным себя чувствую, как никогда раньше.

Помолчали.

— Выведем Серебрянку к Морю. Работу сыщем. Нормальную работу, Юга. Тебе не придется больше...

— Думаешь, меня заставляют? — глядя в сторону, тихо спросил Юга.

Выпь сузил глаза, уставился в висок собеседнику. Сцепил пальцы на коленях. В волосах Юга там-сям торчали хвостики травинок.

— Так тебе это по сердцу? — выговорил наконец.

— Это то, что я умею, пастух. — Рассердился Юга, сел. — Ты вот с овдо ловок, а у меня людей радовать призвание. Ты же знаешь правила — облюдкам людская работа не полагается. Это в стане так сложилось, что кроме меня тровантами некому заниматься было. То есть, конечно, можно и мастеров пригласить, но им ведь платить надо, а я свой, местный. Но не гнить же мне там вечно. А в Городце... либо в наложники идти, либо в Веселый Дом, и я предпочту второй вариант, я, мать твою, гордая шлюха.

— Юга, — Выпь толкнул его плечом, обрывая.

Садовник вздохнул, прикрыл глаза, устроив подбородок на коленях.

— Ты вообще как? — спросил пастух.

— Не твоя забота, — краешком губ улыбнулся Юга. В отместку пихнул Выпь, — ну а с тобой что? Как думаешь в Городце устроиться, мх?

— Я заметил, как ты ушел от разговора, — вспомнил парень, Юга хмыкнул, — работу-то я найду. Кем угодно могу.

— Даже мной?

— Ага, — фыркнул Выпь.

— Вот врешь! Я единственный и неповторимый.

Пастух в ответ взъерошил черные волосы. Юга заворчал, приглаживая косу.

— К слову, — словно между делом обронил Выпь, — что у тебя с волосами творится?

Не сильно надеялся, что облюбок возьмется отвечать, но тот вдруг снизошел:

— Хотел бы я сам знать... — Задумчиво скользнул пальцами по бусам. — Мать все стричь меня пыталась, когда сильно зарастал. Я орал, конечно, убегал да прятался, она бранилась — весело было. А они... Они, знаешь ли, очень быстро растут. И словно точно помнят длину — вот, до жопы, а дальше ни-ни. Хотя иногда мне кажется, что они длиннее, особенно когда распускаю их или купаюсь...

— Можно?... — Выпь протянул руку.

Юга, помедлив, склонил голову, и пастух взял на ладонь прохладную массу волос. Тяжелые и гладкие, на руке они лежали как некая драгоценность, место которой было в секретнице Князя, а не на беспутной башке подкидыша.

— Красивые, — любуюсь, искренне выдохнул желтоглазый.

Разбавить их черноту не мог даже красный Полог перед темнотой.

— Привет, Юга! — вернувшаяся Серебрянка была страшно довольна уже тем, что парни сидели и мирно беседовали, а не лихорадочно собирались или умывали с лиц кровь и кишки.

— Давно не виделись, мелкая. Ты что ли, ужин нам собрала?

— Да! Очень лакомые корешки, на самом деле, знаешь, как их сложно добыть?

— Зна-а-аю, — с усмешкой протянул Юга, ногтями счищая тонкую шкурку с одного корешка, — подземные пальцы особенно вкусны сырыми.

— Пальцы?! — задохнулась девочка, в ужасе рассматривая добычу — длинные и короткие корешки, покрытые морщинистой светлой кожей, они и впрямь были похожи на...

— М-м-м, свежий, сочный. Молодец, мелочь, и от тебя какая-никакая польза есть!

Серебрянка посерела.

Выпь сжалился:

— Не волнуйся. Просто название такое.

— То есть, это не пальцы?

— Нет, глупая.

Серебрянка показала язык Юга, засунула в рот очищенный корешок. Пастух невозмутимо продолжил:

— Это просто органы размножения.

Девочка поперхнулась. Закашлялась, осердилась не на шутку — парни радостно, дружно лыбились:

— Я вас обоих на ноль размножу! — сказала, и с места кинулась на облюдка.

— Выпь, она дерется! Что такое, мелочь, он правду сказал, чтобы тебя порадовать!

Когда возмущение улеглось, шумно пыхтящая Серебрянка, прожигая взглядом Юга, спросила у пастуха:

— Так мы выберемся на тракт?

— Ага. На прозаре отправимся. Так что доедай и ложись.

— Выпь, а я там целую толпу видела! — вспомнила Серебрянка, укладываясь. — На людей не похожи, может, тоже в Городец идут?

— Каковы из себя? — насторожился Выпь.

Серебрянка задумалась, виновато призналась:

— Толком не глядела. Высокие, темные, ноги-руки длинные... Я издалека смотрела, думала, ближе подойдут — разгляжу. А они с места не сходили, все будто плясали.

— Это *танцорки*, — узнал Выпь.

— Танцорки? — удивился Юга, на миг перестав плести растрепанную в потасовке косу. — Как далеко забрались. То есть, как близко подобрались, они же обычно к Городцам не подходят.

— Нечего бояться.

— Они ведь не едят людей? — упавшим голосом понадеялась Серебрянка.

Еще одного кровавого бурана она не пережила бы.

— Нет. К ним не суйся, и довольно будет.

Серебрянка успокоилась (велела себе успокоиться), замоталась в плащ и устроилась спать. Выпь развел костер. Глядя на его жилистую спину, девочка постепенно расслабилась и — уснула.

4.

Полог высветлел до бледно-синего, ветер царапался в каменной траве, подвывал в стеклянной поросли.

Мимо прошли два трехногих спиценога.

Серебрянка проводила их взглядом, восторженно приоткрыв маленький розовый рот. Долго смотрела, затем спохватилась, торопливо выкатила прутом из огня завтрак. Пропитанием в пути ведал пастух, чутьем и накопленными знаниями отыскивая и воду, и пищу.

На сей раз еда с точки зрения Серебрянки выглядела как камешки. В огне, который Выпь сперва подманил в домик из прутков, камешки чернели. У них оказалась хрустящая корочка и мясная начинка, девочка старалась не думать что это такое. Не думать и не спрашивать.

К тому же спутники ее выглядели так, будто не спали вовсе: помятые, потрепанные. Серебрянка взялась было распытывать, но Выпь молчал, а Юга отвечал так, что охота спрашивать мигом пропала.

Наскоро поели, не мешкая, двинулись к тракту.

— Если не залезу в хоть один Провал, помру, — пообещал-пригрозил Юга, почесывая, — меня уже насекомые не едят, вонливо им. Брезгают.

Выпь усмехнулся:

— Скалишься, пастух? — немедленно ощетинился подменьш. — Сам-то, небось, привык по три пальца кряду не мыться, пока со своими овдо пасса-миловался...

— Отчего. Дождь был. Провалы встречались, ага. Но каждое око в воде плескаться недосуг было.

— Ах, ты! Пастух... Серебрянка, ты чего там еле плетешься? Устала? Отдыхали вроде только.

— Я ничего, я так... — девочка догнала их, смущенно ухватила за ладонь Выпь.

Тот ободряюще улыбнулся.

— Вот выйдем к людям — отоспимся, отмоемся, платье тебе новое справим, красивое!

— Зачем? — удивилась Серебрянка, натягивая подол и разглядывая его. — Мне это вот нравится.

— Странная ты девочка, другие в твоем возрасте только о платьях и думают.

— Станный ты мальчик, в своем возрасте о платьях только и думаешь, — неожиданно для себя отозвался Выпь.

Юга попытался отвесить ему подзатыльник, парень с глухим смешком увернулся.

— Я не мальчик, я облюдок, — мстительно уточнил Юга.

Серебрянка заинтересованно глянула снизу вверх. Вопрос этот давно ее мучил, а спросить не решалась:

— А что это значит? Ты не человек? Кто такие облюдки вообще?

Выпь поморщился, однако Юга, как ни странно, решил ответить:

— Ну... чужинские детеныши, которых те в зыбках на младенцев меняют.

— Зачем?

— Да кто их разберет.

— Почему знаешь, что ты точно облюбок?

— Мамка сказала. — Помолчал и неожиданно разговорился. — Свой ребеночек у нее тихим родился, беленьким, светлоглазым. Приго-о-ожим, на радость... Не уследила веком, глядь спрозар — а в люльке уже что-то чернявое да темноокоое, собой мерзкое, копошится. Я, то бишь. Как увидела, сразу прибить хотела, да отец не позволил, удержал. Сам, правда, вскорости и ушел, мамку оставил. Я-то крикливый был, кривенький, болел много, натерпелась она со мной. Думала-надеялась — помру не к году, так шестилеткой, а я, напротив, в рост пошел, выправился.

— То есть она тебя как чужого растила?

Выпь помалкивал, слушал внимательно.

Юга пригладил бусы, вздохнул.

— Уж как смогла, и на том спасибо. Могла вообще извести или продать, сколько таких было.

Серебрянка горько сморщилась, попыталась утешить:

— Но ты все равно красивый получился. Красивее Выпь даже.

— А-ха, съел-выкусил?

— Вот уж уел прямо-таки, — фыркнул Выпь.

Девочка покраснела, постаралась выкрутиться:

— Зато Выпь сильнее. И выше. И умнее.

— А-ха, вот теперь ты получил!

На тракт вышли без приключений, что несказанно обрадовало Серебрянку. Ей казалось что в Городце можно будет забыть об ужасах особых.

Скоро их дружелюбно окликнули. Седой тахи, такой же седой мужичок, пустая, сработанная из грубой травы тележка — путники охотно приняли приглашение «подвезтись» и уселись.

Развлекать доброго человека беседой вызвался Юга. Пристроился на облучок, улыбнулся.

— Так вы, стало быть, в Черный Городец путь держите?

— Ага. Вон, сестренка никогда Городцов не видела, решили побаловать.

— Дело хорошее, — одобрил старик, — невеста она уж у вас.

— Так дети быстро растут.

— И-и-и не говори, парень, у меня-то вот у самого...

И пошло, и поехало.

Умению зачинать и поддерживать беседу Юга обучался в том же Гостином Доме, в боевых условиях непрерывной практики. Слушать при необходимости и корысти ради он умел безупречно, за это высоко ценился и сильно любился завсегдатаями.

— А Городец большой? — пытала Серебрянка молчаливого Выпь.

Пастух вести беседы был не обучен, поэтому отстреливался коротко.

— Да.

— Ну, насколько большой?

— Как с десятков станов, — прикинул Выпь.

— О-о-о. Действительно, большой.

— Ага.

— Ты что, разговаривать со мной не хочешь? — надулась девочка.

— Да. Помолчи, будь добра.

— Ну и пожалуйста, — Серебрянка показательно отвернулась.

Выпь, нисколько не огорчившись и не устыдившись, откинулся на спину, стянул на лицо капюшон и задремал.

Серебрянка злилась на равнодушие спутника недолго. Вокруг были люди! Настоящие, живые, а еще тахи, повозки большие и маленькие! Девочка восхищенно крутила головой, стараясь увидеть и запомнить сразу все.

Тракт был действительно очень широк, в восемь рабочих полос. Четыре вели к Городцу, остальные — прочь. Полотно, сработанное из непонятного девочке материала, казалось идеально гладким и ровным, блестящим настолько, что можно было разглядеть собственное отражение — конечно, если бы им вздумалось остановиться. Очень скоро Серебрянка поняла, как им повезло с добрым владельцем седого тахи: повозка двигалась намного быстрее, чем бредущие по самому краю дороги пешие.

Некоторые путники останавливались у темных и плоских каменных пластин, врытых вертикально, и что-то на них разглядывали. Иногда тыкали в пластины пальцами, бранились или радовались. По обочинам часто лепились Дома, небольшие и необыкновенно яркоокрашенные, с призывно раскрытыми окнами и дверьми. Дух оттуда шел удивительно завлекающий.

Девочке очень хотелось посмотреть на пластины вблизи, заглянуть в один из таких Домов, или в закрытый, затейливо украшенный экипаж, влекомый красивыми рослыми тахи. Подобных ему было достаточно, но в основном преобладали неброские, крепкие повозки.

Люди были самые разные. Молодые и старые, женщины и мужчины, одиночки и большие компании. На них особо не обращали внимания; Юга, правда, достаивался то презрительных, то заинтересованных взглядов, да несколько раз с ним заговаривали, когда повозка стояла.

Юга иногда равнодушно отмалчивался, а иногда отвечал — красиво выгибая спину и играя глазами. Серебрянка наблюдала и запоминала: как держать голову, показывать шею, прикусывать губы...

По мере приближения Городца поток становился гуще, на одном месте завязали чаще, а в один момент и вовсе застыли.

— Ну, пора, — Выпь сел, как будто и не дремал вовсе, — мы без экипажа и поклажи, нам через другие ворота.

Ребята, наскоро посовещавшись, поблагодарили старика дарцом. Серебрянка ждала, что они и тахи спасибо скажут, и повозке поклонятся, но обошлось. Быстро пересекли тракт, ловко лавируя между экипажами, и потянули девочку к длинной толпе людей.

Заняли место.

— У тебя как, *регном* в порядке?

— Ай, обижаешь! Мой *регном* в исключительно отличном состоянии.

Девочка покраснела.

— Ты чего? — с подозрением сощурился Юга. — У тебя-то как, в норме?

— У меня нет *регнома*...

— Как нет?! — возмутились оба.

— Ну, нет и нет, и не было с рождения, я не виновата! — огрызнулась Серебрянка. — А он что, так нужен?

— Конечно! Без него тебя в Городец не пустят.

— Да что это вообще за дичь такая?

Пастух вздохнул и пояснил:

— Регном — это марка. Смотри, — Выпь высоко закатал рукав и показал — у самого сгиба локтя, на внутренней стороне руки еле виден был маленький круглый шрам. — У тебя нет?

— Нет. Можете посмотреть.

Парни осмотрели ее руки, озадаченно уставились друг на друга.

— Что скажем? Без марки не пустят.

— Ай, а давай... Давай сядем и подумаем, — сдался Юга.

— Раньше почему не сказала? — устало укорил Выпь.

— Я не знала ни про какие такие отметки, — буркнула Серебрянка, раздосадованная не меньше спутников.

Как назло, очередь шла довольно скоро, пришлось усиленно шевелить мозгами.

— Та-а-к, а если отовремся, что болела она долго? Знаешь же, что больных не прививают, они от этого помереть могут.

— Что, от рождения болела?

— Да ты взгляни на нее! Кожа, кости да голова лысая! Любой проверяльщик заплачет и поверит!

Серебрянка слушала бурное обсуждение и мучилась собственной беспомощностью. Выходило, что если бы не она, парни без проблем прошли бы досмотр на воротах, а она их задерживает.

— Ты знаешь, что бывает за сокрытие, — глуше и тише обычного проговорил Выпь.

— Да кто скрывается-то?! Вот, как на ногах стала держаться, так сразу в Городец поволокли, прививку ставить! От-вет-ств... мы такие ответственные!

— Ага. Пешком в Городец потащили, мимо всех пунктов. Не поверят. Тем более что я пастух, а ты...

— Облюдок, — зло сплюнул Юга, — понял.

Замолчали. Близилась ворота, высоченная града Городца блестела на жарком Пологе. Изнывающих от жажды людей обносили свежей водой, Серебрянка жадно осушила чашку в три плотка, Выпь к воде не притронулся, отдал Юга. Тот одну вылил себе на голову, вторую плеснул себе же на грудь, слегка смочил губы.

Серебрянка таращилась на него, как на умалишота.

— Из очереди выйдем? — тихо предложил Выпь.

— Нет, погоди. Замри вот так, смотри на меня, — Юга, ориентируясь на свое отражение в глазах пастуха, убедился, что одежда облепляет его достаточно выразительно, что пряди лежат как надо, удовлетворенно хмыкнул. — Всегда есть запасной путь. Не с головы, так с заду. Стойте здесь, я быстро.

— Юга! Вот же шл... Шалой... — Выпь сердито махнул рукой вслед облюдку.

Девочка вздохнула. Потянула за рукав пастуха.

— Извини.

— Ага.

— Нет, правда. Если бы я знала, что нужна марка, я бы...

— Ты бы что?

Серебрянка прикусила губу. Выпь потер лоб и проговорил с досадой:

— Сам виноват. Мог и догадаться, что неоткуда у тебя регному взяться.

— Но... но почему ты не спрашиваешь, кто я и откуда?

— Я спрашивал.

— Но тогда я была не я. Еще мертвая.

Выпь пожал плечами, сиюсь поверх голов отыскать чернявую макушку.

— Ты же ко мне не лезешь, — сказал будто через силу.

— Ясно. У нас паритет, значит.

— Он самый, — пастух понятия не имел, что это такое, но смутно догадывался о значении.

Юга явился в сопровождении двух людей — один, отменно рыжий, причудливо обритый с висков, весноватый парень, насвистывал и крутил на пальце малые бусицы из черных круглых камней. Он имел на плечах рубашку на тонких лямках, на бедрах клетчатую яркую юбку, на предплечьях пестрый узор и держался хозяином. Глаза прятал за тонкими стеклышками бледно-красного цвета. Его могучий спутник с ухмылкой выдавил плечом Выпь из линии очереди, пробасил:

— Ноги разомните, я ваше место покуда подержу.

Серебрянка испуганно ухватилась за руку пастуха. Юга мотнул взъерошенной головой:

— Пойдем скорее.

Выпь недоверчиво поглядел на рыжего, не торопясь вверяться незнакомцу.

— Ты кто такой будешь? — спросил.

Юга фыркнул, но рыжий приподнял на лоб глазные стекла. Посмотрел с интересом. Оба были примерно одного роста, но рыжий казался более матерым.

Выпь хмарно глядел в ответ. Один глаз у рыжего оказался светлым, серым, а другой — зеленым. Странная различка.

— Сам не догадываешься?

— Вердо.

— Умница! — Расхохотался рыжий и вдруг запел так, что на них обернулись. — Мой миленький дружок, любезный пастушок...

Зашагал беспечно, удаляясь от врат к обочинным Домам. Путники, переглянувшись, последовали за ним.

Обогнули первую линию Домов, миновали вторую, у наименее яркого Дома человек задержался, чуть изогнулся в спине, простирая руку с болтающимися на пальцах бусами:

— Про-о-шу, — молвил нараспев, выставляя белые зубы.

Юга, опередив Выпь, вошел первым — его пустил бы самый старый, самый больной и озлобленный Дом.

В полукруглом помещении без окон навстречу шагнули двое, с одинаковыми движениями и лицами. Без вопросов обыскали, так же молча отступили, растворяясь в темноте.

Рыжий их проводник довольно кивнул, поманил за собой вверх по крутой лестнице.

— Располагайтесь, — сказал, обводя рукой комнату с низким потолком и хорошим огнем в клетях по углам.

Сам разместился за сработанным из драгоценного зеленого камня столом, закинул на него волосатые ноги в грубых ботинках, стеклышки поднял на лоб, обнажая глаза.

— Значит так, проблему вашу в общих чертах просек, а подробности мне не к чему. Кто такие, что за девчонка, куда да зачем — дело ваше, внутрисемейное, так сказать. Я в него грязными руками не лезу. Мне интересно лишь, способны ли вы оплатить мои услуги.

— Способны, — тут же откликнулся Юга, сверкнув глазами.

Выпь молча извлек из-за пазухи пенал, положил перед рыжим человеком. Может, и был он вердо, только уж больно странным. Хотя кому судить, ему, что ли?

Рыжий к дарцам не притронулся. Даже не взглянул.

— Деньги это хорошее зло, однозначно. Но. — Поднял палец. — Качественная марка в наши дни большего стоит. Сечете?

— Что нужно? — спросил Выпь.

— Мне нужно следующее: чтобы ты, костлявый, и ты, смуглянка, спокойно прошли в Городец, обосновались там, притерлись, работку себе нашли, на радость сердцу, на пользу карману, а как понадобится мне от вас услуга мелкая — пришли и услужили. Всего делов.

— Какая именно услуга? — напрягся Юга.

— Любая, мой черноглазый висельник. Столько дел, столько увлечений, куда вынесет, куда занесет... Ну так как, по рукам?

— Мы должны будем подписывать что-нибудь?

— Бро-о-ось, или думаешь, что я тут кровавых росписей требую? — Парень лающе хохотнул, откинув голову с рыжим гребнем волос. — Все — добровольное сотрудничество. Но! Марка требует обновления. Без этого рассосется, как ложная ценность. Моим коллегам-вердо это точно не понравится. Теперь можете пошущукаться.

Ребята сгрудились в кружок, голова к голове.

— Я согласен, сразу говорю, едва ли он стребует что посерьезнее чужой смерти.

— Да. Я тоже.

— Парни, а вдруг я успею до того, как марку обновлять понадобится? Я очень постараюсь, правда. Тогда он от вас ничего не сможет просить.

— Ай, что это ты собралась «успеть»?

— Домой вернуться, — выдохнула Серебрянка.

— Ладно, — кивнул Выпь, — по-любому — да.

— Мы согласны, — объявил Юга.

— Поздравляю, отличный выбор! — Хлопнул в ладоши конопатый маркировщик. — Парни, садитесь уже на эту вот чудную скамейку, в ногах правды нет. А ты, малявка, чеши сюда. Ага, прямо в кресло карабкайся. Руку заголи. Другую, дубинушка!

Пока Серебрянка размещалась в странно изогнутом кресле, рыжий нырнул под стол, вынырнул с долгим коробом. Водрузил, отпахнул крышку — сверкнули огненные разводы на сработанном из стекла и стали инструменте.

Девочка пискнула. Выпь, хмурясь, встал в изголовье.

— Да не бойся, дурочка. Нешто думаешь, что я такую красоту спорчу? Э, вырастешь, все мужики, все капитаны о тебя глаза сломают, все себе захотят, — обритый, приговаривая, быстро отер дрогнувшее предплечье тряпочкой, пропитанной чем-то резко пахнущим, вынул из короба причудливый инструмент, — ты, главное, ровно сиди на попе, не вертись. А то как промахнусь, да в прямо в глаз! Ладно, шуткую я, шучу-верчу... Знаешь, сколько в этом кресле до тебя побывало? И все своими ногами ушли, все довольны остались. Особенно, э-э-э, некоторые... Эй, смуглянка, свет поднеси.

— Я тебе не смуглянка, — огрызнулся Юга, тем не менее снимая с крюка огневую клеть.

Рыжий глянул через плечо, насмешливо приподнял мохнатые брови:

— Дерзкий и резкий, парень деревенский, не? Моим позывным не хочешь поинтересоваться? Все же, после того, что было — не чужие друг-другу...

Юга бросил короткий взгляд на Выпь.

— Еще я всякого пыльника блохастого кличку буду спрашивать, — отвечал.

Маркировщик расхохотался так, что Серебрянка вздрогнула.

— Гаер, очень приятно. Свет чуть ниже поставь. Только башку мне не спали. Кстати, красивые бусы. Кто подарил?

— Никто.

— У этого твоего «никто» хороший вкус.

— Ха! Да никакой он не мой.

— То есть ты ничей?

— Я сам по себе, — гордо вскинул голову Юга.

— Да начинайте уже! — не вытерпела Серебрянка.

— Как прикажете. Начинаю, — в последний раз проверил инструмент, левой рукой крепко ухватил девочку за тонкую кисть, — кто виноват, что ваш Юга меня отвлекает, с мыслей сбивает? Понаедут в Городец черноглазые, работать не дают.

Выпь заметил загадочную полуулыбку на лице спутника, закатил глаза. Серебрянка тоненько вскрикнула.

— Тихо-тихо, не пищи, почти все. — Девочка терпела, хмуря брови и прикусив губу, инструмент тихо ворчал, подгрызая кожу. — Вот так, а теперь состарим немного, дабы вердо наших доблестных не смущать... Пощиплет-пожжет — и готово. Замечательно получилось, не? Одна из лучших моих работ. Теперь смело дуйте к воротам, придраться не к чему будет.

— Как мы вас найдем, чтобы долг отдать? — спросил Выпь, помогая Серебрянке выбраться из кресла.

— О, об этом не переживай, я сам вас найду. — С ухмылкой уверил Гаер, почесывая бедро. — Красоточка, марку водой не поливай, не расчесывай, заживет тогда на славу. Рад бы с вами поболтать, да дел еще уйму переделать, печь побелить, поросям задать, цыплятам пол определить...

Тем не менее, как радушный хозяин проводил их до самого порога.

— Спасибо, — сказал Выпь.

— Да на здоровье. Всегда рад помочь нуждающимся, это мой лекарский долг, как говаривает один мой знакомый пират, клятва Ипполита... Иппократа, не? Да один хер... И — эй! Добро пожаловать в Черный Городец!

Когда вернулись к воротам, как раз подошла их очередь. Все трое волновались, но старались держать лицо.

— Первый раз в Городце, — улыбнулся хмурым вердо Юга, незаметно подталкивая в спины одинаково оцепенелых спутников.

Контрольный пункт, помимо пятерки стражей, комплектовался «вратами вердо» — светлыми плитами с искусно вырезанными мордами гривастых, клыкастых особых. В раскрытую пасть следовало нетрепетно вкладывать отмеченную регномом руку, если марка не вызывала нареканий, вердо кивал и путник проходил в Городец. Если же «вратам» что-то казалось подозрительным, руку сжимало так, что никакой силой ее нельзя было вытащить.

На их счастье, рыжий маркировщик знал свое дело, и очень скоро трое вступили под сень грады Черного Городца.

5.

Толпа обступила их и плавно, неудержимо понесла в себе. Выпь сутулился, глаза лишний раз не поднимал, все под ноги глядел. Серебрянка жалась к нему. Юга уверенно, словно всю жизнь здесь провел, шагал по отмеченной для пешех дорожке. Не крутился, не вздрагивал, когда зло взвизгивали осаженные тахи, громко выкрикивали зазывалы или торговцы, плечом задевали прохожие.

— Тут нам и разойтись, конечно, следовало бы, да вместе держаться пока сподручнее, — вслух размышлял, заняв очередь к черной пластине, вживленный в бок высокого, грязного Дома, — с жильем пока определимся, место рабочее найдем. Гаер этот, опять же... Эй, Выпь, у тебя дарцы остались или ты по доброте все отдал?

— Остались, — Выпь поднял глаза на облюдка и тут же опустил, — немного.

— Ай, и у меня не богато. Ну да ничего, для разгона хватит.

— Ты умеешь с этим обращаться? — Серебрянка заинтересованно сунулась ближе, под локоть.

— Так, самую малость, — на самом деле подобную каменную чудь Юга видел первый раз в жизни, и работал с ней на одних ощущениях, подсмотрев, как это делают другие, — под руку не лезь только!

Серебрянка послушно отодвинулась. Выпь успокаивающе положил руку на худое плечо — не обижайся, мол.

Пластина была дивной, реагировала на теплое касание пальцев. Юга поочередно ткнул в разные картинки — домик, желтые кругляши, тахи, красная задница. Подумав, вернулся к домику. В ответ тот раскрылся-распался на много значков, один из которых — кровать и тарелка — привлек внимание Юга. Вздохнул, дотронулся до него.

Картинка заполнила всю пластину, в ряд выскочили много-много символов. Растерянно хлопнув ресницами, подкидыш еще раз придавил рисунок пальцем. Изображение пропало, зато из нижней части пластины вылезла тонкая, в половину ладони, табличка.

Юга знал, что ничего понапрасну не высовывается, поэтому решительно ее выдернул. Пластину заполнили мелкие картинки, как в самом начале. Глянув на табличку, Юга обнаружил затейливую резьбу и две мигающие точки, синюю и зеленую.

— Ой, а это карта, да? — радостно влезла девочка. — Вот мы, а вот Домик гостиный мигает, здорово!

— Ты молодец. Я бы не додумался, — сказал Выпь.

Юга немного смутился. Это было нечестно, за умение соображать его никогда не хвалили.

Не найдясь с ответом, он показал язык пастуху и подмигнул Серебрянке.

— А можно мне, можно я понесу?

— Неси, — щедро разрешил облюдок.

Девочка обрадовалась, крепко ухватила табличку и пошла впереди.

Выпь молчал, Юга кожей чувствовал его напряжение. Подумал на себя, отодвинулся, но пастух тут же приблизился, зашагал нога в ногу. Смешно, Серебрянка в толпе искала защиты подле него, а он сам жался к Юга.

Когда на зеленый огонь в колбе переходили широкую, залитую черным и блестящим

дорогу, Выпь едва совладал с собой, чтобы не вцепиться в соседа. Юга это заметил, криво усмехнулся. Но вместо того, чтобы насмешничать в своей манере, ободряюще хлопнул между лопаток, заставляя выпрямиться:

— Смелей, пастух, гляди веселей! Уже близко.

«Близко» оказалось не близко. Серебрянка постоянно отвлекалась на новые впечатления, вертела головой, и пару раз они таки крепко сбились — тогда огонек из зеленого становился упрекающе-красным. Девочка торопливо спохватывалась, извинялась, они выбирались на нужную дорогу, и, в конце концов, дошли до Дома в три жилья высотой. Огоньки слились, торжественно вспыхнули желтым, и табличка рассыпалась сухой пылью. Серебрянка отряхнула ладони, украдкой вытерла их о подол длинной, до колен, рубашки и вопросительно оглянулась на парней.

— Ну что, заходим?

***

Заселение взял на себя Юга. Переговорил с хозяйкой — степенной, высокой и полной женщиной, с чинно убранными под цветной плат волосами. Улыбался, улещивал, танцевал голосом, в один момент довольно больно ухватил за плечо Серебрянку и притянул к себе. Небрежно огладил по худой спинке.

Видимо, маленькая девочка сыграла роль. Хозяйка милостиво кивнула и выделила им комнату на последнем жилье, под самой крышей. Юга с достоинством, но страстно поблагодарил.

И выругался, когда Дом замкнул за ними дверь.

— Нехорошо, какая жадная женщина нам досталась, насилу цену сбил.

— Зато у нас теперь есть где жить и спать! — Серебрянка оглядела небольшую комнату, с одной низкой кроватью, столом у стены и ширмой — натянутый на стальной каркас плавань — в углу.

Повинуясь Юга, Дом раскрыл два окна, через которые, как из пробитых бочек, хлынули уличные шумы и запахи. Садовник критично, с видом знатока, примял коленом кровать:

— Да, на первое веко определились.

— Только на одно?

— А что ты хотел, пастух? Это Городец. Ладно, вот вонь дорожную собьем, и — кто куда, а я работу искать. Не улыбается мне в подворотнях спать.

— Разве в Городце есть Провал? — удивился Выпь.

Юга глянул на него, как измученная мать на единственного малоумного сыночка. Ответил вкрадчиво:

— Нет. В Городце Провала нет. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что это Городец, пастух!

— И что?

— И то! — Юга пересек комнату, резко сдвинул ширму, являя взорам огромную, плоскую каменную чашу с низкими бортами. — Вода здесь сама льется. Купальня называется! За это удобство в том числе мы и заплатили. Ты что, вообще всю жизнь с овдо промотался?

— Не всю, — Выпь с интересом наблюдал, как из трубочки, выходящей прямо из стены, течет вода.

— Поздравляю! Значит, ты еще не совсем потерян.

— Но все же, как оно так устроено?

Юга закатил глаза, вздохнул.

— Трванты сами по себе в подпитке не нуждаются. Но если им, мелким еще, привить-подселить траву-паут, то в росте они сольются. Трава та глубокие корни имеет, до источников Провала доходит, водой себя питает. Люди во взрослых трвантах жилы паута находят, подрезают и так себе воду добывают. Понятно?

Выпь задумчиво кивнул.

— Ай молодец, а теперь двигайся, я купаться буду.

— Нет. Первой будет мыться Серебрянка.

— Да с какой радости?!

— Она девочка. Она маленькая. Устала. А ты можешь подождать.

— Нет, я не могу! — Юга попытался прорваться к вожденной купальне, но Выпь успел пребольно схватить его за волосы и оттащить прочь.

Юга аж выгнуло в пояснице. Зашипел взъяренно:

— Что творишь, совсем спятил, да?! Отпусти немедленно!

— Пожалуйста, — пастух разжал руки, а подменьш отпрыгнул, оскалился, как чернозверь.

— Не смей больше меня так хватать, ясно тебе?! Я не твоя девка!

Выпь поднял мозолистые ладони, примирительно сказал:

— Прости. Погорячился. Но и ты не сучься.

— Это я-то сучусь?! М-м-мф, как же ты меня выводишь иногда почти всегда, пастух!

Выпь оглядел комнату и добавил, решив бить по горячему:

— Кровать для Серебрянки.

— Да пусть подавится, — фыркнул Юга, — я, может, вообще спать здесь не буду.

— А где будешь?

— Не твоя забота!

— Ты сучишься, — спокойно подметил Выпь.

— А ты меня доводишь! Скорей бы Гаер с нас долг взыскал, я от вас в то же око с величайшей радостью избавлюсь. Навязались на мою голову.

— Вообще-то, это ты к нам присоединился, — так же спокойно и справедливо уточнил Выпь.

Юга аж затрясло.

Пастух, подумав, на всякий случай прижался спиной к стене. Виновато развел руками — мол, на правду не обижаются.

Садовник трвантов медленно выдохнул через нос и так же медленно вышел. Выпь устало потер лоб, досадуя на самого себя. Что он полез? Устали все, переволновались... А Юга дразнить, что огню пальцы совать.

Серебрянка торопливо мылась, когтями отскребая слозящуюся шкурку и мечтала скорее вырасти — кажется, то был единственный способ на равных говорить с этими двумя.

Когда она, до скрипа отмытая, вылезла из купаленки, Выпь сидел на полу, закрыв глаза и уронив на колени тяжелые кисти. Девочка испугалась:

— Ты в порядке?

— Да. Отдыхаю. — Скупо улыбнулся, легко поднялся. — Давай ложись. Притомилась, верно.

— Нет, что ты, совсем нет, — соврала Серебрянка.

На самом деле от усталости пути у нее ломало и тянуло кости, а еще невыносимо горела кожа.

— Скажи мне, Выпь... ты говорил — «сучиться», но что ты... Ты знаешь, что такое «сучка»?

Пастух ответил внимательным, удивленным взглядом:

— Ага. Особая, нарождается из нечистостных оплесков, если много скапливается в одном месте. С собой темная, четыре ноги, морда узкая, безглазая. Норов гадкий, когда злобится, эдак вот пузырями идет, ну — сучится. Потому так и сказал... О чем жалею. Почему спрашиваешь?

Серебрянка вздохнула.

— Так, просто... Ладно. Давай я покажу тебе, как с водой разбираться? Там хитрая придумка есть.

— Давай, — охотно согласился пастух.

Ему совсем не хотелось спрашивать совета у насмешливого Юга — с того стало бы просто затолкать его в каменную чашу, сыпануть мыльного порошка и отчинить воду.

Серебрянка показала, как сдвигать запор, перекрывающий путь воде, для чего в отдельной плоске пахучий жирный отлом «скребковой пены» и остро заточенный лист стальной змей-травы.

Почему-то виновато упредила:

— Только вода холодная, не как в Провале.

— Ага. Ну и хорошо. Не люблю Провалы.

— Ну, ты тогда давай купайся, а я пойду пока, прилягу.

— Кровать — твоя.

Серебрянка смутилась:

— Да мне и на полу хорошо, я не привередливая.

— Нет. Ты девочка, ты будешь спать в постели.

— А ты... Ты какой-то неправильно правильный, — вздохнула, замялась.

— Что? — не разобрал пастух.

— Спасибо. Воду за собой закрыть не забудь, а то хозяйка заругает.

— Ладно. Ты, это, спи. Я как искупаюсь, пойду работу искать. Никуда не уходи, хорошо?

— Хорошо, — Серебрянка скрестила за спиной пальцы — ей до смертной истомы хотелось поглазеть на Сухое Море, да прощупать, как через него можно перебраться.

Мыться в купальне оказалось весьма приятным делом. Вода и впрямь бодрила холодом, но Выпь быстро притерпелся. «Пена» на вкус звучала прегадко, зато хорошо справлялась с грязью, здорово щипала глаза и поврежденную кожу. Поглядывая в отполированный лист, Выпь стальной травой отскреб щетину. Как он успел заметить, в Городце мужчины не носили ни усов, ни бород.

По-хорошему, одежду тоже стоило сменить — то, что было ладно в дороге и под открытым Пологом, здесь, среди непомерно разросшихся Домов, смотрелось странно. Выпь выделялся, а этого ему совсем не хотелось.

После мытья, хмурясь, подсчитал оставшиеся дарцы. В становье говорили, что стол в Городце больших денег стоит. Следовало как можно скорее сыскать себе занятие.

Покинув Гостиный Дом, Выпь постарался запомнить вытесненные на лбу Дома знаки, огляделся, запоминая месторасположение. Он хорошо ориентировался на каменистых

просторах и холмах, но Городец казался ему запутаннее Самантовой рощи.

***

В Городце темнело скорее, чем на открытых пространствах. Выпь только успел отметить наступление сумеречья, как затеплились, разгораясь ярче и ярче, многочисленные лампы, вживленные в стены Домов и закрепленные на верхушках невысоких, идеально прямых деревьев. Колбы были изготовлены из странного цветного стекла, отчего неприглядные улицы Городца вмиг приобрели сочную, густую расцветку.

Выпь остановился, с восхищением наблюдая игру красок и огня на полированных дорогах и лоснящихся боках тахи, превращающую Черный Городец в сияющую драгоценность. Так красиво не горел даже Провал в разгар красной, когда душная пасть его наполнилась крылатыми мерцающими тварями и сама вода была словно светящееся молоко.

Око прошло. Для Выпь оно оказалось заполнено бесконечной ходьбой, куда более изматывающей, чем долгое движение по холмам, бесконечными людьми и собственными отчаянными попытками не заблудиться. Пастух не разумел грамоту, поэтому искать работу пришлось, спрашивая горожан. Многие отмахивались и шли дальше, кто-то смеялся и предлагал нескромное, но нашлись и такие, кто подробно, буквально на пальцах, разъясняли парню, куда и к кому можно обратиться.

С голосом была беда. Не желая испугать или покалечить, Выпь говорил тихо — но в общем шуме его не слышали, не понимали. Злились на странного парня, отвлекающего от дел. Тогда пастух заговорил громче, при этом сдерживая в горле тянущийся откуда-то из-под груди смертельный рокот. Держал, как на тугой короткой привязи, почти видел перегородку, отделяющую его настоящий *голос* от того, которым он разговаривал с людьми. Препона ощущалась тонкой, еле прочной, готовой лопнуть в любой момент. Выпь, страшась этого, старался урезать беседы.

Под веко у него болело горло, от шума и новизны Городца он словно ослеп и оглох. Хотелось есть. Не отпускала подспудная тревога за Юга, беспокойство за оставшуюся на целое око одну Серебрянку.

В добавление ко всему, он все-таки заблудился.

Не желая сдаваться, коря себя за то, что не спросил имя Дома у хозяйки, Выпь упрямо бродил извилистыми улицами, упорно выглядывал знакомые ориентиры и, наконец, наткнулся на ту самую плиту, у которой они стояли прозаром. Обрадовался. Зашагал увереннее.

Когда переходил широкую гладкую дорогу, едва не угодил под копыта тахи. Всадник резко и умело развернул повод, тахи взвизгнул и встал как вкопанный.

Его приглушенно окликнули:

— Выпь, ты совсем на голову больной?!

— Юга?

Всадников оказалось двое. Тот, что сидел позади, стянул шлем, уличные огни захлебнулись в черной массе волос. Юга спешил, что-то сказал удерживающему тахи наезднику — тот молча нагнул голову, забрал шлем и послал скакуна вперед.

— Ай, холодно-то как вблизи Моря делается, — рассеянно протянул подкидыш, тут же спросил, избегая прямого взгляда, — ты как, нашел себе что-нибудь?

— Ага, — Выпь с радостью понял, что Юга вроде как успокоился и затевать новую свару не собирается, — а ты?

— Поздравляю. У меня завтра смотрины назначены. Думаю, сработаемся.

Не глядя друг на друга, зашли в Дом.

— А-а-ах, добрый вечер, гости дорогие, — едва не подавившись зевком, приветствовал их сменивший за стойкой хозяйку молодец, по виду — ее же сын, — а что, маленькая ваша в Городце останется?

Парни застыли.

— То есть? Ушла она?

— Ну да, как огни зажглись, так вниз спустилась, а здесь ее уже ваш дядька ждал. Или не сказал вам?

У Выпь словно пережало горло. Юга упреждающе сдвинул ему кисть раскаленными пальцами и безмятежно-зло поинтересовался:

— И куда они, интересно... Направились?

Собеседник добродушно улыбнулся:

— Да девчоночке вашей все не терпелось на Море взглянуть, он, я слышал, и обещал ее первым делом туда свести. Вот, записку вам оставила.

Радостно извлек из-под стойки плоский камень, услужливо протянул.

Спутники переглянулись.

Юга ударил ладонью по стойке, заставив хозяйкиного сына шарахнуться от неожиданности. Развернулся на выход, бросив спутнику:

— Пошли. К Морю тут одна дорога, глядишь, нагоним.

***

...усталость как рукой сняло. Оба шли, почти бежали по улице, и Выпь даже не удивлялся, как ловко ориентируется Юга.

— И поздно уже, видоков нет, спросить бы кого...

— Есть, — хрипло возразил пастух.

— Где?!

Выпь молча указал на ближайший сонный Дом.

У Юга вспыхнули черным огнем глаза.

— Молодец, соображаешь! Ну-ка, попробуем, как оно получится... — воровато огляделся, быстро прижал ладонь к теплomu грязному боку.

Зажмурился.

С досадой прикусил губу:

— Шуганый он какой-то, весь образами забитый, мне и надо всего-то один вычленить... Ну, а если так испробовать, — приник к Дому спиной, коснулся — с опаской — стены затылком.

Выпь вздрогнул. Почудилось, что не ветром случайным, сами по себе зашевелились волосы, влились в бок Дома...

— Есть! — прошептал Юга, рванулся прочь от стены и кинулся вниз по улице.

Пастух, не спрашивая, спешил следом. Юга бросался от Дома к Дому, одни еле мазал пальцами, к другим прижимался спиной, волосами — и тут же срывался. От некоторых, едва задев, отскакивал, шипя сквозь зубы:

— Мертвый камень... Понаставили тут...

Взгляд у него сделался неподвижным, глухим.

На каком-то перекрестке замялся, затоптался, потом рванул в арку, образованную слившимися, лезущими друг на друга Домами. Уличных огней здесь почти не было, зато был какой-то желтый мужичок в хорошей, нарядной даже одежде, при виде резвых парней

вжавшийся в бок мертвого Дома.

Юга без предупреждений и объяснений зарядил мужику в нос, схватил за грудки:

— Девчонка где?! Что с ней сотворил, урод?!

— А-а-а-ы... — человек был бел как в-тени-толкай, стучал зубами и поскуливал, заливая кровью свою рубаху и руки разъяренного парня.

— Да что же это! — Юга нетерпеливо отбросил мужика на стену. — Где она?!

— Т-туда...

— Юга, — тихо окликнул Выпь.

— Что?!

— Сюда подойди.

Юга прижег человека взглядом, нетерпеливо развернулся к пастуху.

— Нашел что?

— Смотри, — Выпь поднялся с корточек, держа пальцами что-то светлое, просторное, будто второпях сорванное платье.

Юга, недоуменно вскинув брови, дотронулся, подергал.

Задумался.

— Ах ты...! Вот...!

— Шкуру скинула. Этот ее схватил. Она испугалась и...

— Облинялась. Слиняла. Как-то так. Эй, тварь! — Юга вновь припер незадачливого татя к стене. — Ты что, надругаться над девчонкой мыслил, а?

— Н-нет, н-нет! Я только глянуть хотел, только посмотреть. Я ей М-море показал, обратно п-проводил, она сама...

— Сама?! Хреногрыз сраный! Глянуть хотел?! На, подавись! — Юга широким жестом закинул ему в пасть добрый кус синутой шкуры.

Выпь не вмешивался.

***

— Куда рванула, а? Она же как угодно выглядеть может, она же вообще, может стать, не человек вовсе, — подменьш озирался по сторонам, идеально сливаясь с темнотой.

По таким улицам празднично не гуляли, парни были единственными прохожими этих закоулков.

— Не человек — то существо, что детей по темноте хватает. — Рассудительно молвил пастух. — А Серебрянка просто маленькая. Ей страшно, наверное.

— Серебрянка-а-а!

Зов заметался под сводом арки, шугнул кого-то. Парни напряженно вслушивались.

— Ай, в темноте шариться! Не видно же ничего, хоть бы какой свет!

— Так достаточно, красавчик? — перед ошеломленным Юга тонко вспыхнул фонарь, обрисовывая скалозубую человеческую морду.

— Что за...! — Юга отшатнулся, угодив в распахнутые объятия, мгновенно был скручен и наглухо укрыт пыльным мешком.

— Юга? — Выпь развернулся на короткий вскрик и возню, заметил пых света и, не успев сообразить, что к чему, рухнул навзничь, словив по голове.

В себя пришел скоро — башка у пастуха оказалось полезно-крепкой.

Тошнило, дышать могло с трудом, а затылок ощущался валуном, полным тупой, неповоротливой боли. Приветил его низкий, мягкий как масло, голос:

— А, вот и прочухался. Молодец, парень, мы уж думали тебя водой отлить.

Выпь открыл глаза — чахлый свет показался ему Пологом в зеницу ока.

— Что, трещит голова-то? — почти сочувственно осведомился некто. — Эй, со вторым как?

— Жив-здоров, еще и кусается, облюдок, — ответили весело.

— И славно, и очень даже хорошо. Ну-ка, парень, глянь на меня. Да глянь, не журишь.

Его взяли за лицо, крепко нажали пальцами, раздвинули челюсти.

— Та-а-ак, зубки у нас хорошие. Просто замечательные.

Оттянули веки, изучили уши, затем, безо всякого стеснения, подробно прошлись руками по телу.

Выпь все молчал. Зрение, наконец, прояснилось, и он рассмотрел и тесную, сбитую в одну кучу, комнатку, и низкий потолок, и старый огонь, рассаженный по круглым нечистым лампам.

Окон в комнате не было. Были люди — один, с яркими глазами и гладкими речами, изучал его как породистого тахи; двое перекидывались в фишки на куче тряпья; четвертый караулил Юга.

Чернокосый встретил его взгляд. Рот у парня оказался закрыт кляпом, как глухим намордником, руки круто стянуты за спиной.

Ну да, верно, Юга мастер был сквернословить, да и незваные пальцы отхватить мог запросто.

Облюдок, что с него взять.

И чего от него ждать?

— Чего вам надо? — спросил Выпь.

Покончивший с осмотром человек как раз возился у рукомошника. Глянул через плечо, улыбнулся мягко.

— Да ничего особенного, парень. Хорошо работу сработать, дарцы получить, семью накормить, вот и вся недолга. А ты что думал, убийцы мы разбойные? *Головохваты*, всего-навсего. Живой рынок, слышал небось?

— Что вы с нами сделаете?

— А это уже не от нас зависит, — мужчина отерся висевшим подле умывальной чаши полотенцем, — я, конечно, рекомендации напишу, а уж куда вас определяют... Но, если интересно, могу предположить-поведать. Хм, основываясь на опыте работы, так сказать. Ты вот парень молодой, крепкий, выносливый, явно к труду привычный — так тебя, скорее, или колодцы рыть отправят, или граду латать, или дороги чинить. Хотя могут и в Дом взять, на грязную работу. А вот спутник твой другого склада, его на грубые работы гнать — себе в разорение. Или услужником возьмут ближним, или в шлюшатник определяют, красота — она сила.

Мужчина вздохнул, почесал шею, о чем-то задумался.

Выпь молчал. Ему бы открыть рот и *запеть*, низко, тяжело, они ведь не поймут сначала, потом кинутся, да поздно будет. Выпь умел быстро — сколько раз овдо сгонял, сколько от хищников ловких упасал.

И место хорошее — *песня* их запрет, со всех сторон собой овьет, окутает, как трясина.

Вот только Юга тоже свалится.

Головохваты переговаривались. Они не были ни особо злыми, ни специально жестокими. Просто работа, просто подбирать тех, кто Городцу чужой, кого не кинутся искать.

Один из татей, волосатый, несколько косорыленький парень, вразвалочку подобрался к облюдку.

— А славные у тебя бусы, красавчик. Кто справил, а?

Юга глянул, как метящая в горло черная сталь.

— А примерить дашь? Тебе-то они все равно ни к чему...

Ухватил горстью зеленые шарики, несильно дернул. Рванул с большим старанием. Удивился.

— Ничего, на каждый прием у нас свой лом сыщется, — подмигнул, достал из-за пояса нож.

Лезвие безупречной остроты опозорилось — нить не поддалась ни с первого, ни со второго раза. Юга яростно фыркал и тряс головой.

— Да что же это! — рассердился головохват.

Соратники посмеивались, лениво советовали:

— Да через голову попробуй снять.

— Отстань ты от него, что как девка в бусы вцепился...

— Заканчивайте игры, скоро Малах подойдет, — строго велел главный, когда Юга, извернувшись, лягнул охочего до цацок парня в пузо.

Тот охнул, под гоготки дружков вовсе озлился, расцвел бурыми пятнами:

— Ах ты сучка драная, щас наглотаешься!

Пора.

Выпь приоткрыл рот и *запел*. Зарычал. Завыл, заплакал, выжимая людей, словно опившиеся водой тряпки, а потом резко вздернул голос, вытянул, над головами выщелкнул, как пастушьим кнутом. Зацепил крючками страха, потянул — в топь, в непроглядное болото, в родную Топлянку, как приходимцы учили...

...Юга пришлось ударить — на слова он не реагировал, зрачки у него разъехались так, что съели остальной цвет.

Выпь постарался: на всякий случай раскатил голос на весь Дом, до корней. Они с Юга бежали по бессветной, ветхой лестнице, а за стенами застыла, скованная страхом, жизнь.

Метнулись вдоль улицы, кинулись в проулок и только там остановились.

Юга так же молчал, так же бессмысленно смотрел, и Выпь вдруг по-настоящему испугался, смертельно и больно, до кишок. Что он сотворил? Одно дело пугать, другое — так вот, в топь вгонять.

Что, если как старосту, безумцем его сделал?

Что, если оправятся их схватившие, вдогон кинутся? В Городце отыщут?

Что, если так и останутся там, к месту пригвожденные, пустые разумом?

Выпь не знал, что страшило его больше.

Послышались близящиеся, хоровые шаги. Патруль вердо, Выпь уже видел их раньше, отличных от простых горожан цепким взором и особой формой одежды в бело-зеленых цветах. Выпь усилием воли придавил страх, обернулся к Юга, как к подгулявшему другу, вжал в стену, навалился, прикрывая собой, пряча от прохожих безумно-бессмысленный взгляд, свежую кровь на губах, на подбородке.

Что-он-наделал, что-он-наделал...

Патруль прошел.

Выпь уперся лбом в стену, закрыл глаза.

Надо вернуться в гостиный Дом. Запереть Юга, найти Серебрянку. Устроиться на

работу, ходить да остерегаться людей-охотников-на-людей. Или их друзей.

Сыскать лекаря. В само пройдет — само отвалится, Выпь не верил очень, очень давно. С детства, можно сказать.

Юга зашелся кашлем так неожиданно и сильно, что Выпь отпрыгнул. Облюдок согнулся, царапая грудь, шею, захлебываясь, потом рухнул на четвереньки и выплюнул черные ошметки.

Выпь сглотнул.

— Пакость...какая...в горле прямо стояла, как забили, — Юга скривился, хватаясь за стену, поднялся.

Перевел взгляд — осмысленный, глубокий — на пастуха.

— Здорово ты их приложил. То есть нас, я думал, что не догадаешься...

— Да иди ты, — еле слышно проговорил Выпь.

Зря боялся. Безумцу безумие не грозит.

...в гостиный Дом вернулись, когда Полог уже наливался соком близящегося прозара, а уличные огни, напротив, бледнели.

Прошли мимо дремлющего за стойкой хозяина — Дом пустил их по первому касанию Юга.

— Значит, сначала девчонку нашу разыскать надо. Ай, в кого же она перекинулась, куда ж ее унесло, Городец большой, а она маленькая. Оком-то Дома труднее будет спрашивать, хозяева взревнут...

Оба устали. Оба говорили хрипло: Выпь привычно держал голос, у Юга саднило горло.

Хотелось есть и спать, но спать все-таки больше.

Следовало найти девочку.

Искать ее в огромном Городце — не то же самое, что преследовать овдо, самостоятельно удравший и самостоятельно же заблудившийся в Самантовой роще.

В прохладной комнате ждали полусвет и узкая постель. Измятая, будто по ней вволю каталась активная, молодая тварь.

— Ну вот. Одной заботой меньше, — легкомысленно пропел общую мысль Юга.

Навалился спиной на стену, следя глазами за новым старым постояльцем.

Существо, сияя гладкой белой шкурой, мягко приблизилось, высоко вскидывая слишком длинные задние конечности.

Виновато потерлось острой мордой о ногу Выпь.

— Сама вернулась, значит, — пастух опустил руку, осторожно пригладил выпуклый лоб.

Серебрянка зажмурилась, обтерлась поджарым боком о Выпь. Хлестнула бедро хвостом — здоровая получилась, в холке Выпь по пояс, на четырех длинных лапах.

— Где хранить будем?

Чудное создание оскалилось на Юга. Тот выщерился в ответ, да так успешно, что Серебрянка присела.

— Порычи мне тут, мы за ней носимся, ноги сбиваем, себя и других не жалеем, а эта тварь в кроватке прохлаждается! Где ты была, пока нас как вещи продать хотели, а? К Морю ей восхотелось! Подождать она не могла!

— Юга, — сказал Выпь.

— Ты лучше вообще молчи! Я прав, прав так, что самому противно! Идите оба в задницу, а я мыться, — ругаясь и раздеваясь на ходу, прошествовал за ширму.

Выпь опустился на корточки, потрепал смутившуюся Серебрянку.

— И впрямь, нехорошо получилось.

Серебрянка виновато спрятала синие глаза, дернула мохнатым ухом на звук льющейся воды.

— Такой теперь всегда будешь?

Нагнула голову, покрутила носом.

— И славно. На глаза хозяйке не попадайся только, ладно?

Серебрянка насмешливо сморщилась — мол, сама знаю, дружелюбно, как овдо, боднула парня в грудь и, в два прыжка достигнув окна, перемахнула на улицу.

Когда подбежавший Выпь свесился через подоконник, чудного зверька уже и след простыл.

6.

Юга молча перестелил постель — вывернул наизнанку простынь, перед этим тщательно ее вытряхнув в окно, заплел косу, спустился вниз, оставил хозяйке заявку на побудку.

Когда вернулся, сразу же лег и заснул.

Выпь, к счастью своему не дождавшийся от него продолжения, рассудил, что Серебрянка в нынешнем своем обличье вряд ли будет спать в кровати. Успокоив несговорчивую совесть, устроился там же. Окна дом затянул, так что свет не мешал.

Заснул, против ожидания, быстро, даже не пришлось пересчитывать овдо.

И проснулся очень скоро. Сам не понял, почему.

Юга лежал на спине, одну руку заведя за голову, второй беспокойно перебирая зеленые бусины. Таращился в потолок.

Глаза его поглощали малейший свет, и пожирали, и не выпускали обратно.

— Ты чего? — хрипло прошептал Выпь.

— Ничего. Спи.

— Ага, — пастух обернулся на спину, со вздохом сказал, — тебя что-то тревожит.

— С чего взял?

— Ты, когда плохо тебе или волнуешься, бусы перебираешь.

— Ха, внимательный какой.

— Я пастух, — Выпь пожал плечами, — мне за овдо следить надлежит. А знаешь, сколько их и какие они все разные?

Юга промолчал, словно говорить ему было тяжело.

— Выпь, я кое-что сказать тебе должен.

— Ага.

— Стана больше нет.

Пастух не ответил, и облюдок продолжил:

— В общем, так дело было...

***

...Когда его, и без того злого и взведенного, со спины прегрубо взяли за плечо, первым побуждением было высвободиться. И закатить невеже с локтя. Юга рванулся.

— Опять сбежать наостришься — руки соберу, — строго предупредили в затылок. — Или сразу шею сломаю, с правой стороны да на левую, а людям скажу, что так оно и было.

— Ты здесь что позабыл?! — безосечно признал вердо Юга.

Да полно, вердо ли?

Заступая на службу, они лишались семьи и имени. Оставалось лишь звание. Призвание.

Вердо.

А у этого — гляди — и имечко имелось, и маркировщиком промышлял, в обход своих же. Юга разглядел, что был рыжий в форме стража Городца, да непрстой, а с какими-то наляпками на плечах и руках.

— Службишку я тут справляю. — Пояснил Гаер, не торопясь ослаблять хватку. Шарил взглядом по его лицу, по телу. — А вот у тебя явно ни прописки, ни работы, один регном сомнительный, так что даже не думай рыпаться. На учет не встал, поди?

— И что тебе в становье не сиделось? — в ответ огрызнулся Юга. — Там в Гостевом

Доме такие ляли скучали.

Хватка ослабла. Гаер замешкался:

— Или не знаешь?

— Чего не знаю? Все я знаю.

— А нет больше вашего становья, кончилось.

Юга обернулся, встал лицом к лицу, требовательно сощурился:

— Ну?

— Провал открылся, — пояснил Гаер, не отводя глаз от черных бессветных, бессовестных омутов, — в один миг все туда рухнуло, ничего, никого не осталось. Мы с моими ребятами искали-поискали, хоть кого-то выловить думали... Как в трубу смыло. В общем, только овдо и спаслись — улей проломил и поминай как звали.

— Когда это случилось?

Вокруг были люди — много людей, за них цеплялись любопытными взглядами, и тут же отворачивались.

На главу вердо пялиться было интересно, но небезопасно.

Гаер вздохнул, поскреб висок.

— В то веко, когда ты ушел, я себя плохо помню. — Признался с трудом, будто в ущерб собственной гордости. — Как тазом накрыло. Кликнул манк... своим, короче, в погоню бросился, вроде нагнал, да на какого-то особого налетели. Тахи будто рехнулись, даже мне не по себе сделалось. Обрато направились, с полдороги завернул — обидно стало. Прозаром только вертанулись, а становье ваше уже того, того-этого.

Юга опустил ресницы, стараясь не выказать слабости и горя. Гаер тронул за плечо, без привычной властной жесткости, скорее сочувствующе.

— Ты сам-то как, жопу прижал где?

— За меня не волнуйся.

— Работу ищешь? Не вскидывайся, я тоже когда-то в Городец впервые приехал. Тяжко же по первости, особенно когда ни знакомых, ни друзей.

Юга промолчал, собираясь с мыслями. Станным образом балабольство рыжего, простые его расспросы мешали сосредоточиться на осознании горя.

— Дом наши, с хозяйкой хорошей. Что до службы, то был я в нескольких местах, не по вкусу.

— Еще перебираешь, — хмыкнул Гаер. Вздохнул, осторожно коснулся черных прядей, — дивные у тебя волосы, ни у кого таких не видел.

— Волосожор тоже так считал, — показал зубы Юга.

— С особым дорога свела, не? Пойдем, по пути расскажешь, как выпутался.

— Куда? — подобрался Юга, готовый сорваться на бег.

— К людям хорошим. Не упирайся, им работники нужны. Как раз твоего склада, да по моей рекомендации, рыбок наешься...

— И какая тебе в том корысть? Сказал же, что с тобой не пойду.

— Да понял я. Считай, долг отдаю.

— Какой это?

— Кабы ты от меня не хизнул, я следом бы не кинулся. Сгинул бы вместе со всеми. Так-то.

— Не прибедняйся, — поморщился Юга, про себя подумав, что если бы вердо не заявился тогда по его тело...

Стиснул зубы до боли в скулах, гоня печаль с лица — кому нужны работники, у которых рот углами вниз и нос опухший?

Гаер, к счастью, разговорами не донимал. Посвистывал, уверенно шагал по запутанным улицам Городца. Юга спохватился и постарался запомнить дорогу. Мало ли как сложится, вдруг придется одному выбираться.

Вердо-маркировщик уверенно вышивал арками и тесными проулками, ничуть не смущался тени мертвых Домов и массивных тел живых. Юга все пытался представить себе, каково одному Дому терпеть в себе несколько хозяев сразу.

Видать, с детства им эту привычку прививали.

Район, куда привел его страж Городца, был обособлен невиданной градой — высокой (в четыре человеческих роста) и тонкой (в три человеческих же пальца), насквозь ажурной, сплетенной из...

Названия этой травы Юга не ведал — какая-то промесь стеклянной и чугунной, очень красивая и на диво крепкая. Вердо града узнала, расплелась, пропуская.

— Теперь заперто, темнотой всегда открыто. А пока — тишь да гладь, хоть с детьми гуляй... Нам туда, к зеленому огню. Знаешь символику?

— Красный — женщины, синий — мужчины, зеленый — и те, и другие, чего здесь мудреного, — суховато откликнулся Юга, осматриваясь.

Район, не в пример основной массе Городца, был чисто убран, ярко окрашен и обильно сдобрен каменными и стеклянными украшениями. Дома стояли слепые, с закрытыми окнами и дверьми, охраняя сон постояльцев. В воздухе таял странный томный запах — от него кружилась голова и чесалось небо.

— А вот и наш Дом. Как тебе?

— Красивый, — искренне похвалил садовник тровантов, разглядывая взрослый, прекрасно сложенный Дом.

Три жилья, плюс явно живое помещение под покатой крышей, блестящие, здоровые, красивые камни. Строение мягко лоснилось в рассеянном свете Полога, по шкуре перекатывались световые волны, от светло-зеленого до глухого, почти черного. За Домом явно не ленились ухаживать.

Юга кольнуло ревнивое любопытство — смог бы он сам вырастить из маленького трованта такого же красавца? Разглядеть в темном — а окраску они приобретали с возрастом — малыше будущее, способность превратиться в жилой или Гостиный Дом?

У одного из подопечных, которых он наблюдал в стане, был очевидный задаток прорасти в Дом Зрелищ. Никому не нужная редкость.

— ...один из лучших, — завершил хвалебную речь вердо, которую Юга пропустил мимо ушей, — Вложились они здорово, ну, да и окупится сторицей. Айда, с хозяйкой познакомлю...

***

— ...так и вышло вот, — закончил Юга.

Перевел дыхание. Облизал пересохшие губы.

Странное дело, сделалось будто бы легче.

— Мне жаль, — Выпь смотрел на него, а Юга не мог заставить себя глянуть в ответ.

Криво усмехнулся.

— Мне, не поверишь, тоже. Дурно мы со старухой моей ладили, ай, дурно! Сколько раз желал я ей провалиться, и подумай, сбылось!

— Здесь нет твоей вины.

— А здесь почему-то есть, — коснулся груди, — я как думал — уйду прочь, как только случай подвернется, тянул да оттягивал, я с ней даже не попрощался, не примирился. А теперь точно все, и возвращаться...

— Некуда.

— Не к кому.

Замолчали.

Юга вовсе отвернулся, сдерживая дыхание.

Выпь думал о детях, оставшихся в становье. О мужчинах и женщинах.

Не зная, что сказать, что сделать, протянул руку — заробел, смелости достало только волосы чужие погладить.

— Ты кем устроился хоть, а, пастух? — незнакомым, хрипловатым голосом внезапно заинтересовался Юга.

Выпь понял, откликнулся с преувеличенной бодростью:

— Работником на пристани. Груз принимать. Груз снаряжать. Канаты починять. Кабестан толкать...

— Славно. Только с голосом твоим делать что-то надо, скрипишь, как старый дед. Завтра на рынок сходим, я отвар один знаю...

— Не в этом дело.

— А вдруг? Сложно тебе, что ли?

— Хорошо, — вздохнул Выпь, — сходим. Если силы будут.

— Будут, пастух. А теперь заткнись, я спать хочу — чую, скоро не доведется, — не глядя, протянул руку, намереваясь перебросить косу, ухватился пальцами за ладонь Выпь, спокойно лежащую на волосах.

Пастух быстро отстранился.

Глупо улыбнулся.

— Ай, только не говори ничего, — фыркнул Юга, торопливо отворачиваясь.

***

Следующие несколько очей оказались забиты работой, работой, работой. Тиа Плюм-Бум, так любезно принявшей юного облюдка в свой Дом, на оценку способностей новенького понадобилась не более пары рабочих век.

Мальчик оказался сметлив и талантлив, с врожденным вкусом к блядству и танцам и, что встречалось реже, с чувством красоты движения.

Ребята приняли его. Юга смог поставить себя, не разбив ни одного личика. Перезнакомился с мальчиками, девочками, слугами и охраной, с самим Домом — и Плюм-Бум с чистой совестью могла сказать, что ее добрый друг вердо не врал, утверждая, что она не пожалеет.

Пожалуй, единственное, о чем она жалела — что не завела Юга раньше. Ему не было равных, в танцах его было что-то нерасказуемое, что-то — нечеловеческое.

Ставить его в труппу было так же странно и глупо, как прятать дикий лесной огонь среди вручную сработанных, малосильных светцов. Он был иной породы. Иной природы.

Даже Касьян — охране глава — даже сама тиа глаз отвести не могли. А уж они-то насмотрелись на всяких.

Тиа Плюм-Бум была крепкой, сильной женщиной в самом расцвете сил и плоти. Стриглась коротко, по-мужичьи, дня не мыслила без физической работы, большой

охотницей была до борьбы и хищного носоломного боя, а на руках могла с самим Касьяном потягаться. Слабостей не имела, кроме пива и неких хрустящих «чипсов», которые подгонял ей Гаер. За свою насыщенную жизнь сводня много особей перевидала, и на Юга сперва сомневалась: красивый парень, бесспорно, но уж больно гордый да себе на уме, с червоточиной. Такой в горячке и прибить клиента мог, и покалечить.

Но, уважая вердо, решила испытать чернявого облюдка.

Не прогадала. Новый мальчик пользовался спросом. Как со стороны тиа, так и со стороны тио.

Через несколько смен хозяйка вызвала его к себе и предложила занять комнату наверху — второе жильё отводилось под спальни для работников Дома.

Облюдок отказался, изрядно удивив. Тиа прекратила кулачное избиение безликого чучела «Антоня Отчаянного», исторически занимающего левый угол комнаты, вздернула подбритую бровь:

— Но почему, малыш? Ты паренек толковый, счет дарцам знаешь, так зачем платить Гостиному Дому, если можно свободно здесь устроиться? И на дорогу не тратиться, и тренироваться сможешь.

— Тиа Плюм-Бум, спасибо за предложение, но принять его пока не могу.

Женщина хмыкнула. Вытерла лоб, насмешливо бросила:

— Неужели есть что-то, чего ты не можешь?

Юга шутки-подначки не принял, серьезно объяснил:

— Я снимаю комнату с одним знакомым. Расходы мы делим пополам, и боюсь, один он не вытянет.

— Да ты заботливый малый, вот уж чего не ожидала от черненькой сучки вроде тебя! — умилилась Плюм-Бум. — Ладно. Этот твой «один знакомый» и впрямь просто знакомый или у него полный доступ?

— Просто знакомый, — твердо отрезал Юга, — он туповатый, неотесанный, но хороший парень.

— Кем промышляет?

— На пристани.

— Очень по-мужски, — оценила Плюм-Бум, прицельно убивая чучелко в пах, — если уж на то пошло-поехало, то я могла бы устроить его на полставки охранником и разрешить жить с тобой. У нас как раз по штату недобор выходит, Касьян жалился давеча...

— Нет, — решительно отверг необыкновенно щедрое предложение Юга.

— «Нет» еще раз?

— У нас договор. — Не сморгнув, соврал Юга. — Он не должен видеть меня за работой.

— Ты же сказал, что он «просто знакомый»? Какое дело ему, как и какими местами ты себе бусы добываешь?

— Я не хочу, чтобы он видел, — упрямо повторил Юга.

— Или стыдишься? — сощурила правый глаз тиа.

— Я не...

— В общем, мой тебе совет, красавчик. — Женщина уперла кулаки в крутые бока, сдула с носа мокрую челку. — Спроси своего знакомого, хочет ли он приобрести новые навыки, завести приятные знакомства, получить неплохое вознаграждение, бесплатное жильё плюс харч, — последовательно загнула толстые сильные пальцы, погрозила кулаком. — Отчего-то мне кажется, что любой на его месте был бы заинтересован. Ах да, не забудь упомянуть, что

у нас лучшие девушки в Городце. Про парней, думаю, он и сам знает, так, детка?

Юга помолчал. Он уже жалел, что имел глупость проговориться. Теперь тиа от него не отцепится, сводню разбирало женское любопытство.

— Хорошо. Я понял вас, тиа.

— Ну и славно. А теперь двигай работать.

***

Поразмыслив хорошенько, Юга все же решил спросить пастуха — ну как действительно согласится.

Отчасти себе в досаду поступал. Стеснительно ему было, неловко, что Выпь его «таким» будет видеть. Раздетым, украшенным, с жирно подведенными глазами. Верхом на коленях у какого-нибудь толстеющего купца, примерного семейного подкаблучника. Семейных Юга вообще любил, они были постоянными клиентами, платили щедро и смешно жаловались на заевших молодость супругов и капризных-неблагодарных деток.

Ни перед кем Юга не отчитывался, а тут вдруг не все равно стало, что скажет-подумает Выпь. Да посрать, озлобленно решил измученный сомнениями подменыш.

Отловил желтоглазого и сухо, быстро изложил предложение тиа Плюм-Бум.

Пастух поскреб лохматый затылок. У Юга замерло сердце.

— И что мне там охранять-то предлагается?

— Не что, а кого. Нас. Шлюх, то есть. Гостей буйных из Дома вашей прогонять, свары разнимать, ну и для форсу у стеночки красоваться.

— Ага. Ну, дело не больно хлопотным кажется. Вот только ты как на это смотришь?

— Ай, а что я?! — притворно изумился Юга.

— Мне казалось, тебе мое присутствие в тягость будет, — спокойно растолковал Выпь.

Юга фыркнул, дернул плечами. Непроизвольно коснулся бус.

— Да мне ровно плевать на твое присутствие-отсутствие, главное, работать не мешай.

— Хорошо, — решил Выпь.

Про себя рассудил, что будет продолжать трудиться на пристани, а темнотой займется охраной Веселого Дома.

Благо, работа сменная, а лишними дарцы не бывают.

На билет за Море копить и копить.

— Я передам тиа твое бесценное согласие, — снасмешничал облюдок, унимая поднявшуюся досаду.

Тиа оказалась права, от такого предложения не сыскалось бы глупцов отказаться. А Выпь, как понял и признал Юга, при всех своих недостатках глупцом совсем не был.

Серебрянка в новой, не сношенной еще шкуре, на глаза ему почти не попадалась. Изредка, полным прозаром, когда Юга только возвращался, вливалась в комнату через окно, тихо урчала — вроде как приветствовала, терлась о ноги. Будучи в расположении, Юга играл с ней, хватал за бока, опрокидывая, чесал лапы и поджарое брюхо. В усталости — невнимательно хлопал по сильной тонкой шее, да без лишних ласк уходил спать.

Зато Выпь Серебрянка навещала куда чаще. В порту работы было много, на всех хватало. Канатные дороги, многоярусные системы, уходили от причалов к другому берегу, скрывались в тумане Сухого Моря. Шумели, работая без перебоя, гигантские катушки, рабочие принимали и отпускали груз. Серебрянка, как замороженная, глядела вниз, в бездонную пустую яму, заполненного клубами мреющего дыма.

Перед людьми не крутилась, сидела в тени складов. В короткие моменты отдыха Выпь,

если не получал наказ от старшего или не разговаривал с другими работниками, высвистывал Серебрянку. Гладил шкуру, чесал за ушами. За пару длин она как-то потемнела, похудела. Парень сначала все норовил ее подкормить, но Серебрянка вежливо отворачивала морду. Сама пропитание находила.

— И во что дальше обратишься, а? — спрашивал Выпь.

Серебрянка лишь прикрывала тонкими веками ярко-синие глаза.

Она сама бы не отказалась узнать.

Страдать старалась про себя — у ее спутников и без того забот было презрительно.

Очень туго, очень плохо шло взаимодействие с этим Хомом — чрезвычайно глухим, не отзывчивым, диким. Его звали Сиаль, и это был как раз тот случай, когда имя определяло создание. Едва выбравшись на поверхность, Серебрянка тут же угодила в сладкую ловушку, и погибла бы наверняка, не приди на помощь пастух овдо. А ведь она его не звала, не чувствовала даже!

Ей надо было спешить. Ну, кто знал, что с ними увяжется длинноносый, с яркими темными глазами?

Знала, что играла нечестно, настоящую силу можно было получить, лишь самостоятельно преодолевая препятствия, своей волей, без посторонней помощи. Но — постоянные изменения, ломающие тело, но — чужой, враждебный мир... Без этих двоих она бы не ушла дальше Самантовой рощи.

В Черном Городце удалось затеряться. В толпе людей, Домов, тахи и огня ее запах — запах мягкотелой нимфы — не разобрали бы хищники.

Серебрянка жадно заглядывала в Море. Ломала глаза о Полог, подвесной потолок Хома. Как бы ни хотелось ей сорваться, понимала — рано. Всего лишь юница, до взрослой, сильной особи ей развиваться и развиваться.

Хуже всего было то, что она совершенно не представляла, как именно будет протекать взросление и безусловно болезненная трансформация. Индивидуальный онтогенез, проклятое наследие. Ее кидало из формы в форму, и каждый раз она надеялась, что это все, финал, и каждый раз понимала — нет, только этап.

Иногда ей странно мечталось навсегда остаться в форме человека — как эти, кто окружал ее, дружил с ней. И пусть Юга был проточным, порочным, с Лутовой темнотой, утопленной в глаза и волосы, пусть Выпь мог разговаривать с овдо, а с людьми — нет, но они были... Целыми. Истинными. Теми, кто есть. Не застывали в одном состоянии, менялись тоже, но их суть оставалась неизменной, и стержень этот был для нее объектом зависти.

У Серебрянки так не получилось бы.

Тревожило — на отчаянные, настойчивые сигналы не было ответа. Не слышали? Или их глушили? Или — нет, она вовсе не хотела об этом думать — надморье пусто, выскоблено и ей просто некуда возвращаться?

Сколько же она пролежала в земле, личинкой, а потом страшенькой куколкой.

И почему она не ощущала себе подобных?

Их же должно быть много, взрослых и юных, на случай, если не все выживут и доберутся. Почему молчит, как убитый, сам Лут?

Еще одно ее беспокоило, и не меньше, чем отсутствие обратного сигнала.

Выпь и Юга совершенно точно не были людьми.

В какой-то момент ей казалось, что она знает их породу, цеплялась за смутную, не

оформившуюся догадку-воспоминание, а в следующий миг вспышка узнавания гасла. Как будто не было.

Серебрянке предстояло дорасти, дожить до полного этого знания, доступа к общей памяти ей подобных.

Единственное, что знала твердо: ей они вреда не причинят.

А вот друг другу — запросто.

***

— Для чего это? — не вытерпел пастух.

Со службы он отпросился пораньше, чтобы успеть осмотреться и переговорить с нанимателем. Точнее — нанимательницей, тиа Плюм-Бум, прихода которой и ожидал в общей зале.

В око, плавно переходящее в первую темноту, Дом стоял тихий и прохладный. Вопреки ожиданиям Выпь, увеселительное заведение производило вполне приятное впечатление.

«Гнездо разврата» — так отзывались о нем достойные тиа — было выдержано в трех цветах: золотом, черном и красном. Первый ярус занимала просторная горница с настоящими зеркалами, мягкими сиденьями и нишей для хранения верхней одежды. Дальше открывался большой зал, занятый столами-стульями, площадкой для музыкантов и приличных размеров помостом. Последний располагался посередине, от основной его массы отделялись извитые узкие язычки. Чтобы, значит, никто из гостей не чувствовал обиды.

На второе жильё вели две широкие лестницы.

Выпь привлекли странные, тускло блестящие пруты толщиной в запястье, закрепленные между потолком и помостом.

— Сам как думаешь? — усмехнулся в ответ Юга.

Волновался он не меньше пастуха, но виду не подавал. Благо ему, в отличие от спутника, было чем заняться — на вечер планировался целый каскад выступлений.

И если в гордом одиночестве равных ему не было, то совместная работа сбила. Тиа Плюм-Бум это злило, и Юга старался исправить положение, но быть менее заметным и привлекать меньше внимания противоречило самой его сути.

— Или держаться за них, — вслух размышлял Выпь, — или опора для Дома.

— Ха, нужны Дому костыли!

— Тогда для чего?

— Можно, можно я покажу? — не утерпела девушка с выбеленными волосами.

Юга знал ее как Мэль. Высокая и сухая, с плоским задом, но на лицо милая и ноги красивые. Она с друзьями уже обсудила нового охранника, и теперь желала покрасоваться. Похоже, Выпь ей припал. Юга постарался глянуть на спутника, как в первый раз. Рослый, поджарый, руки крепкие, плечи сильные, голос глубокий... Ничего особенного, еще и рот как у лягухи.

— Валяй, иначе он будет думать об этом и сломает себе голову. А совсем безголовых в охрану не берут.

Мэль радостно подхватила, как-то очень ловко и быстро уцепилась руками за прут, и...

Выпь, обомлев, смотрел, как легко и красиво кружится вокруг прутка девушка, как блестит ее светлая кожа, изгибается-выгибается длинное тело. Она порхала, словно тварь Провала — легкая, светящаяся, сама по себе. Казалось, не прикладывая к этому ни малейшего усилия.

Юга лишь хмыкнул, наблюдая немое восхищение друга.

— А ты... Ты тоже так можешь?

— Обижаешь, пастух! Я могу namного, namного лучше!

— Вот хвастун, — возмутилась Мэль, легко соскальзывая на пол, — не слушай его, Вышь!

— Скажешь, я вру, сучечка?

— Положим, не врешь, но это все равно нечестно.

Юга щелкнул языком.

— Кому до честности есть дело, все смотрят только на тело...

— Девочки, не надо ссориться, — весело пробасил усатый мужик, до поры мирно трапезничающий за столом в углу, — а ты, парень высоконький, поди сюда, поди. Побеседуем.

Вышь оглянулся на Юга — тот улыбнулся, подмигнул и вернулся к своим. Пастух приблизился к мужчине, спокойно глянул сверху вниз.

Отметил: плечи широкие, волосы коротко стрижены, с сединой, нос ломаный, глаза умные, холодные.

— Меня Касьяном звать. — Постукивая пальцами по столешнице, первым назвал себя. — А ты у нас, значит...

— Я пастух.

— Пастух, — кивнул Касьян, вытирая рот чистой обметанной тряпицей, — вакеро, значит. Кого пас-то?

— Овдо.

— Гм, нелегкое, должно быть, дело?

Вышь пожал плечами.

— Привычка нужна. Но мне нравилось.

— Овдо, они же, сволочи, шустрые да и врезать могут — мама не горюй, — задумчиво сощурился Касьян, ковыряясь в крепких зубах тонкой и острой заморской тычинкой-диковинкой, — голову там пробить горазды или вовсе ребра выломать.

— Могут, — согласился Вышь, — но это совсем от неумелого обращения.

— А ты, значит, умел?

— Ага.

— С оружием ловок?

— Нет, — сознался сразу.

Не пастуший же клинок за оружие считать.

— Бой знаешь?

— Только черный.

— Да нам белого и не надо, — ухмыльнулся Касьян, — мы люди не гордые, простые. Ну-тка, испытаем тебя.

— Прямо здесь?

— Це, а чего тянуть да откладывать? — Касьян поднялся, оказавшись на полголовы выше Вышь, хорошо потянулся, расправил тугие плечи. — Значит, так поступим. Я буду бузить, ты меня — покоить да прочь выпроваживать. Сладишь?

— Ага.

— Тогда начали.

Качнул головой и вдруг — остекленел глазами, отяжелел, осоловел и махнул кулаком.

Выпь успел отклониться, а над ухом словно овдо прогудел.

Касьян же, мыча и недобро пырясь, начал пробираться к помосту, к посмеивающимся в предвкушении зрелища танцорам, отшвыривая с дороги стулья и столы. Выпь, кружа вокруг, всячески ему мешал, толкая навстречу мужчине оказавшиеся под рукой предметы. Когда Касьян, наконец, завяз, рискнул подобраться ближе, наметив себе — колено, шея, висок, что угодно, лишь бы не попасть под удар, повалить да ухватить.

Касьян, однако, оказался себе на уме.

Подпустил пастуха, а затем необычайно быстро протянул длинные руки, и — Выпь оказался на высоте.

В прямом смысле — Касьян просто поднял его над собой, крикнул и швырнул, прямо в кое-как составленные столы. Выпь грохнулся, увлекая за собой утварь, и едва успел откатиться, увернувшись от рухнувшего сверху стула.

Касьян, рыкнув, попытался достать его ногой, но пастух исхитрился перенять удар и завалил противника. С помоста просыпались одобрителные хлопки и свист.

Перехватить верх удалось не сразу. Усатый легко его скинул, вжал в пол и пару раз заехал в голову. Выпь не сразу, но сумел ухватить ворот просторной рубахи и рывком притянул. Не скромничая, обхватил противника ногами, крепко, изо всех сил обнял, прижимая к себе.

Резко сжал бедра.

Касьян взвыл сквозь зубы и хлопнул ладонью по полу.

— Не ожидал от пастушка борцовских хваток, — сказал, растирая поясницу и довольно жмурясь, — думаю, сработаемся. Но, учти, с гостями ласковее надо, для клинча в партере у нас вон, разномастных шлюх полный Дом.

— Учту.

— А насчет остального — нынче в паре с Маршей поработаешь, — кивнул на дебелую белую девку, которая сушила зубы рядом с Юга, — она бабец толковая, про постоянных расскажет, да присоветует, если что.

— Я не должен говорить с тиа?

— Да как она явится, так и поднимешься к ней. А пока давай, приберись тут. Знатно мы покидались, це... Да, и наперед всего харю умой — нечего кровяком полы пачкать. Девчонки, кто-нибудь, проводите парня до умывальника.

В провожатые вызвался Юга, одним взглядом оттеснив охочих девочек. Провел коридорами, лестницей — в небольшую комнату, на одну умывальную чашу и полированный зеркальный лист.

Развернул к свету, осторожно коснулся ссадин мокрой жгучей тряпицей.

— Не дергайся. Хорошо, что шить не придется. Почему ты не заговорил его?

— Потому что это было бы нечестно, — сквозь зубы процедил пастух.

Его спутник недовольно фыркнул, крепче ухватил подбородок желтоглазого.

— Вы стоворились, что ли? Честно, не честно, тоже мне... Смотри, в следующий раз лучше просто вели гостю выметаться. Сам уйдет, и тебе мороки никакой, и ему ни синяков, ни унижения.

— Разберусь, — морщась от боли и холодной воды, проговорил Выпь.

— Ну, кто бы сомневался.

— И часто у вас... такие гости?

— Откуда мне знать, я здесь всего ничего? — не упустил случая показать зубы Юга. —

Девчонки говорят, редко. Дом уважаемый, абы кого сюда не пускают. Ладно, вали, мне надо готовиться.

— Ты будешь выступать?

— Я буду работать, пастух. — Юга вздохнул, посмотрел на лицо друга. Куснул губу. — И ты тоже бездельно не засидишься. Так что хорош таращиться, нагладишься еще. Вали в зал, с ребятами знакомиться.

7.

Самой изнурительной оказалась первая длина.

Выпь не брезговал тяжелым трудом, зато с трудом уставал, что оказалось ему и на руку, и к карману. Сразу две работы, в светлую и темную смену — немногие выдюжили бы.

Он пока выдерживал.

Веселый Дом открывался для гостей каждое веко, и каждое веко они наполняли его собой — плотным шумом, потными телами, терпким запахом возбуждения и липким шелестом дарцов. Сперва Выпь казалось, что гостей невероятно много — остальные лишь посмеивались.

— Це! Так-то малишко, вот на праздники — посмотришь, что у нас творится, да сравнишь!

Вышибалы работали посменно и Выпь, после некоторых терзаний, попросил Касьяна ставить его тогда, когда предлагал себя Юга.

Нет, нет, ему не нравилось смотреть, и не раз сердце пропускало удар, и не дважды в последний миг ловил судорогу отвращения, не давая ей отразиться на лице.

Но не видеть, а значит, быть далеко, и не успеть помочь — случись то, что иногда случается со шлюхами — было несоизмеримо хуже.

Касьян многозначительно хмыкнул, подкрутил пышные усы и обещал подумать.

— Ты вот что, парень хороший. Ты у нас пока на испытательном, вот одолеешь — справишься, тогда и в график тебя включим, да расписание согласуем, а пока изволь трудиться, как поставили.

Выпь не посмел возражать.

Немногий скарб свой они перетащили из Гостевого Дома на второе жильё Веселого, в выделенную комнату.

— Ты здесь и гостей принимаешь?

— А ты как думал?! Конечно, здесь. Или брезгуешь?

— Успокойся, ничего я не брезгую, — Выпь разглядывал со вкусом обставленную комнату, гладкие, покрытые причудливыми узорами стены, высокий потолок, широкую приземистую кровать, богато забранную настоящей тканью.

Комнату обильно освещал свежий огонь, рассаженный по фигурным лампам цветного стекла. Некоторые были очень выразительны, в точности дублируя мужской и женский срамы. Да и рисунок на стенах, если приглядеться, складывался в движущиеся, разнообразно совокупающиеся фигуры.

Пахло здесь странно, сладко и томно, ароматный дым поднимался из маленьких курильниц и тек в зеркала, блестящие ловушки, устроенные в потолке и в стенах.

За узкой дверкой располагалась купальная. Не маленький душ, а целая бадья-ванна, где легко могли уместиться — и наверняка умещались — два человека.

Облюбок, пожимаясь под дубленной своей шкурой презрительного оскала, ждал вопросов или возмущения, но их не последовало. Выпь был очень сдержан. И очень — себе на уме.

Он не сразу, но сошелся с обитателями Дома — мальчиками и девочками, охраной и подавальщицами. Многие постоянные гости начали узнавать его в лицо, и милостиво кивали

при встрече, и в упор не замечали на светлой улице.

Жизнь Выпь разломилась на свет и тьму. Оком он вкальвал на пристани, рвал спину, помогая разгружать лодки, натягивая и ремонтируя канатные дороги, а веком, едва успев поесть-вымыться-поспать, занимал место в зале Дома Удовольствий, следя за покоем гостей и безопасностью шлюх.

Он привык.

Но к Юга в рабочем обличье привыкнуть так и не сумел — только отстраниться, отвлечься, воспринимать его как одно из действующих лиц, как тень в театре теней. Иначе не получалось.

Юга очень быстро стал очень известным, это помогало заведению и совсем не помогало Выпь. Он вообще не мог понять, как облюдок не боялся и не терялся (не терял себя) под грудой взглядов — когда танцевал, прикосновений — когда гулял по залу, чужих тел, которые вдавливали его в постель темнота за темнотою.

Гости были разные. Случались такие, после которых Юга казался и ощущался пустым, выпитым и высушенным; попадались ласковые игрецы, о которых он отзывался со странной косоватой ухмылкой; бывали знатные тиа, скрывающие лица под масками, в душных притираниях и богатых одеяниях; встречались блудни с нездоровыми глазами и особыми потребностями. И каждый раз — с каждым, почти каждым гостем — Юга работал с честной, озлобленной, лихорадочной страстью. А после с таким же остервенением отмывался в купальне, до крови царапая смуглую кожу.

И Выпь не мог разобрать, кого подменыш в такие моменты ненавидел больше — себя или людей.

В первый раз пастуху пришлось применить силу, растаскивая подвыпивших и вцепившихся друг другу в глотки гостей. Обошлось без голоса, одной силой. Люди были куда более неуклюжими, чем свободные особые. Куда менее опасными. Подобное не случалось каждое веко, правила заведения были строги — дебоширам здесь были не рады, на входе сдавали оружие и все, что могло оружием послужить.

К сожалению, в присутствии опьяняюще красивых девушек и юношей сдавался и разум гостей.

— Я с тобой не пойду, — сказал Юга, отстраняясь.

Разбираться в людях и сортах похоти он учился с малых лет, и этот здоровый, краснощекий мужик был явно не тем типом, которому можно довериться.

Его поймали за руку и, что хуже — за волосы, обильно сдобренную украшениями толстую косу. Рывком подтянули к ногам.

— Пойдешь как миленький, пададь ты эдакая!

Юга извернулся, запуская острые зубы в холеную надушенную кисть — и получил сапогом в лицо, так что искры из глаз брызнули. В следующий миг пальцы на волосах разжались, а гость оказался мордой в стол, среди драгоценных объедков, с заломленной рукой и придавленной коленом жирной шеей.

— Ты уйдешь, — вкрадчиво проговорил Выпь в красное ухо, тяжелым взглядом предупреждая друзей гостя от необдуманных поступков, — забудешь сюда дорогу, понял? А вернуться надумаешь — голова твоя лопнет в пороге. Я сделаю. Уяснил?

Гость дернул подбородками, задыхаясь и вздрагивая густым лицом.

Выпь отпустил паршивца, кивнул прочим вышибалам. Обернулся к Юга — тот странно ухмылялся, глядя в спину гостю. Свежая ссадина на скуле казалась новым ярким

украшением. Потом они встретились глазами.

— Хорошая работа, пастух, — сообщил Юга и, повернувшись, отправился на помост, как ни в чем не бывало.

Уборщики спешно навели порядок, девочки и мальчики Дома успокоили гостей. Выпь вернулся на пост. Прислонился к стене, скрестил подрагивающие руки на груди. Марша вопросительно толкнула локтем:

— Ты чего взбесился, желтоглазый?

— Ничего. Нормально все. Нормально.

Розовая пленка ярости исчезала с глаз, промаргивалась. Выпь глубоко дышал.

Темнота продолжалась, и больше ничего интересного не случилось.

***

Это все-таки произошло. Выпь скрывался, как мог, но, на беду, Юга умел видеть.

— Да что с тобой, пастух? Ходишь, как овдо ушибленный.

— Спина болит, — нехотя признался Выпь.

— Раньше сказать не мог, конечно же.

Выпь промолчал.

Юга, ругнувшись, отложил гребень с острыми черными зубами, кивнул на кровать.

— Ложись.

— Что?

— На живот, быстро! Рубашку сними.

— В этом нет...

— Выпь. Не доводи. У меня. Плохое. Настроение.

Парень, вздохнув, покорно через голову стащил рубашку, лег ничком, раскинув руки. Вздрогнул и попытался высвободиться, когда на бедра опустился Юга.

Юга тут же дал ему по затылку.

— Смирно! Ай, какой беспокойный. Чего ты дергаешься, у тебя все равно на меня не встает.

У Юга оказались сильные руки и жесткие пальцы. Выпь некстати вспомнил, как легко, на взгляд стороннего, он брал высоту прута и удерживал ее без внешних усилий, кувыркался и замирал, танцевал в воздухе. Прекрасно владел своим телом. Сам бы он так не смог.

Остро запахло пряностью.

— Это мазь, не трепещи. Мы ей пользуемся, если синяки и... прочее.

Боль, ставшая привычной за последнюю длину, постепенно вытапливалась, выжималась из спины. Выпь сумел расслабиться и, кажется, даже задремал.

Привиделось ему нечто короткое, глупое: плавное движение сквозь темноту, разбавленную вспышками света. Это успокаивало и убаюкивало, а потом что-то ударило его в бок и рвануло волосы на затылке.

Выпь ошалело вскинулся.

— Двигайся, пастух. Ты не гость, чтобы я тут в ногах у тебя полеживал.

— Я уснул?

— Дрых, как дитя, — хмыкнул Юга, скользнул ладонью по щеке, — бородатое дитя. Побрейся, тиа едва ли оценит.

Выпь смущенно потер лицо. Щетина была ему привычна, и иногда он забывал, что в Городце растительность на лице считалась дурным тоном.

А он, все же, в уважаемом заведении работал.

— Полегчало?

— Ага, спасибо, — спохватился парень.

— Без проблем. С тебя обратка. Хотя нет, не стоит, еще сломаешь мне что ценное. И укрепляй спину, иначе к старости будешь похотливым слюнявым горбуном, жамкающим девок по подворотням.

— Ты не скучаешь по тровантам? — испуганно перевел разговор Выпь, аж содрогнувшись от представленного воображением.

— С чего бы? — фыркнул Юга, с наслаждением вытягиваясь на кровати.

— Мне овдо не хватает, — признался вышибала.

— Уж чего-чего, а колобками разной формы и цвета я сыт по горло. Никогда бы не подумал, что...

Выпь не сдержался и прикрыл уши — иногда на Юга находил стих, и он мог вывалить на друга самые подробные гадости.

— ...и когда кончает этот шкаф, пищит, как будто слетышка душат. Тоненько так да жалобно, ажно слезы наворачиваются. Иииии, вот как-то так... Ты меня слушаешь?

— Ага, — откликнулся Выпь.

Юга глубоко вздохнул и затих. Пастух настороженно ждал, гадая, что тот выкинет следующим номером. С Юга Выпь наговорил больше, чем за всю жизнь до знакомства с ним. Смуглую шлюху не устраивали монологи в пространство, не нравилось ему и молчание. Он вытряхивал из пастуха слова, как дарцы из должника, заставлял отвечать, бывало, кидался тем, что под руку попадет, если Выпь мешкался, мучительно складывая слова.

Юга был красив, вспыльчив, ярок. Горел точно черное звонкое пламя. Гости обзывали его «темпераментным» и, кажется, им этот его норов нравился.

Пастух же с ним жил. Хотя иногда казалось, что выживал, а вблизи это пламя было совсем другое дело. Но — Выпь научился разговаривать, а не просто говорить.

Юга резко обернулся к нему и спросил:

— К слову о тровантах. Ты вот знаешь, что старые Дома могли «нырять»?

— Как так? — заинтересовался пастух.

— Ну, оком под Полог вылезали, а как темнело — ровно под землю проваливались, со всем содержимым.

— И их хозяева не возражали?

— А что им возражать-то? Так, верно, безопаснее было.

— Может быть. — Выпь приподнялся на локте, заглянул в скуластое лицо друга, в обморочно-черные глаза. — Ты мог бы выращивать трованты и дальше. Ты их разумеешь. Они тебя слушаются. Как меня — овдо.

— Ай, пастух, многожды говорено уже, кто меня на чистую работу садовником возьмет?

— У вердо своего спроси.

— Не мой он, ну, — отмахнулся друг.

— Как думаешь, вернется он?

— Знаю точно, что зайвится. Такие парни своего не упускают, выгоду во всем ищут. Жаль, Серебрянка невесть где шляется, спустили бы на него...

— Юга, — укоряюще протянул Выпь.

— Да что? Он, небось, подобных тварей и во сне не видывал. Пусть поорет, обосрется.

— Он все же нам помог.

— Не за куцое спасибо, — подкидыш зевнул и нехотя признал, — хотя он довольно

приглядный, рыжий-ржавый с огоньком, может, получится с ним обычным манером рассчитаться.

— Как будто тебе работы не хватает.

— А тебе-то что?! — немедленно ощерился Юга.

— Да ничего.

— Ну и молчи тогда, молчи.

— Я-то молчу, это ты без умолку треплешься, — огрызнулся Выпь.

Положительно, иногда Юга делался совершенно невозможным, в такие редкие моменты Выпь хотелось рывкнуть как следует.

Как обычно, сдержался. Отвернулся от фыркающего облюдка, натянул одеяло. Усмирил дыхание и сам не заметил, как задремал.

Очнулся же, когда на плечо влажно шлепнулось и растеклось мокрое. Одурело вскинулся, глаза в глаза столкнулся с испуганно присевшей Серебрянкой — двуногой, голой, млечно-мреющей в сдавленной тиши.

— Выпь, пожалуйста, — умоляюще прошептала девчонка, — мне нужна твоя помощь.

— Что, опять? — чужим, сиплым спросонья голосом осведомился Юга.

— Я не могу скинуть это, слишком больно, помоги мне, пожалуйста, — Серебрянка шептала, как в лихорадке, желая и не смея коснуться Выпь длинными беспокойными пальцами.

— Тише. Скажи, что делать.

— Вот дурная, что с тобой на этот раз?

Серебрянка не ответила, тогда облюдок сорвал колпак с огненной лампы — рыжее охватило согнутую фигуру в оплотьях бывшей шкуры, неряшливыми космами свисающими со спины и боков.

Тело полосовали странного вида потеки, не то слизь, не то кровь.

Девочка судорожно скорчилась, прикрывая тонкими ветками рук наметки женской груди и паха. Виновато объяснила:

— Я не могу перевести себя в другую форму. Я застряла.

Выпь попытался накинуть ей на плечи одеяло, но Серебрянка отшатнулась.

— В купальню, оба, — принял решение Юга, — пастух, сунь ее в воду, только не переусердствуй. Я живо обернусь, ждите.

И выскользнул из комнаты.

— Пойдем, — Выпь жестом указал девчонке дорогу.

В купальной было холодно. Девочка зябко переступила босыми ногами, оглянулась на Выпь, не без труда, закусив губу от неизбежной боли, залезла в глубокую чашу.

Пастух снял колпаки с ламп, в изобилии размещенных по углам и стенам. Вскрыл воду. Здесь, в Веселом Доме, в самой его подошве была устроена истопная: от нее водяные жилы Дома брали жар для горячей воды.

— Не бойся, — сказал ободряюще, — немного потерпеть осталось.

— Если бы, — с глухоткой отчаяния проговорила Серебрянка, дрожа.

Юга вернулся с небольшим темным свертком. Бросил на столик, смахнув чудные безделушки, развернул двумя руками — в зеркала брызнуло полированным холодом стали.

— А как иначе, головой подумай. — Верно истолковал облюдок взгляд пастуха. — Ногтями ты с нее эту дрянь не отскребешь, будем резать.

Парни посмотрели на Серебрянку. Девочка, сжавшись, зачарованно глядела на лезвие,

многократно повторенное и усиленное зеркалами.

— Будет больно, — предупредил Юга, — держи ее крепче, пастух, а будет верещать, махай рылом в воду.

— Я не буду верещать, — переглотнув, решила Серебрянка.

— Ну и молодец. Приступаем? Хотя, погоди, есть у меня еще одна идея...

Сунул руку в стенную нишу, вытащил узкую, глухого стекла бутылку, зубами вынул пробку.

Выпь услышал знакомый, сильный запах настоящего ядовитого питья. Людям оно очень нравилось.

— Пей.

— Зачем это...

— Пей, тебе говорят! Легче будет, и нам, и тебе. Особенно мне!

Серебрянка послушалась, с трудом сделала пару неглубоких глотков и закашлялась.

— А теперь — поехали.

Отсутствие снаровки Юга с лихвой компенсировал самоуверенностью и нахрапом. Добытый нож заточен оказался на совесть, на самого злого врага — снимал шкуру легко и быстро. Выпь крепко держал девочку, не позволяя ей дергаться. Теплая вода скоро окрасилась рудным, Серебрянка действительно не кричала, лишь постанывала, стиснув зубы, хрипела, когда приходилось отдирать старое, мертвое, от молодого и живого. Тогда Юга подсовывал нож и буквально брил по юной коже.

— Ну, вот и все, — под конец действия взмокли все трое, Серебрянка в полузабытьи висела на краю чаши, Выпь тяжело дышал, Юга устало скалил зубы.

— Мы не можем отпустить ее в таком состоянии.

— Почему? Очень даже можем, — омывая лезвие в проточной воде, через плечо бросил Юга, — ла-а-адно, заворачивай мелочь в одеяло, пусть здесь перекантуется. С Домом я договарюсь.

— Спасибо вам обоим, — прохрипела Серебрянка, когда Выпь отнес ее, плотно закутанную, на кровать.

Юга лишь фыркнул, намекая на неизбежность отплаты, пастух качнул лохматой головой.

— Сочтемся.

Когда измученная незаладившейся линькой девчонка уснула, Выпь окликнул соседа:

— Спасибо тебе.

— Ай, ты же не думаешь, что я это по доброте природной устроил? Нужен мне больно мертвяк в комнате, вот проспится и пусть гуляет на все четыре.

— Ты ловок с ножом. Где нахватался?

— А ты неловко меняешь разговор.

Выпь виновато улыбнулся, продолжая тереть полотенцем сухие руки.

— Я обещал, что отправлю ее за Море. Должен помочь.

— Что, вот прямо на крови клялся?

— Нет.

— Тогда, какого...

— Я отвечаю за нее. Как и за тебя.

Юга резко — только коса свистнула — обернулся:

— Вот только не надо за меня отвечать, ладно?! Я сам за себя, и отвечу, и спрошу, и

приложу, если надо.

— Ага, — вздохнул Выпь, прикрывая глаза.

Облюдок окинул быстрым взглядом кровать — ложе было не ахти каким лежбищем, двоим привольно, с третьим уже проблемно.

— Ложись, — велел Юга, толкая пастуха к подушкам.

— А ты?

— Все равно вы мне сон перебили, пойду лучше, внизу потренируюсь.

На самом деле — как со смутным, смешанным чувством признавал Юга — ему нужен был повод отодвинуться подальше и хорошенько подумать.

Думал, приводя в порядок купальню и себя, думал, отрабатывая начисто, до белой боли, элемент.

По всему выходило — зря он это затеял, зря втащил в свою жизнь пастуха с тошными охристыми глазами и странным, кости выдирающим, голосом. Ни с кем близко не сходил, а теперь чуял необыкновенно остро (по первости, должно быть) как срашиваются их жизни-жилы, как слепляются тени, смешивается дыхание. Еще не поздно было — и случай с Серебрянкой только подтвердил — рвануть ножом, увернуться. Городец большой, сам Сиаль не маленький, места всем хватит.

Пускай эти двое куда хотят сваливают, хоть за Море. Дарцы, так и быть, пополам.

Юга впервые — за короткую свою жизнь — по-настоящему боялся.

8.

В последнюю длину Юга был сам-не-свой. Не чужой, и то ладно, поэтому Выпь несколько удивился, когда облудок сгреб его за рукав поношенной куртки и заявил, что они идут в Городец.

— Мы уже в нем, — осторожно возразил вышибала.

— Ну какой все-таки дурак! Я говорю — двигаем на главную площадь, прогуляемся, как нормальные... Нормальные люди. Можешь взять свою мелочь проблемную.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — недоверчиво сощурился Выпь.

— Я себя всегда чувствую! Собирайся, буду ждать внизу.

— И вот, он сучится, — вздохнул Выпь заглянувшей в комнату Серебрянке.

Так получилось, что обычные, полагающиеся добрым жителям развлечения Черного Городца обходили их по широкой дуге. Съедала работа. Серебрянка, по ее словам, тоже активно людям не показывалась, бежала оживленных улиц, так что вылазка оказалась в новинку для всех.

Выпь держался не в пример увереннее себя прежнего, почти не сугулился и глаза не прятал. Даже оглядывался вокруг — с любопытством. Даже сдержанно улыбался в ответ на вполне искренние улыбки девушек. Серебрянка, в нарядном темном платье и светлом головном платке, подарке внезапного Юга, крепко держалась за руку старшего спутника.

Юга, украдкой наблюдавший, выдохнул. Можно было не опасаться, что без него теперь они потеряются и пропадут. Хотя — быстро себя одернул — какая ему разница?

Людей, несмотря на смыкающееся веко, гуляло преизрядно. Все нарядные, улыбчивые, подозрительно доброжелательные. Уличные огни сияли особенно ярко сквозь чистое цветное стекло, украшенные танцующими на ветру лентами Дома блестели отмытыми боками. Люди перемещались парами и шумными компаниями, обменивались приветствиями и добрыми пожеланиями.

— Или праздник какой?

— Око Становления у Городца, — почти в один голос просветили спутника Юга и Серебрянка.

Вердо, схожие между собой, как пальцы на руке, следили за порядком. Пастух опасался, что их могут спросить на предмет регномов, но стражи Городца лишь равнодушно проскальзывали по троице взглядами.

— У тебя-то марка сохранилась или стерлась вовсе? — склонившись к Серебрянке, спросил Выпь.

— Вместе с первой шкурой сошла, — виновато пожала плечами она, жмурясь на сочное свечение огней.

— Ага, — Выпь зыркнул на Юга, ожидая злых слов по поводу истраченных дарцов, но друг лишь фыркнул.

— Да подумаешь, беда какая. Гаер сам за долгом явится, тогда и ткнем ему под нос некачественной работой. Пусть скидку делает, халтурщик. Давайте лучше туда, там что-то интересное затевается...

Все главные улицы города стекались в одну большую площадь. Народу здесь толпилось видимо-невидимо, отовсюду слышалась диковатая, пряная музыка, ярко горело в

высоких чашах пламя, горло щекотал сладкий приманчивый голос заморской снеди.

— А ты говорила, что у нас еда скудна, — поддел Юга девчонку, с изумлением глазеющую на лоток торговца, заваленный стеклянно блестящими сладостями.

— Но это же... Это же не отсюда...

— Хочешь чего-нибудь?

— Нет, нет, спасибо, — испуганно замотала головой Серебрянка.

— Вот упрямая мелочь.

Юга протолкался к говорливому лотошнику и, особо не торгуясь, взял темный, почти черный брусочек с ладонь величиной.

— Держи. Оно не отравленное, не бойся.

Серебрянка недоверчиво приняла гостинец, вежливо обнюхала, лизнула.

— Ой, вкусно! Что это?

— Это... — начал было как всегда честный Выпь, но Юга лихо дернул его на себя.

— Во многих знаниях — многие печали, так что обсасывай, что дают, и не спрашивай.

Серебрянка вздохнула с подозрением, но от соблазна не удержалась. Вещица оказалась и впрямь замечательной, с богатой палитрой вкуса — от приторно сладкого до острого.

— Все же, ты странный, — задумчиво сказал Выпь, пока Серебрянка в компании человеческих детей, восторженно обмирая, кружилась на шумной, пестрой карусели.

— Только заметил?

— Нынче это особенно бросается в глаза.

— Не порть гулянку, — Юга толкнул его в бок, хитро блеснул глазами, — давай, познакомься уже с кем-нибудь, вон та фигуристая тиа о тебя глаза стерла.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Выпь осторожно проследил взгляд спутника. У Юга был дар определять сложение людей сквозь самую дремучую, многослойную одежду. Указанная тиа была с ног до головы завернута в богатое одеяние, но раз облюдок назвал ее «фигуристой», значит, так оно и было.

— Ты не думай! Ты действуй! Иди, ну же, хватит за меня держаться, мои гости уже к тебе ревнуют. Думают, верно, что ты мой возлюбленный.

Сработало. Пастух аж пятнами пошел и решительно зашагал к богато снаряженной тиа, и впрямь кидающей в его сторону недвусмысленно-лукавые, жаркие взгляды.

Осекся на полпути, словно лбом влетев в незримую преграду. Развернулся, мучительно, всем телом вслушиваясь — и попер в совершенно другом направлении. К изумленной досаде девушки.

Юга раздраженно цокнул языком, скроил гримасу и метнулся следом.

Не очень далеко от центра площади была устроена клеть, собранная из тончайших волокон стальной травы. Крепкая и высокая, ажурная, до отказа полная бойцовыми овдо.

Выпь не понаслышке знал, как люто бьются его подопечные на свободе, в условиях гона. Ему случалось и разнимать сцепившихся особых, и латать их, и собирать то, что осталось от незадачливых бойцов. Но лишь краем уха слышал, как некоторые люди воспитывают овдо в суровости, жесткой скудности, принуждая к постоянной злобе и желанию сражаться.

Как вот теперь: на потеху публике, в клетки бились сразу три овдо. Черный, как Полог в зеницу тьмы, идеально круглый и наверняка очень тяжелый; бурый, словно сухая кровь, с редкими толстыми шипами; и глухо-зеленая самочка, очень молодая, вся покрытая тонкими

крючьями-зацепами, помещенная в клеть для возбуждения.

Случалось, что женские особи дрались безжалостнее и подлее самцов.

Публика свистела и орала, подзуживая противников. Хозяева овдо сжимали кулаки тут же, иногда обращаясь к беспристрастным судьям.

Черный шар атаковал зеленый — и подставил бок бурому, который отшвырнул его на прутья клетки.

Люди подались назад с восторженным рокотом.

— Эк он его! Точно тебе говорю, вылетит черныш, как есть вылетит!

— Не-е-е, это мы еще поглядим, кто кого ухайдакает. Зеленый-то тихушник, ждет небось, пока эти здоровяки друг дружку побьют.

— Красный, а, красный каков! Кра-са-вец! Шипами как — у-ух!

— Тио главный судья, это решительное нарушение правил! — плачущим голосом пожаловался один из хозяев. — Длина и количество шипов строго регламентированы!

— Поправки надо читать, попр-р-равочки, — довольно расхохотался другой, потирая руки.

Юга понял, что собирается сделать его знакомец до того, как Выпь сам определил мысль-действие.

— Выпь, а вот это вот совершенно точно плохая затея!

Пастух, не глядя, высвободил руку из цепких смуглых пальцев и, шагнув за символическую ограду, сдвинул засов на двери.

— Ты что творишь, эй...!

И скользнул в клеть.

***

— А это интересно! — ясно прозвучал сильный женский голос над притихшей толпой.

Овдо, на мгновение оцепенело подвисявшие, метнулись к парню. От первой, грубо-любовой атаки Выпь увернулся — тело быстро, даже охотно вспомнило старые навыки. Промазавшие по такой крупной цели овдо обиделись, рассредоточились и обрушились с трех сторон.

Вот тогда пастух низко, хлестко зарычал-запел.

Шары обмерли, застыв в опасной близости от груди и головы пастуха. Теперь он ясно различал, как сильно ранен черный овдо и как ядовито, влажно блестят шипы бурого. Зеленая самка воинственно топорщила колючки.

Праздник меж тем отуловел, зароптал недовольно:

— Эй, ты! А ну пошел вон из клетки, будешь добрым людям забаву ломать!

— Уходи, дурак, пока не слопали!

— Кто-нибудь, киньте в них чем-нибудь! Как-нибудь...

— Ага, — ответил Выпь.

Развернулся — открытой спиной к овдо — и вышел, потянув на себя дверцу.

Овдо выскользнули следом, с гудением промчались над пригнувшейся, пристигнутой страхом, толпой, облетели площадь, круто развернулись, и, игнорируя окрики хозяев, собрались обратно.

— Выпь, — сказал Юга, когда бурый шар завис у него перед носом, предварительно со свистом обойдя кругом и задев волосы, — если они меня коснутся, я глаза тебе выдавлю.

Выпь словно очнулся. Уставился на друга непонимающе, тряхнул головой, поднял руку и собрал пальцы в кулак.

Овдо послушно сучковались у него над головой.

— Только попробуй, — негромко сказал пастух человеку, взявшемуся за подсек.

Мужчина вздрогнул и, выронив испытанное средство укрощения, с мучительным стоном схватился за голову.

Юга не мог предположить, что случилось бы дальше — ибо появившиеся вердо медленно, но верно стягивали кольцо — если бы не...

Толпа развалилась, выпуская ее — высокую, с властной осанкой, в драгоценной одежде и лицом в искрящейся пене богатой вуали.

— Молодой и смелый, что ты скажешь, если я выкуплю у тебя этих красавцев?

— Они не мои, — глухо откликнулся Выпь, и хозяева овдо поддержали его слова криком.

— Правильно! Наши они!

— Они свободные существа и принадлежат самим себе. Только, — напряженно повел глазами пастух.

— Тогда отпусти их, чего тебе стоит, — предложила женщина с неуместной веселостью.

Подбоченилась даже, словно дразнила. Словно на слабо брала.

— Не смей! Они опасны, они кому хошь голову снесут!

— Это не так, — глухо опроверг Выпь.

— Да кто ты такой, чтобы спорить?!

— Пастух овдо.

— Тогда слушай, пастух, — неизвестная тиа заговорила громче, и люди послушно стихли, вслушиваясь, — Я беру тебя под свою руку, а ты берешься выдрессировать этих малышей и после дать им свободу. Или — уходи. Если сможешь, конечно.

— Соглашайся, болван, — одними губами посоветовал Юга, щерясь на слишком близко подобранных вердо.

Выпь огляделся. Встретился глазами с подменышем, почти до крови утопившим ногти в ладонях.

Кивнул:

— Хорошо.

Площадь, во главе с Юга, облегченно вздохнула.

— Уважаемые тию, прекрасные тиа, прошу прощения за маленький беспорядок, учиненный моими питомцами. Уверяю, все будет в должной мере компенсировано. Прошу вас, продолжайте веселиться.

С вердо говорил безликий тию в заношенном сером одеянии. Надо полагать, переговоры прошли удачно, потому что оцепление сняли и толпа медленно, оживленно переговариваясь, разошлась. Тот же человек легко унял праведный гнев бывших хозяев и не оставил без честного заработка равнодушных судий.

Выпь, не отвечая на испуганные, негодующие или любопытные взгляды, прошел следом за тиа — к богатому экипажу, запряженному первосортными тахи.

— Сможешь упаковать их для меня? — Деловито обратилась к нему неизвестная спасительница. — Не думаю, что мой Дом покажется им теснее клетки, однако перевозить лучше в чем-то закрытом.

— Если у вас найдется достаточно великий сундук, или корзина с крышкой.

— Сундук, — женщина прищелкнула пальцами, — отлично.

Подчиняясь велительному жесту, двое прислужников сняли с крыши экипажа довольно вместительный короб.

— Но, ваши покупки, султана...

— Раздайте их нищим, — небрежно отмахнулась женщина, — этот достаточно вместительный?

— Ага. Вполне.

Овдо чинно, друг за другом, уместились в сундук и замерли. Пастух закрыл крышку. Проверил замок, взвесив его в ладони.

— Не беспокойтесь. Они не выйдут, пока я им не скажу.

— Вот как? — ему показалось, или за тканой пеной глаза блеснули насмешкой? — Тогда жду тебя завтра. Ах да...это за чудное представление.

Выпь поймал плотный пенал.

Слуги с опаской водрузили сундук на крышу, и экипаж покинул площадь.

Юга, приблизившийся бесшумно, как тень на длинных ногах, встал рядом, уважительно присвистнул.

— Ай, только не говори мне, что ты не знаешь, кто это был!

— Кто? — медленно спросил Выпь.

— Сама *султана*! Стооякая Зои, приближенная Князя, известная личность, будущая правительница Городца. Заходила к нам пару раз, да... Очень, хм... интересная женщина. Ну все, теперь я за тебя спокоен, ты со своим голосом точно не пропадешь.

— Почему, стоит оставить вас, вы сразу во что-то влипаете? — мрачно спросила Серебрянка, давно покинувшая карусель и готовая принять смертный бой за желтоглазого.

— Не правда, в тебя он влип самостоятельно. — Немедленно парировал Юга. — А вообще, Выпь, бросай порт, увольняйся и начинай службу в Доме султаны. Это, скажу я тебе, многого стоит!

— А ты?

— А я... а обо мне после, давай халявные дарцы транжирить, когда еще доведется!

***

Серебрянка, погуляв с парнями немного, отпросилась в свободный выпас. Юга щедро ее отпустил, прежде чем Выпь успел открыть рот.

— А если вердо? — сказал недовольно.

— А если Ивановы вернуться? — передразнил Юга, утягивая спутника в небольшой, но отменно кичливый Трапезный Дом. — Не маленькая, справится.

В Доме, на первый взгляд, спиценогу некуда было бы приткнуться. Выпь задержался на пороге, оглядываясь, облюбок же, без всякого смущения, сунул что-то в руку подскочившему услужнику и махнул на угловой стол, занятый печальной компанией.

— Но, мест же нет, — заикнулся пастух.

— Ай, как это нет? Для нас найдутся.

Компанию аккуратно вынули из-за стола и услужник, рябоватый хитроглазый паренек, ловко собрал посудину с обедками, перестелил скатерть и жестом предложил новым гостям присаживаться.

— «Мурано», — бросил Юга склонившемуся к ним услужнику.

— Из еды что прикажете?

— Чипсы есть? Приказываю чипсы.

— Сей момент.

Выпь хотел спросить, но Юга жестом велел ему заткнуться и впал в задумчивое оцепенение.

Сидеть, зарывшись глазами в стол, Выпь было не интересно, поэтому он осторожно изучал зал — полный холеными людьми, чистыми блестящими приборами, стеклом и молодым пламенем в настольных кубках и высоко подвешенных лампах. Стены Дома плавно играли рыжим свечением. Выпь поймал взгляд до изумления красивой женщины, с белоснежно оголенными плечами и волосами, как злой огонь. Она вежливо улыбнулась и приветствовала его — тонким стеклянным сосудом с чем-то искристо-красным, словно ее губы.

«Мурано» же, как запомнил пастух, был заморской выделки и подавался в узких, истовой синевы бутылках. Вкуса напитка Выпь не знал, но предпочтение «синему стеклу» отдавали даже высокородные тиа и тио.

Мысли снова съехали на происшествие с овдо, и пастух мрачно пожался — ему было неловко-стыдно за свое поведение. Надо же было так сорваться, да на людей, да на людях. Чудо, что его там же не прибрали вердо, ибо было за что, по правде говоря.

Но пройти мимо овдо, несправедливо мучаемых теми же беззащитными людьми, он не смог бы.

Юга изучил принесенную бутылку, кивнул.

Взглядом отослав услужника, собственноручно наполнил две странного вида кружки («бокалы», вспомнил пастух).

— Давай. За нас и нашу новую жизнь — где каждый сам по себе.

Сдвинули бокалы. Выпь чуть смочил губы и отставил посудинку.

— Объясни.

Юга одним махом прикончил «мурано» до дна. Плеснул еще. Пьянел он медленно, от зелья делаясь лишь веселее и бессердечнее.

— Что объяснять? — сказал нарочито весело, рассматривая стекло на свет — здесь огня не жалели. — Тебе прямая дорога под руку султаны. А меня один тио хороший давно к себе зовет, в соседний Городец.

— Ага, — сказал Выпь, осторожно крутя ножку бокала мозолистыми пальцами.

На них двоих посматривали с нескрываемым, припудренным любопытством. Что делали здесь эти двое, ошеломительно красивый смуглый парень и сутулый, долговязый, не улыбочивый его спутник? Выпь и сам не отказался бы узнать.

— Ну, сам подумай, как редкостно тебе повезло? Ты тут, почитай, один на весь Городец такой, с горловым пением, пользуйся шансом! Я тоже вот своим пользуюсь, ай, как пользуюсь! Вердо тебя не взять, стана-то нет больше, жалобы слать некому, регном у тебя в порядке. Гаер припрется, так шли смело лесом, за работу негожую, да и не посмеет он к подручному султаны соваться, жизнь дороже. Дарцы вам оставляю, мелочи твоей на билет за Море. И не спорь, мне их заработать проще, чем тебе. А человек он хороший, к слову, щедрый, без изломов, да и я могу быть смиренным... Недолго, но какое до будущего дело? О, ну что ты смотришь, почему ты так смотришь?!

Выпь не отвернулся. Быстро, но плавно — Юга только и успел ошалело мигнуть — коснулся ладонью его лба.

— Ты заболел. Горячий.

— Конечно, горячий, иначе на кой ляд я тиа Плюм-Бум сдался?! И почему с тобой нельзя управиться, как с остальными?! — сердито проглотил остатки «Мурано» и, хлопнув на

стол дарцы, резко поднялся и двинулся к выходу.

Выпь проводил его взглядом, сжал бокал так, что стекло хрустнуло и сломалось. Как что-то в нем самом.

— Еще чего-нибудь желаете, тио? — к плечу пастуха склонился внимательный услужник, протянул полотенце.

— Я не тио, — устало потер лоб Выпь, — и я ничего больше не желаю.

9.

Юга он нашел почему-то без труда, в черной кишке почти не освещенной, побочной, улицы. Гуляющие здесь не праздновали, от безлюдья даже уши заложило.

Выпь, хоть и не пил, чувствовал странную дурноту, пустившую корни откуда-то из грудного сплетения. Покалывало, поламывало виски, болело горло — раз он чувствовал подобное, когда в особо тяжкий перегон сильно застыл.

Облюдок ждал, прижавшись спиной к боку мертвого Дома, бездумно пялился в застывший, черный Полог.

— Ты точно решил? — спросил пастух хрипловато, пряча руки в карманы.

— Ага, — откликнулся Юга, терзая бусы, — это лучший исход, и ты сам это поймешь, если вдруг дашь себе труд подумать.

— Ты же не человек. Так же, как я и Серебрянка. Нам должно вместе держаться.

— Я никому не должен, ясно? Ни матери, ни вердо, ни рыжему, ни кому бы то ни было из людей! Я свободен.

— От себя даже?

— Не умничай! — крикнул подменьш.

Выпь провел ладонью по холодному, липковатому боку Дома и спокойно сказал:

— Уходи. Скажи только — почему так внезапно?

Юга помолчал, открыл рот, снова закрыл.

Лицо его ожесточилось, и заговорил он резко, отрывисто, наотмашь:

— Не хотел говорить, но коли настаиваешь... Ты — пастух. Тебе одна дорога — в дрессировщики, в охрану. Мне — другая. Я с тобой не могу больше. Уж прости, мне моя жизнь еще пригодится.

— Ага, — сказал Выпь. Хорошо, что Юга едва ли видел его лицо, — ясно.

— И все?

— Ты сам сказал.

Выпь развернулся — номер на уход был бесславно потерян — но Юга, дернувшись, поймал его за локоть.

— Стой. погоди. Я вовсе не...

Толкнул в стену — неожиданно сильный.

...и отпрянул, и попятился, захлебываясь болезненным шипением, с лицом, искаженным гримасой жестокого, удивленного отвращения.

Выпь медленно, потрясенно поднял взгляд — и узнал.

Понимание всплыло изнутри, вытопилось из костей. Вылушилось из памяти крови.

— *Третий*, — вспомнил Выпь.

— *Второй*, — свистящим шепотом подхватил Юга, не спуская с пастуха ополоумевшего, проваливающегося взгляда.

Выпь опустил веки.

Второй со свистом втянул воздух — и оскалился на выдохе.

Третий был слабее. Неактивной стадии, хрупкий, словно человек.

Откуда только взялся?

— Нет, нет, не надо! — черноволосый попытался извернуться, а когда понял, что от

Второго не сбежать, попробовал защищаться.

Вторые всегда были крупнее, сильнее — даже этот, молодой, даже без плетчатого голоса, под которым иные погибали.

Сломал ему — с влажным треском — руки в запястьях. Третий не мог кричать от боли, горло залеплял густой, плотный ужас близкой, неотвратимой, отвратительной смерти.

Схлопнулась реберная клеть.

Тонкие кости.

Детеныш. Их надо давить в этой поре, пока они мягкие, с короткими волосами, неразвитым шерлом. Не умеющие танцевать. Второй помнил, на что способны взрослые особи.

Странно только, что этот оказался одиночкой — не иначе, отбил.

Тем лучше.

Второй отбросил обмякшее тело, сосредоточенно вытер ладони о жесткую ткань штанов. Что за странный материал? Почему он без шлема? И почему детеныш Третьих — не в форме их рода, смоляных доспехах, не в черном, глухом под горло ангобе, обязанном защищать владельца?

Выпь вздохнул и открыл глаза.

— Юга? — кажется, это было единственное, что он мог сказать.

Единственное, что он мог думать.

— Юга?! — зрение сбоило, в тумане плясали двоящиеся уличные огни, уши забивал глухой стук крови.

Крови.

Схватывающейся на руках, черной каймой засыхающей под ногтями. Скобой стискивающей виски.

Это сделал он.

— Юга...

Несмело взял за плечо, потянул, оборачивая. Прянул назад.

Облюдок ненамного пережил свою названую мать.

Выпь не мог представить, как можно сотворить подобное — голой силой, без всяких подручных средств. Раздавить, смять, изломать, своей волей превратить что-то красивое, живое — в перемолотое нечто.

Протянул руку (закрывать чудом сохранившиеся глаза, коснуться вдруг уцелевших, слишком зеленых бус) — и мигом отдернул, отскочил, когда влажно, тяжело завозились напитые кровью волосы. Заизвивались, заволновались, вытянулись, как живые, окутывая тело блестящим коконом.

Выпь молча стоял, с места его даже тахи не сбил бы.

Волосы полностью укрыли своего хозяина.

А потом Юга извернулся и сел — без усилия малейшего, словно его вздернули на нитках — и тогда только *Выпь* вжался хребтом в ледяной бок мертвого Дома.

Волосы расплелись с густым шепотом, собрались в косу. Юга встал. Глянул дико на руки свои, коснулся лица.

Круто обернулся.

Выпь заставил себя смотреть — Юга был бледен, как туман над Сухим Морем, но лицо его больше не уродовали глубокие раны. Глаза казались пробоинами, через которые затапливала веко чернота.

Так, глядя друг на друга, стояли — а потом Юга медленно, спиной пятясь, начал уходить, уходить, и — скрылся вовсе.

Вышь только тогда понял, что держала его самого — жестокая дрожь.

***

... Те, кто ходили в Сухое Море, после возвращения имели вид странный и чужой. Почти все наведывались в Портовые Дома, где пили темноту напролет разведенный в воде белый порошок. Напиток получался странным, шипуче-обжигающе-сладким, и голова от него делалась будто в тумане.

Вышь не хотел думать.

Не хотел помнить.

Не желал понимать.

Следовало уйти из Городца как можно скорее. Он физически не стерпит Юга на одной территории, в пределах одной грады.

Потому что. Второй. Третий.

Но Серебрянка?

Мысли путались, бежали по кругу, а после очередной кружки вовсе свалились куда-то на дно Провала.

Вышь смутно осознавал себя в компании полужнакомых портовых, распеваящих и хохочущих, в один момент на коленях у него оказалась какая-то девка, на губах — слюнявый рот, потом они шатались по улицам, кажется, с кем-то дрались, потом явились вердо...

— Ну, ты отколол, парень, — без лишней злобы, отчасти участливо, сказал рыжий вердо.

Маркировщик. Гаер.

— Еще хочешь, чтобы мы тебя забрали, не?

Он говорил «мы», привычно срачивая себя с лишенными собственной воли руками, ожидающими распоряжений за стеной служебного кабинета. В Доме Порядка стояла прохладная тишина.

— Я убил его, — после порошка голос казался совсем чужим, шершавым и колючим.

Вердо поднял бровь:

— Кого это?

— Я убил его, и он больше не захочет меня видеть. И я не хочу себя. Видеть. Чувствовать. Заприте меня. Пожалуйста.

Гаер потер высокий лоб. Устало вздохнул:

— В толк не возьму, отчего тебя приволокли ко мне?

— Я сказал. Я сказал им — отведите меня к вашему хозяину. Они привели к вам. А вы должны запереть меня.

Должны запереть меня.

Гаер сощурился. Поднялся из-за стола, в два быстрых шага подошел к парню. Тот выглядел паршиво. Словно был тяжело болен.

— Скажи еще, — потребовал рыжий, оглядывая Вышь, как беглого преступника, за которого Князь посулил немалую награду.

— Заприте меня.

— Потому что...?

— Я убил его.

— Его...?

— Юга.

— И...?

— Волосы. Волосы оплели его и сделали вновь живым. Он встал и ушел, но больше я не смогу. Заприте меня.

Гаер слушал, прикрыв глаза. Лицо его застыло маской.

— Значит, править своим голосом ты пока не наместакался, Второй.

Второй. Третий. И ненависть, чистая, обоюдная, поднышавшая из глубины. Пологом затаившая разум, градой вставшая между Выпь-пастухом и Выпь-Вторым.

— Откуда вы...

— Оттуда же, откуда и ты, — оборвал Гаер, развернулся к рукам, появившимся в распавшейся стене, — проводите его, куда скажет.

Выпь хотел протестовать, но рыжий поднял ладонь:

— Ни слова, — сказал с призывом зрелой стали, — не смей управлять моими людьми. Иди к себе. Проспись. Завтра мы обо всем поговорим.

***

Когда руки увели странного, диковатого парня с наркотической ястью в охристых глазах и приводом принуждения в корне языка, Гаер запустил руку в подстолье, подцепил ногтями мягкий бок белой и короткой скрутки. Своеобычный, он курил трубку, но забыл-позабыл любимую в Башне. Стиснул зубами, пришпорил огнем из клетки.

Вот так.

Дом не одобрял першливый запах, имеющий мерзкую особенность проникать ему под кожу, но Гаеру было плевать.

Он нашел — когда уже решил не искать.

Терзал самокрутку, катал и глотал на языке копящийся вкус лежалого табака, шевелил мозгой. Чувствовал себя как если бы пошел по грибы, а нарыл — горшок сокровищ. С одной стороны, сдалось оно ему? Нужны-то были грибы. С другой — дураком слыть, чтобы отказаться. А Гаер при всей дурашливости дураком не был.

Второй и Третий.

Что он помнил? По дошедшим с *Триумвирата* сведениям, некоторые Вторые умели убивать одним словом. Они говорили — «умри», и адресат послушно ложился и умирал.

Их физически нельзя было послушаться.

Невозможно не слышать.

Признаться, Гаер не шибко засекал в нейробиологии, на то у него в Башне был выводок ученых-гисторов в белых халатах. Вторые умели формировать звуковые волны, и определенный набор, комбинация звуков их голоса — кодировка или песни, как их обычно называли — влиял не только на слуховые нервы реципиента, но на самую суть пространства Лута.

Что-то, нечто, состоящее в родстве с фигурами Хладни и всей этой киматикой.

Некоторые гисторы утверждали, что некоторым особям Вторых вполне по силам голосом, звуковыми колебаниями, не только мять под себя ткань Лута, но и создавать новое, небытийное, перестраивая, перебирая его мельчайшие частицы.

Тогда, в Триумвират не спасали ни пломбы в ушах, ни шлемы, и лишь у отдельных Первых и Третьих работало естественное противление принуждению. Счастливая особенность организмов. Остальным деваться было некуда — вот и дошли, как полагается.

Но ведь не осталось ни одной особи после трюка Глашатого. А Книга Песен их — поди

знай, существовала ли вообще.

И вот, Гаеру повезло нарваться, как на мину-лягушку. Но где он нашел — Хом Сиаль. А иначе глянуть, так где, если не здесь?

Гаер затыкнулся, поскреб ногтями висок.

Хом Сиаль, по всем приметам, был искусственного происхождения, не Лутов выкормыш. Гисторы предполагали: Сиаль изначально сработан был под «камеру хранения» с образцами органики всякого толка. Раньше «камера» входила в состав агломерата, а после нарушения целостности — аварии ли, диверсии ли — отделилась и оказалась одна-одиошенька в живом пространстве Лута.

В Луте, конечно, всякое плавало, но подобного Сиаль Гаер не знал.

Жизнь, говорили люди лабораторий, зародилась на Сиаль из двух смешанных источников: половина выползла из ячеистого нутра, другую половину надудило из Лута. Постепенно Сиаль сработался с Лутом, даже обзавелся подобием зонтега над собственной защитной мембраной-Пологом. Всюду жизнь — и на Сиаль заколосилось.

Гаер так и не обрел привычки к оседлости, на Сиаль бывал наездами, с экспедициями. Всегда что-то интересное наколупать-нащипать удавалось. Сиаль был желанным объектом исследований, с его диковинным видовым многообразием, живыми аккумуляторами бесконечной энергии. Живыми стройматериалами. Живыми источниками питания.

В Триумвират Первые смогли устроить так, что Вторые и Третьи, и без того неровно друг на друга дышавшие, наконец схлестнулись и захлебнулись в обоюдоострой ненависти.

А остатки конкурентов Оловянные сожгли, выпалили, стерли в атомную пыль.

Башня крепко держала Хома Лута — и Хом Сиаль в том числе — за пах и горло. Странные, удобные, вкусные и смешные вещи — легко, но в обмен на овдо, трованты и прочее местноживущее. Население Сиаль в основной своей массе слыхом не слыхивало о Луте и других Хомах. Эта зашоренность старательно поддерживалась выдвиженцами от Башни, имеющими под задницами своими теплые местечки-ключевые посты. Только так.

Власть цепенела у Башни в зубастой пасти.

Третьи никогда не считались и не притворялись невинными. Масса хищных волос, *шерл*, смуглая матовая кожа, глаза — аж задохнуться, все вместе — беспощадный механизм, коллекционер ДНК. Сперма, слюна, пот — им хватало самой малой части, чтобы снять слепок.

Поначалу их не принимали всерьез. Лутовы шлюхи, танцоры, пластику которых не повторить, архитекторы прекрасных, многоярусных дворцов-рокариев — не более. Потом оказалось, что пока самоуверенные Первые трахали их тела, Третьи трахали их мозги. Влегкую. Всухую.

Соппротивление было бесполезно, один вид, один запах действовал, как афродизиак. Первых замыкало. И вело — прямиком в душные, черные пасти шевелящихся волос.

И *танцы*. *Хореограмма* которых была неведома, непонятна. Они могли станцевать бурю. И буря приходила. Это не были пляски ритуального порядка, их танцы могли простираться в пространстве — если Третьи вообще признавали пространство — состоять из множества узлов, надломов, точечных узоров. Движение вчера, связка завтра, еще одна через год и финальный штрих под занавес — проследить целый рисунок сторонним было немислимо.

Впрочем, один талант сыскался.

Витрувий, вивисектор и наблюдатель, особо выделял Пустую Комнату, Ржавчину, Глаза,

Кокон, Мясорубку, Бездонный Колодец — ему одному удавалось фиксировать, он один умел смотреть. Его записи, тетради с хореограммами *рапцис морено*, провалились в никуда после его исчезновения.

Наверняка Башня знала, где хранятся эти испещренные бисерным почерком листы. Знала, но, старая кровохлебка, не спешила делиться этим знанием с Гаером, своим Хозяином и арматором всея Уймы.

Еще обиднее было, что на Вторых обаяние Третьих не действовало.

Между ними была стойкая аллелопатия, синхронная аллергическая реакция, на чем и сыграли Первые. Ха, Немая Цена — Гаер уверен был, что это трюкачество Первых.

Когда черноволосые появились опять, Первым это не понравилось. Они не могли отследить, как они образуются на Хоме Сиаль, в семьях обыкновенных людей. Здесь их прозвали облюдками, подкидышами, подменьшами, и, к счастью, частенько прибывали в младенчестве.

Не иначе, сам Сиаль подкидывал, исторгал из своего нутра, из ячеек, до которых было не добраться никакими инструментами: не просветить, не расковырять.

Иногда смуглые дети вырастали, и тогда на учет их брали контроллеры от Башни. Новородившиеся были преимущественно очень глупы и похотливы, а самое главное — разобщены. Этого Третьи точно не учли, поодиночке их дети оказались не опаснее человеческих девок.

Впрочем, попадались иногда странные экземпляры. Более хитрые, более задумчивые, остро чувствующие свою особость. Такие, благодаря учету, не заживались.

Сам Гаер не встречался с Третьими. До тех пор, пока не вздумал по дурной прихоти задержаться в обычном стане. Гостевой Дом не отличался от своих братьев. Но там арматор обжегся — до самой нутрянки — встретившись глазами с черноволосым, странно одетым мальчиком.

Юношей.

У него была смуглая кожа, огромные теневые глаза и ярко-зеленые бусы. Он был оглушающе красив. Он назвался Юга, и Гаер постыдно не успел — поцелуй похож был на укус, быстрый и почти не болезненный. Словно кровь на анализ. Словно ДНК в коллекцию.

Арматор не знал тогда, чего хотел больше, убить или овладеть. Скорее, Юга перепало бы и то, и другое, но увы — паршивец не иначе как сверхчутью Третьих заподозрил неладное и успел смыться до того, как Гаер собрал себя в кучу.

В Городце он остыл, и, повстречав его вновь, уже не стал пороть горячку.

Взял парня на особый контроль.

И как сплеховал, не удосужился сразу проверить его косноязычного приятеля!

Но предположить, что пастух окажется Вторым...

Каким образом, каким случаем они не прикончили друг друга при первой же встрече? Это же было объявлено, обусловлено заранее...

Гаер сделал еще одну затяжку и вдруг поперхнулся. А что если, подумал взволнованно, что если несчастное становье провалилось, потому что мальчишка, не умея толком и точно того не желая, станцевал подобие Омута, Бездны, да хотя бы того же Колодца? Что если их встреча подвела его под подспудный страх, и он выплеснул его, вплел элементы защиты в пустую человекову пляску?

Рыжий выдохнул, стиснул переносицу. Но, все же, ему невероятно подвезло.

Теперь главное зафиксировать это везение, схватить и подмять. Гаер сжег бычок в

клетке и начал собираться. Если он правильно понял из сбивчивой речи пастуха, тот собственными руками активизировал Третьего, выдернув его из спящего, детского состояния в активную фазу.

Он должен был его увидеть. Кто знает, что взбредет в аффектированную голову.

***

Это оказалось до обидного, до нелепого просто.

Он сказал:

— Мне нужна комната на одного, — и почему-то добавил мстительно, — с купальной.

И хозяйка маленького Гостиного Дома, молодая красивая женщина, без вопросов его заселила, представив Дому как желанного гостя.

Свое возвращение под молчаливым надзором вердо Выпь помнил дурно, маревно, словно из-под гнета. Он сдержался тогда, ни словом со стражей не перемолвился, открыл рот только под крышей ближайшего Дома.

Поднялся наверх, слепо — что-то творилось с глазами, и с горлом, и со слухом, и с сердцем — напирал неизменную кровать и рухнул, как в Провал.

— Выпь? Выпь? Да что с тобой, что стряслось? Где Юга? — холодные руки, чуть царапающаяся, крупная, серебристая чешуя.

Пастух мутно глянул в ответ и перегнулся через бортик, наизнанку выворачиваясь, до кишок продираемый спазмами. Он почти не видел, но чувствовал, что пахнет соленой кровью и чем-то едким, а внутренности согласно горели.

Он думал — он лампа из слишком тонкого, мутноватого стекла.

Голая лампа, распираемая изнутри свежим, хлестким пламенем.

Лампа, не способная справиться с обступающей, душной тьмой.

Живой, жилой тьмой, кое-где разбитой светящимися, пульсирующими точками, и полыхающими, и ледяными (что такое — «лед»?), и газовыми (что такое — «газ»?) шарами, такими великими, что их не вмещали глаза. Хомами под блистающими зонтегами, двигающимися в одном Лулу известном порядке, к *Великому Аттрактору*. *Корабеллами* и *веллерами*, скользящими в море живого пространства... Кажется, Вторые слишком долго болтались в этой тьме — в коробке их осталось слишком мало.

К прозару, невзирая на старания перепуганной чешуйчатой девчонки, он все-таки умер.

10.

Вежливая Зои взяла себе привычку наблюдать процесс дрессуры.

Пастуха это смущало, султану не заботило нисколько. Выпь молча радовался, что самой черновой работы она не застала, теперь овдо вели себя куда благороднее и благодарнее.

Люди, звавшие ее (знавшие ее?) Тысячеглазой, либо жестоко ошибались, либо жестоко смеялись.

Глаз у нее остался всего один, продолговатый, нежный, окованный черненым лесом ресниц. Больше ничего красивого в лице, обезображенном паутиной щрамов, не было.

Она показалась ему в первое же око службы. В знак особого расположения, своеобразной симпатии.

Сняла прячущую лицо вуаль, размотала витой плат, скрывающий волосы, гордо потрянула головой.

— Ну, по нраву я тебе?

— Ага, — сказал Выпь беспомощно.

Ибо надо было что-то сказать.

Его не отпугнуло, не отвратило уродство женского лика.

Его не впечатлила, не зачаровала красота волос.

А они у султаны оказались золотыми, каким иногда бывает Полог перед темнотой, как горят через чудное стекло иные уличные огни. Мягкими извивами струились по узкой спине, укрывая лопатки, словно нарядный плащ.

Только — отчетливо понял Выпь — после Юга любые волосы ему теперь виделись слишком короткими. Мелкими. Недостаточными.

В них не чувствовалось той глубины, силы, плотности и прохлады, в которую не без страха можно было запустить пальцы. Где тонули огни и взгляды, на которых дикие, крылатые твари Провалов смотрелись пуще всех драгоценностей из шкатулки султаны.

Волосы Зои были красивы, ухожены — и только.

Как мертвый Дом вызывал отторжение у садовника тровантов, так пустые пряди хозяйки не впечатляли Выпь.

Зои любила вести неспешные разговоры, отвлекая и сбивая.

— Все же, кем он тебе приходится?

— Кто? — пастух (мастер дрессуры, если по новому слогу) внимательно следил, как крупный черный овдо скользит по зале, изящно огибая препятствия.

Из подопечных этот оказался самым незлобивым, охочим до людского общества, легко впрягался в игру и работу. Именно его Выпь видел рядом с султаной спустя пару длин дрессировок.

— Юноша черноволосый и смуглый, прекрасный собой, что стоял подле тебя тогда, на площади. Кажется, он единственный не смутился внезапным представлением и не отступил от тебя, когда прочие отшатнулись.

— Ага, понял, — Выпь не вздрогнул, не сжался виновато. — Это Юга.

— Ты любишь его, конечно?

— Конеч... Что?!

— Вы любовники?

— Конечно, нет! — Выпь удивился настолько, что забыл сдерживать голос. — Каким образом?!

— Об этом лучше спроси у него, уверена, ему есть что рассказать. Впрочем, я рада, что вас связывает исключительно дружба. Это прекрасно, чисто и честно.

— Ага, — Выпь отвел взгляд и ссутулился.

Теперь их ничего не связывало. Ничего чистого и честного.

— «Да», Выпь. Не «ага», а «да». Ты понял?

— А... Да.

— Замечательно. Покажи мне, пожалуйста, что ты разучил с моими малышами на прошлом занятии.

«Малыши», три вызволенных из клетки овдо, за мирную длину отъелись, успокоились и приспособились к новым условиям. Султана держалась с ними ровно, ласково, совершенно не боялась.

Отношение к пастуху было схожим.

Когда Выпь очнулся, первое, что он увидел, была зареванная Серебрянка. Почти человек, но в крупной и плотной чешуе. С ног до головы. Единственное, естественное ее платье. Ростом она сравнялась с голенастыми человеческими подростками, но волос так и не нажила.

Вторым явлением оказался Гаер. Исключительно рыжий парень паковал маленький сундук, укладывая обернутые в тряпицы колкие, блестящие инструменты. Сильно пахло кровью и чем-то еще — резким, с гадким призвуком избыточной, ненастоящей чистоты. Гаер с ухмылкой обернулся, мигнул зеленым глазом.

— Прочухался, не? Свезло тебе, пастух. Свободно мог и коньки отбросить, что же ты так неаккуратно-то?

Он хотел отвечать — и не смог. Горло было словно пережато, перегорожено чем-то холодным и жестким.

— Молчишь? Молчи, тебе это полезно. Пока фильтры приживутся, лучше глотку не напрягай, — хохотнул, — и тут бы твой рапцис морено черноглазый пошло сшутил бы, да-с. Угораздило же вас, взаимно вляпаться. Нарочно не придумаешь... Ладно, я сваливаю. Не благодари, это в моих же интересах.

Дом закрыл дверь за маркировщиком. Выпь осторожно коснулся пальцами шеи: две узкие полосы, одна ниже, другая выше. Больно и холодно.

Двойной ошейник.

Двойная преграда.

— Он поставил тебе что-то вроде ограничителей-сепараторов, как я поняла, — тихо сказала Серебрянка, подходя ближе, — объяснил, что так будет лучше.

— Ты его позвала? — голос слушался, но плохо.

Девочка виновато опустила голову. Поправила одеяло:

— Ты был словно мертвый, Выпь. Ни сердца, ни дыхания... Я так испугалась. Прости.

— Что он сказал?

— Ничего. Ничего не сказал и не спросил. Только присвистнул. Выпь? Где Юга?

***

В то веко Юга не помнил, как вернулся в Дом. На одной памяти. На одном желании — оказаться дальше, дальше, еще дальше от желтоглазого Второго.

Было больно и — раньше он первым бы над этим посмеялся — обидно. Горько, почти

до тошноты.

Следующим веком он уже работал, отсмеиваясь или огрызаясь на любые вопросы касательно Выпь.

Пастух не пришел.

Зато явился Гаер. Сел, наглый, рыжий, у самого у помоста.

Он смотрел странно. Не с жадной, липкой похотью, а словно пристрастно изучая диковинное существо, не отвратительное, но очень своеобразное.

Юга было все едино и Провал по колено, поэтому, когда тиа Плюм-Бум отправила его наверх, выразительно скосившись на маркировщика, Юга и глазом не моргнул. Готов был к чему угодно — злой, нетерпеливый — но не к тому, что разноглазый, когда зарастет за ними дверь, скажет:

— Ну, здравствуй, Третий.

***

А с последним из кодлы Бланша он столкнулся случайно.

Гулял, бездумно наматывая улицы и переулки, будто мало было ему трудной, телесной работы в заведении. Чего хотел? Едва ли — увидеть Выпь.

Почти две длины с того века минуло.

Заметили друг друга. Не-людь радостно осклабился, Юга ответил цепной улыбкой, ценной не менее. Подошел сам, благо пересекло их в каких-то лабиринтах старых, мертвых или глубоко уснувших Домов.

— Что, соскучился, падла? — нашелся не-людь, притискивая его за шею к рябой, рыхлой стене. — Думал, не сыщу? Где твой приятель?

— Ай, неужто он тебе к сердцу припал, не я? — сухим горлом рассмеялся Юга, облизывая темные губы и — глаза в глаза.

— Шлюшка чернявая, — процедил враг, любовно сжимая гладкое смуглое горло, — моих ребят твой дружок положил, за то ему живьем на собственных кишках болтаться. С тобой по-другому сталкиваемся.

— По-другому, — согласно опустил ресницы Юга.

Медленно стянул грубую веревку с косы.

Освобожденные, волосы разлились по спине, туго плеснули в бедра, накрыли каменную, давно не чищенную брусчатку.

— Э-э-э, что за шутки, облюдок...

Не-людь попятился. Споткнулся, когда подхватило под колени что-то черное, быстрое; подхватило, провешивая вниз головой — запрыгала перед глазами каменная кладка, упали бочины Домов.

— На кишках болтаться, говоришь? — протянул задумчиво Юга, из головы которого все текла и текла неохватная масса волос.

Ему не было страшно: глаза затопила все разрешающая и все разрушающая ярость.

— Нет! — противник рванулся из пут, а путы рванули в ответ, да так, что отлетела прочь и голова, и руки с ногами.

Остатнее тулово влажно шлепнулось о камень. Юга брезгливо провел пальцами по бусам, смахивая эхо чужих рук и мелкий кровяной сор.

Белый, как Самантовая роца, видок пятился прочь, за угол, икая от страха.

Ох, не к добру завела его дурная голова в теснину улиц. Одна надежда была — до вердо успеть добраться.

***

— Ты слышал последние вести, Выпь? — мелодичный голос Зои вывел пастуха из раздумий.

— Нет.

Она вежливо улыбнулась — точнее, он угадал улыбку под нарядно расшитой, богатой ткани, вуалью. Соединила кончики пальцев в оковках нарядных перстней.

— Вердо проводят чистку Городца. Облюдки, знаешь ли, их внезапно стало слишком много.

— Чистку?

— *Лампарии*, — многозначительно нагнула голову.

— Но почему...

— Почему теперь? Люди говорят, кто-то из этих повинен в смерти доброго человека. Городец такое не прощает. Что случилось? Ты как будто побледнел.

— Я никогда не видел... — Сглотнул, унимая сердце. — Лампарии.

— Вот как? — Женщина провела рукой по круглому боку ласкающегося овдо. — В таком случае, не сопроводишь меня на площадь? Я обязана присутствовать, к сожалению. Представление начнется с первой темнотой. Зрелище несколько театрализовано, как мне кажется.

— Ага, — прохрипел Выпь, — конечно.

Площадь была запружена народом, почти как в Око Становления Городца. Стеной стояли многоликие, послушные единой воле вердо; оживленно, взволнованно перекрикивались люди. Ярко горел огонь. Но пахло близкой бедой и смертью

Зои держала его под руку. Выпь крутил головой, прочесывал глазами толпу. Уговаривал себя. Нет, он не глупец, ему в ум не войдет показаться здесь, когда подобных ему вылавливают и волокут... В лампарии. В узкую — на одного, и высокую — в рост человеку, стеклянную полу лампу на хитрой двери. Главное украшение этой темноты.

Но все же.

Вокруг зашевелились, зашептались:

— Ведут, ведут, смотри-ка!

— Поганое отродье!

— Нутро у них гнилое, это ж все знают, чего ж тянули...

— Тварь облюбочная, вскормил же кто-то, взрастил.

— Я бы такого в зыбке придавила, в животе бы извела, вот как на духу говорю.

— Эх, молодой-то какой...

Выпь, не видя никого вокруг, подался вперед. Люди, недовольно ворча, теснились, давая дорогу. Руки, ноги, спину свело от напряжения.

Он не мог видеть лицо, скрытое грубым колпаком.

Его сдернули лишь тогда, когда возвели осужденного на помост.

Облюдок распахнул глаза, шарахнулся прочь от улюлюкающей, свистящей толпы. Смуглый от рождения, он был едва ли не светлее Выпь.

Даже глаза — выкаченные, безумные — казались белыми.

— Это не я! Не я!

Словно обухом.

Выпь на миг смежил веки, пряча чувства.

Не он.

Похож — будто старший брат — но не он. Юга бы не взяли живым.

Не взяли?

— Какой ты трепетный, — горячо, на ухо, рассмеялась Зои.

— Это ужасно, — хрипло выдавил Выпь, не желая смотреть и не в силах отвести глаза.

Пленника, упирающегося отчаянно и безнадежно, закрыли в стеклянной полости. Толпа стихла слаженно, будто один большой человек. Стало слышно, как живет уличный огонь и бьется в стены стеклянной тюрьмы осужденный.

Вспыхнуло. С такой огненной силой, что помстилось — хватит на весь Городец. Люди все стояли молча, ждали, пока за стеклом не прекратит выламываться, танцевать тень.

Выпь некстати вспомнил о душках, которых Юга загонял в стеклянную банку и использовал вместо лампы на протяжении всего странного их пути до Городца.

— Султана? — сказал хрипло, на лице еще чувствуя жар близкого, не его, пламени.

Шею леденили две полосы, как будто его держали, держали за горло.

— Да, Выпь? — Зои обернулась.

— Простите, но мне надо идти.

Она не выказала удивления. Милостиво кивнула:

— Хорошо. Мне ждать тебя завтра?

— Ага. То есть — да, — без запинки соврал Выпь.

***

Выпь не ждали.

Дом был закрыт для гостей, стоял тихий и черный, вещью в себе.

— Где? — спросил пастух у Касьяна.

Охранник сидел в пустой, странно безжизненной зале. Тиа Плюм-Бум молчала рядом. Встретила его взгляд и спокойно улыбнулась:

— Мы не выдаем и не отдаем своих, парень.

Мужчина глотком опорожнил стакан, ткнул посудиной в потолок:

— Там. Но я к нему не войду, извиняй, парень хороший. Крепко он не в себе.

Дом сам открыл ему дверь некогда их общей комнаты. В знакомом помещении скованно горело несколько веток пламени, недвижно стоял насыщенный страхом, придушенной паникой воздух.

Пастух овдо замер на пороге, шуря желтые глаза.

Облюдка он увидел не сразу. Тот сидел в углу, тесно прижав колени к груди. Распушенные волосы падали на пол, на сбитый ковер, продолжались в щедро разлитой воде — комната стояла затопленной.

Юга молчал, и молчание это давило страшно.

Лучше бы кричал.

— Юга? — позвал Выпь, преодолевая тяжесть колец на горле. — Что с тобой?

Юга поднял голову. Огонь тонул у него в глазах, как в Провалах.

Чуть шевельнулся, и лужа, растекшаяся по полу, шевельнулась тоже. Пастух отступил на шаг, внезапно осознав, что не вода это, а волосы.

Значит, тогда ему не привиделось.

Второй. Третий. Убить. Убить. Убить.

— Что со мной? — в ответ спросил Юга, и голос его был так безнадежно тих, что Выпь отставил страх — как табуретку — и шагнул в комнату.

Облюдок безучастно смотрел, как приближается Выпь, как замирает рядом. Волосы

текли из его головы легким, густым потоком, широко разливались по комнате, ползли по стенам, спускались вниз, пронзая тело Дома, уходили в землю, в исходники воды Провалов... Выпь стиснул зубы, отгоняя морок.

Опустился рядом, плечом задев плечо.

— Заберут и сожгут, заберут и сожгут, сожгут, сожгут, — монотонно проговорил, чуть раскачиваясь, Юга.

— Нет.

— Всех подменьшей, всех чернышей, у меня гниль внутри, неужели не видишь...

— Нет.

— Что же такое, что во мне, что я, — Юга судорожно стиснул колени.

Едва ли он слышал, что ему отвечали, едва ли нуждался в словах.

Выпь неловко разжал смуглые пальцы, крепко взял в ладонь. Глубоко вздохнул — и заговорил чисто, гладко, как в жизни не случалось:

— Ты — это ты, Юга. Что бы ни случилось — всегда ты. Третий. Облюдок. Чужой своей матери, чужак своему стану. Храбрый. Стойкий. Злой. Ты танцор. И шляха. Но — мой единственный друг. Юга.

И на последнем слове понял — все. Исчерпал запас красноречия на свет и тьму вперед.

Юга повернул голову, словно только-только его заметил. В темных глазах ничего нельзя было разглядеть.

Протянул руку, отвел ворот вытертой пастушьей куртки, коснулся новоделанного ошейника. Выпь не отодвинулся, сглотнул и покорно задрал колючий подбородок, позволяя чужим пальцам исследовать фильтры. Контраст между как всегда горячей кожей облюдка и непривычным холодком «украшения» рождал странные ощущения. Не неприятные, нет. Но странные. Юга тяжело вздохнул и промолчал.

Когда Полог сделался нежно-алым, с холодной прозеленью, волосы вновь были волосами, непроницаемо черными, лежащими на спине гладкими косами. Юга давно спал, а Выпь дремал урывками, иногда вздрагивая и вскидываясь.

Патруль не пришел.

Явился другой.

— Гаер, — опознал Выпь, бессонно раскрывая глаза на гостя, переступившего порог.

Подался вперед, закрывая спутника.

— Спокойно. Я не причиню зла, — рыжий поднял руки, не сводя глаз с блестящих шейных колец.

Славная была работка, трудная. Без специальных инструментов, без особых условий, в антисанитарном поле, а, поди ты, исхитрился-таки парня вытащить. Рыжий не только языком горазд молоть был, руки у него прямо из плеч росли.

Юга, проснувшись, тихо зарычал, и Гаер со смешком отпрянул, избегая ловчей сети волос.

— Тише, рапцис морено! Твоих сородичей за меньшее жгут лампарии. Быстро ты с шерлом освоился. Как по мне, так слишком быстро.

— Заберешь меня? — оскалился Юга, процедил. — Ну, попробуй.

— Не за тем пришел. У меня к вам предложение.

— Какое совпадение! У меня тоже — убирайся, пока цел! — в ослепительной улыбке Юга не было ни намека на шутку.

Гаер быстро глянул на Выпь. Тот ненавязчиво пристроил руку на плече напряженного,

готового в драку, облюдка.

Кивнул утреннему пришлецу:

— Говори.

***

Рыжий маркировщик в клетчатой юбке говорил, с интересом изучая комнату. Изредка хмыкал, одобрительно качал головой, трогал безделушки.

— ...поэтому вам здесь оставаться — только расправу ждать. Третий себя раскрыл, Первые это без внимания не оставят. Второй, с его выходкой на площади, тоже засветился. В общем, вас найти — вопрос решенный, в пару дней...очей... уложатся. Облюдков уже чистить начали.

Юга под рукой Выпь тяжело вздрогнул.

— Моя вина, — сказал глухо, — я это начал...

Гаер ухмыльнулся, накручивая на затканное цветными рисунками предплечье черные бусы.

— Не корись, морено. Это у тебя в природе заложено, на обиду смертью отвечать. Не случился бы не-людь, другой повод измыслили бы, вы активная угроза Первым. Они вас не оставят.

— И куда нам податься?

— Шанс один — через зонтег на корабелле уходить.

— Шанс? — с недоверием изогнул бровь Юга.

— Вот такой вот, с мышкину дырочку, — маркировщик честно показал, сблизив указательный и большой пальцы до еле видной щелочки.

— И через какой зон-тег на какой корабелле... — пастух споткнулся на непривычном слове.

— Зонтег самый обыкновенный, Хома Сиаль. Корабеллка моя будет, рабочая верная лошадка, тут все схвачено, не обосремся.

Юга фыркнул, но — удивительнейшее дело — смолчал.

— И куда?

— Да хоть на Хом Кинтары, транспортный узел отменный, муравейник — дай Луг, вас там никто не хватится-не същёт.

— Ага, — сказал Выпь.

С трудом разбирал, про что ему толкуют. Хом какой, какая корабелла... Одно понимал — это была возможность спастись. Им обоим.

— Зачем тебе нам помогать, рыжий? Какой прок? — Юга не торопился доверять.

— Затем, смуглянка, что я терпеть не могу Первых и вставить им... палки в колеса, так сказать, для меня за радость, — охотно пояснил Гаер.

— Почему тогда ждал, если такая спешка? — задумчиво спросил пастух.

Гаер широко ухмыльнулся.

— Да проверял. Поодиночке вы, ясное дело, ценные экземпляры, но в одной упряжке... Я вот кой с кем об заклад бился, что не порешите друг друга, стерпите, кой-кто за обоюдоострую смерть выступал...

Парни, вздрогнув, переглянулись. Выпь снял руку с шеи облюдка, тот отодвинулся, перекидывая массивную косу на плечо.

— Как видите, игра не стоила свеч. По природе, породы ваши друг друга терпеть не могут, странное дело, что вы вообще сошлись.

— А Серебрянка? С ней что?

— Если останется подле вас, то попадет под раздачу на специальных условиях.

— Она твердит, что ей надо за Море.

— Надо так надо, — Гаер пристально изучал рисунок на стене, — пусть хоть кто-то домой вернется. У меня ребята в порту, вопросов задавать не будут, а вот насчет оплаты...

— У меня дарцы есть, — бросил Юга, избегая взгляда пастуха, — сколько надо-то?

В результате сработали все вместе: Юга без заминки и сожаления расстался с нажитым, Выпь молча отдал заслуженное в порту, в Доме и на короткой службе у султаны, Гаер нашел и подговорил нужных людей, проследил, чтобы руки не околачивались где не надо.

Серебрянка, у которой вновь болели идущие в рост кости, и лопалась старая шкура, и кружилась от быстрой смены событий голова, не знала, кого и благодарить в первую очередь. Затишье до новой линьки — и она ощущала это оголяющимся хребтом — заканчивалось.

Маялась, когда прощались, тревожилась. Смотрела на людей сверху вниз — росту в ней теперь было с избытком.

— Выпь, — сказала, наклоняясь и осторожно хватая пастуха за рукава старой куртки, — ты так много для меня сделал. Не знаю, что я без тебя... Спасибо.

— Будь осторожна, — пастух приобнял Серебрянку.

Чешуя сухо шуршала, легко отделялась, липла к рукам. Пришел черед новой шкуры.

— Дай знать, как доберешься, — бросил Юга и замер от неожиданности, когда девчонка порывисто заключила его в короткое, крепкое объятие, — ай, мелочь, что творишь...

— Вы, двое, берегите себя.

— Скорее, берегитесь друг друга, — хмыкнул Юга, толкая в бок хмурого Выпь.

Серебрянка в последний раз задержала взгляд на своих спутниках и нырнула в заряженную на долгую дорогу лодку. Молчаливые работники запечатали капсулу. Канатная дорога, шелестя, уволокла ношу в туман Сухого Моря.

— Вот и славно, — Гаер хлопнул парней по спинам, — не раскисать, дел по горло. Ха, кто знает, может, свидитесь еще.

Маркировщику, честно признаться, ребята были симпатичны, но чудом подвернувшаяся личинка корабеллы в лице лысой девчонки изящно дополняла этот куш.

И уже скоро она будет исключительно его правом.

***

После того что произошло... Точнее, о том произошедшем они не разговаривали.

Было — и было. Случилось — так случилось.

Все.

У Выпь скребло на сердце и в горле, так хотелось сказать нужное, вытянуть — хоть что-то.

А с другой стороны — в висках начинало звенеть и колко леденеть от страха, стоило вспомнить, стоило лишь вообразить себе — себя.

Юга внешне не переменялся нисколько, лишь волосы стали гуще и длиннее. И живее. Теперь совершенно точно, и оба со смешанным чувством были вынуждены это признать.

— С этим надо что-то делать, — сказал Выпь, когда коса обвила ему руку и едва не выдернула плечо.

— Рявкни на них, не стесняйся, — Юга без жалости, стянул волосы как можно туже,

переплел.

— Они твои. Ты и воспитывай.

— Ай, думаешь, будут слушаться?

— Будут, — тяжело припечатал Выпь.

Он был уверен, имей волосы глаза, они глядели бы на него с лютой злобой. Перспектива быть удушенным во сне не радовала. Выпь не обольщался по поводу их способности покрывать расстояние, от одной стены до другой они растекались с поразительной, ужасной скоростью.

Слова, прежде ему неведомые, вспыхивали в голове точно твари Провала в темноте, сами оказывались на языке. Выпь понимал их значение, и знал, что это открылось ему после короткой смерти, им пережитой.

— Это потому, что ты Второй, — объяснял Гаер, и Выпь хотелось проехаться на тахи по его разноцветным глазам.

— Это потому, что ты Третий, — смеялся Гаер, и Юга мечталось подвесить его на своих косах, как не-людь.

— Вы привыкнете друг к другу, научитесь сосуществовать вместе, и они привыкнут тоже. У шерла не будет иного пути.

— Ох, «иного пути»! — раздраженно щелкнул языком Юга, закатывая глаза.

Иногда Гаер срывался на высокопарный стиль, и это то смешило, то раздражало его.

Но веселый маркировщик с рыжими волосами и цветными лентами, пропечатанными на коже предплечий, был на их стороне. Собирались быстро.

Выпь больше не вернулся под сень Дома, где умер и возродился в самый первый раз. Тиа Плюм-Бум Юга ни о чем не спрашивала и ничего не требовала, просто обняла на прощание, стиснув куда опытнее Серебрянки, хлопнула по заднице и пожелала ей удачи. Куда бы ни занесло.

Касьян напоследок, на подарок, показал Выпь тройку коронных приемов (выламывающих челюсти вместе с коронками) и просил по возможности их в беседе не употреблять.

— Ты парень хороший, способный, — глядя на шейные обручи, непроизвольно тер ладонью кадык, — все рады будут в семью взять. Да только ты сам не стайный, одиночкой так и промаешься... Парень твой тоже небесталанный, да больно жгучий, себя не любит и других не жалует-не жалеет. Тебе решать, вместе идти или разойтись.

У султаны, Тысячеглазой, Выпь тоже больше не появился. За овдо переживал, но уходить следовало без промедления.

Про другой Хом Гаер объяснил так:

— Хом Кинтары к странникам привычен, Князь местный вас не спросит-не упрекнет. Главное не светитесь, голосом или волосами. В Лут особо не заглядывайте. Схоронитесь где-нибудь, через пару месяцев я вас отыщу. Да, важное: с Ивановыми, людьми с Востока, не пейте, дружбы с ними не водите.

Здесь Гаер почему-то рассмеялся, перебив весельем весь наказ.

Не ленился, проговорил все особенности пути до тайного причала корабеллы. Сокрушался только, что подопечные беспечно-безграмотны: с прописанной схемой, по его мнению, всяко надежнее было бы.

В дорогу собирал быстро. Подогнал двух тахи, молодых, длинных и крепких. Выпь даже не стал выпытывать клейма, и так ясно было, что если и водились у особых хозяева, то давно

и недолго.

— Править умеете? — спросил рыжий.

— Умеем, — вылез Юга прежде, чем Выпь успел открыть рот.

— Вот и славно. Городец вас выпустит, а дальше дорогу знаете. Или повторить?

— Мы не дети тупенькие, чтобы по десять раз одно и то же талдычить.

Сориентируемся.

Облюдок смело говорил за двоих, но понимал, что на дикой местности находился он неважно. В Городце как душка в Провале порхал, а за градой уже на Выпь надеялся.

— И вот еще, — Гаер с ухмылкой вытянул из сумки глухую, без блеска и звука, цепь.

Протянул облюдку.

— Это зачем? — подобрался тот.

— Затем, что ты, рапис морено, своим косичкам покамест не хозяин-не указ, а шлем я тебе здесь не достану. До поры связывай, иначе или Второму ребра вытянут, или самому тебе башку открутят. Так себе варианты, не?

Юга искоса глянул на Выпь, без особой радости принял дар. Взвесил — волосы, предчувствуя, слабо зашевелились.

— Спасибо.

— Не на чем пока, — хмыкнул маркировщик, скрещивая на груди разрисованные руки, — гарантию не даю, живыми оба доберетесь, тогда и рассчитаемся. А уж я-то ваш отход прикрою фейерверком.

Договорились выйти в веко, под темным Пологом. Долго возились с тахи, приучая к себе. Особые, вопреки здравому опасению пастуха, больно не злобились, не артачились. В седле Выпь чувствовал себя препаршиво.

Когда от не-людей уходили, и то, кажется, легче было держаться.

— Повод не рви, чучело, — терпеливо наставлял Гаер, — он чуткий, рук хорошо слушается. Ногами правь. Про посадку не забывай, движения корпуса тахи тоже считывает, за указания принимает.

— Не знал, что это такая хитрая наука.

— Ай, брось, не хитрее блядовства, — Юга держался как влитой, тахи под ним и взбрыкнуть не смел, — уж сколько я верхом проскакал...

Гаер все ухмылялся, обменивался неприличными замечаниями с облюдкой. Тянул за косу, будто в шутку крутил себе на предплечье. Юга на эту вольность вроде и злился не шибко, чем удивлял Выпь, привыкшего к брыкливому, самолюбивому его норову.

Пожалуй, признался он себе, рыжий Гаер ему не нравился.

Маркировщик подозвал его, когда Юга рядом не было. Велел протянуть руку и на запястье изобразил какой-то палочкой закорючку. Закорючка та втаяла, целиком ушла под кожу, не оставив по себе памятки.

Выпь потер руку, нахмурился:

— Что это?

— Маркер, братец. Чтобы в случае чего я тебя-вас нашел, — и подмигнул зеленым глазом.

Выпь слова эти, с подмигом, не понравились. Но спорить не приходилось, не в том они были положении.

В темноту покинули Городец.

11.

Дорога верхом показалась Выпь тяжелее и муторнее. К пешим переходам он был куда как привычен, а здесь смаялся. Ехали всю оставшуюся темноту, к светлому Пологу мышцы окаменели. Волосы под глухо-матовым шлемом взмокли, неприятно липли ко лбу. Щипало глаза.

Юга все оглядывался через плечо, а потом решил и повернул своего тахи с главной дороги. Особый пастуха, не спрашиваясь седока, последовал его примеру.

— Тяжко? — спросил облюдок с короткой усмешкой.

Шлема ему не досталось — на такую массу волос ни один рассчитан не был.

Только глаза прикрыли узкой плотной конструкцией из стекла, кожи и дерева.

Выпь глянул в ответ так, что Юга запрокинул голову и устало рассмеялся.

— В Провал полезешь? — хмуро спросил желтоглазый, чуя близость глубокой воды.

— Полез бы, да некогда. Нам еще через угодня *нако* проскочить сумеешь, а там уже и....

Корабелла эта поджидать должна.

— Ты встречался с *нако*?

— Ай, а по мне не видно?

— Не встречался, — заключил Выпь, разминая шею.

Юга невольно остановился взглядом на полосах ошейника. Попадались ему любители затянуть в веревки и цепи, в упряжь упрянуть, да так и пользоваться. Даже Юга, с его отчаянным умением, такие вещи не просто давались.

Но на его спутнике — нескладном, неладном — фильтры смотрелись... как едва дозволенное. Выпь перехватил взгляд, неверно истолковал и стянул ворот куртки.

Третий мысленно отвесил себе затрещину, обозвал бабой и торопливо спросил:

— А ты видел ее, что ли?

— Ага.

— Заметно, — не сдержался Юга.

О *нако* он был наслышан от частых гостей — сдавленным шепотком на ухо, злой сказкой на грядущее бессонье.

Цепь мертвой тяжестью, туго лежала на волосах, холодила спину, давила шею. Настроения это не улучшало. Для бодрости, для скорости разделили на двоих непрозрачный напиток из странной светлой банки, врученной тем же Гаером из той же сумки. Горький — почти до тошноты.

Немного отдохнули, сидя бок о бок и в обоюдном-спетом молчании наблюдая расцветающий, набирающий краски Полог.

Выпь одолевали дурные предчувствия. Почти как тогда, на черной улице Черного Городца. Накатывало волнами. Чередой. Страх. Неуверенность. Сомнения. Бездна. Снова страх. Но вслух делиться опасался: с Юга стало бы жестко высмеять.

Осторожно посматривал. Третий явно тяготился свежей цепью в волосах, непривычным, неприличным ему, свободой любимому, украшению. Не жаловался, только морщился изредка. Зеленые бусы на открытой шее горели в такт глубокому огню на дне глаз.

— Не мерзнешь?

— Не твоя забота, — привычно огрызнулся Юга, но тут же, виновато вздохнув,

извинительно толкнул в бок, — привычка, чтоб ее. А что, согреешь?

— Ага. Куртку могу дать.

— Ах, пастух, ты меня разочаровываешь...

Далеко, на краю видения, прошли спиценоги.

— Пора.

Выпь направился к своему тахи, но Юга опередил его одним прыжком:

— Ну, чего уставился? Моего возьми, я его укатал до серой смирности, теперь без интереса.

Выпь растерянно кивнул.

— Спасибо.

Облюдок лишь рассмеялся, седлая брыкливого, чужого скакуна.

Всего пути, по словам вердо, было меньше длины, если быстро и без лишних остановок. Ближе, к Городцам и станам, корабеллу Гаер не подводил, берег от любопытных глаз. И то сказать, едва ли чем правым промышлял, с такой-то внешностью и речами. Особых для разгона предусмотрительно накачали чем-то тонизирующим, те едва не звенели от силы и скорости.

Проносились мимо Провалов; уходили за спину стеклянные деревья, отягощенные зрелыми плодами цветного и прозрачного стекла; равнодушно не замечали путников пасущиеся, тяжелобокие кармины; раза два вдогон пускались пыльники, да отставали почти сразу же.

Юга про себя радовался сноровке Выпь в ориентировании на местности — пастух держал путь в голове, твердо представлял направление, точно знал место прибытия. Сам он, стыдно сказать, заблудился бы очень скоро и качественно.

Ближе к зенице ока тахи донесли всадников до охотничьих угодий нако. Остановились: уши забила тупая, пронзительная до боли тишина. Особая не терпела соперников.

— И как ты с ней свиделся в первый раз? — глухо кашлянув, поинтересовался облюдок.

— Случайно, — коротко ответил Выпь, привстал в жестком седле и окинул взглядом мерцающее под Пологом недвижимое пространство.

Луг. «Лужок», как бесстрашно прозывали его оставшиеся в живых.

Помнится, когда Выпь вызволял любопытные овдо из плена не менее любопытной нако, луг был значительно меньше. Впрочем, совсем не обязательно, что перед ними та самая особая.

Нако была болезнью, гнилью, поражающей Провалы — из самой глубины. Особая просачивалась в исток, выходила наружу, по пути делая воду негодной для жизни, приспособливая ее под себя. Выливалась и растекалась, затапливая ближайшие земли, затягивая кожу Хома Сиаль хрусткой, стеклянно-тонкой пленкой.

Ее нельзя было обойти.

С ней можно было сыграть.

— Сыграть? — удивился Юга. — Ай, или она девчонка сопливая?

— Она любит игры. И я бы не советовал тебе называть ее девчонкой.

— Когда ты такой серьезный, у меня все волосы дыбом, — фыркнул облюдок, спешиваясь.

Выпь промолчал.

Тахи пришлось вести в поводу, особые упирались, чужая опасность, но сущеглупые всадники упрямо тащили их за собой. Под ногами тихо похрустывала корочка земли.

Когда до блестящей пленки осталось несколько шагов, пастух знаком велел спутнику остановиться.

— Я говорю.

Юга нервно провел языком по острой кромке зубов, но кивнул. В порядке исключения говорить за себя он позволял исключительно Выпь.

Второй, ступая тихо и осторожно, приблизился вплотную к блестящей глади. Медленно опустился на корточки, разглядывая утопленное, застекленное отражение Полога. Коснулся пленки.

Спустя пять сорвавшихся с пальцев капель сплошное зеркало тихо плеснуло, разнимаясь вскрывшейся раной:

— Привет.

— Привет, — Выпь повернул голову.

И увидел нако.

Она смотрела из воды, выступив над поверхностью по пояс. Женское спелое тело, пышная грудь, белая кожа. Темные, слипшиеся, редкие волосы. Округлое лицо с мягкими, будто чуть подтаявшими чертами.

Как всегда, ее было трое.

Говорила одна, слушала вторая, смотрела третья.

Юга за его спиной — Выпь знал наверняка — подобрался, стискивая поводья замерших тахи.

— Ты пришел поиграть со мной? — голос был тонкий, совсем дитячий.

Страшный в контрасте с вылепленным телом.

— Ага.

— Как хорошо! — мокро хлопнула в ладоши, пожаловалась. — А то мои старые игрушки совсем сломались.

Старые игрушки. Те, кому не повезло.

— Во что бы ты хотел сыграть, Выпь?

Он не называл своего имени, но она его знала.

— В три ответа, — быстро откликнулся пастух.

Тройница задумалась, играя с недвижимой водой, расчерчивая, разрезая ее странными узорами. Линии таяли не сразу — держались, бледно горя тухло-зеленым.

Та же застоявшаяся тишина; глубокое, тщательно контролируемое дыхание облюдка.

— Согласна. Но, Выпь, с тобой я уже играла. Теперь хочу с ним, — мокрая рука указывала на Юга. — Идет?

Выпь нахмурился, собираясь торговаться, но Третий в два шага оказался рядом

— Идет!

— Замечательно! Начнем.

И плеснула в ладоши.

Твердь под ногами Выпь зыбко просела, и, не успел он и мать помянуть, как с головой ушел под воду.

— Это первый вопрос, Юга, — нако улыбнулась, показывая тонкие, желтые иглы зубов. — Игра началась!

Юга моргнул. В широко раскрывшихся глазах удивление быстро поглотила здоровая злоба.

— Ну, хорошо, — глубоко вздохнул, — так, и кто у нас не хотел учиться плавать?

И прыгнул, головой вперед в недвижимое нутро луга.

***

«Зачем тебе это? К чему тратить жизнь, вам все равно разойтись, за него ты не в ответе, да и он тебе никогда не откликнется. Что делаешь? Остановись...»

Он остановился — путь делила прозрачная, словно стекло, крепкая преграда. Облюдок толкнул ее руками, царапнул, ударил, разбивая костяшки. Вода смягчала движения, делала сонными и тягучими...

«Ты же всегда сам по себе был, так почему вдруг меняешься?»

Юга мотнул головой, стягивая цепь и позволяя волосам расплыться чернильным маревом.

«Жалеть будешь...»

Стекло треснуло.

***

Изнутри луг был прозрачен и холоден, до зубной ломоты. Выпь чудом не захлебнулся в первый же момент, и пытался выбраться, выкарабкаться на поверхность. Вода держала в мягких тисках, ноги стреноживала длинная, тянущаяся с глубины трава.

Кажется, это было первое дно. Выпь не знал и не желал знать, сколько их всего.

Рядом — руку протянуть — застыл мужчина, Выпь ясно видел его запрокинутое лицо, рот, искривленный судорогой последнего крика. Он не двигался и не жил уже очень, очень давно. Сломанная игрушка. Одна из сотен, плотно стоящих плечо в плечо на выставочной доске дна луга.

Выпь зарычал, и луг отступил, и трава освободила колени. Выпь сильно рванулся наверх, к бледному свету.

Замершие по соседству игрушки распахнули глаза и схватили живого.

Потянули к себе вниз, вниз, сначала за ноги, потом за руки, плечи, потеснились, давая свободное место, улыбаясь пустыми лицами. Второй сопротивлялся отчаянно, чувствуя, как обжигает горло ошейник, немеют мышцы, рвутся без воздуха легкие.

«Почему ты противишься? Зачем не хочешь остаться? Посмотри, как здесь хорошо и спокойно, мы все равны, мы одна семья. Что ждет тебя там, кроме долгого несчастливого пути и трудной смерти? Там тебя боятся, там проклянут твое имя, а здесь окружают любовью, напоят счастьем...»

Нет!

Выпь рванулся отчаянно, не телом скорее, разумом, судорожно вытянул над головой руки — и запястья крепко обхватили чужие пальцы.

Он едва не выдернул ему плечи.

Они вынырнули, задыхаясь, цепляясь друг за друга:

— Я держу тебя, держу, не бейся!

Выпь не паниковал, просто чувствовал, знал под собой массу луга и тварей на первом дне.

Черные волосы пронзали воду, отсекая их от присутствия обитателей луга.

— Как думаешь, ответил я на ее вопрос? — Юга улыбался разбитым ртом.

Неужели локтем задел?

— Ответ верный, облюдок, — сказала нако, показываясь из воды так близко, что Выпь едва не потонул вторично.

В тот же момент пустоту под ногами сместила твердая плоть суши.

Маленькая награда.

Выпь заставил себя разжать пальцы, отступить от Третьего. Вода, бликуя, до слез резала глаза.

— Ну, — сказал Юга, утираясь, — и какой будет следующий вопрос?

— Как звали твоего первого, облюдок?

У Юга резче обозначились скулы.

— Ррат, — сказал, как плюнул, — и на закуску?

— Ты жалеешь?

— Нет. Ни о чем. Никого. Никогда.

Нако вздохнула разочарованно — по лугу пробежала рябь.

— Это была хорошая игра. Ты можешь идти. А он останется. Мне понравился его смешной страх.

— Вот уж нет, мокрая дрянь, — сощурился Юга, выпрямляясь и стискивая кулаки, — ты отпустишь нас обоих.

— Нет. Только одного, — нако алчно подалась вперед, легла мягкой грудью на сушу.

Выпь невольно попятился. Юга ухватил его за руку, не давая оступиться.

Взглянули друг на друга. Бывший мастер дрессуры опустил рыжеватые ресницы, мимолетно коснулся фильтров.

— Он хороший человек. Он мой.

— Он — Второй, тупая, жадная, недалекая сука, — с каким-то мстительным торжеством, с расстановкой протянул Юга, — счастливо тебе подавиться.

И закрыл уши, опускаясь на колени. Сжался в комок.

Гаер говорил: «Старайтесь не пользоваться способностями. Первые их могут почуять, заметить — и тогда ни на какую корабеллу вам в жизни не поспеть, ни на каком Хоме не затаиться».

Если только не случится острой необходимости...

Песня раскатилась над лугом, взьерошила водяную шкуру, раскалывающим камнем ушла на дно. Нако отшатнулась, распахивая единственную пару глаз. Вслед за ней попятился и луг, сжимаясь, оголяя порченую землю.

Особая завизжала, замотала головой, силясь вытряхнуть из нее властный, выворачивающий голос.

— Уходите! Прочь!

Махнула рукой, окатывая колючими брызгами — и все пропало.

Кругом стояла сушь. Шумел ветер, тонко звенела трава. Рядом нетерпеливо грелись тахи.

Юга поднялся с колен. Лениво, тылом ладони утер кровь из-под носа.

— Ай, ну не дура ли? Чего стоило сразу отпустить? Баба глупая, а не особая...

***

Зарядил дождь. Словно мало случилось воды, словно в отместку. Ехать дальше сделалось невозможно — на расстоянии в вытянутую руку уже ничего нельзя было разглядеть.

От холода потряхивало.

Юга задержал тахи, стукнул в забрало шлема:

— Тут лес *шиферный* рядом. Переждем?

Выпь тяжело кивнул. Хотя не больно-то облюдок спрашивал.

В шиферном лесу под широкими волнистыми листьями спала сухая темнота. Далеко решили не углубляться, загнали тахи вплотную к стволу, сами пристроились рядом. Стена дождя отсекала от мира, было холодно и противно.

— Огня бы, — протянул Выпь.

Юга кивнул, чихнул ему в плечо.

— И пожрать, — сказал глухо, — мне после заплывов всегда есть хочется, тебе нет?

Выпь задумчиво потрогал насквозь промокшие черные волосы. Его верная, но напивавшаяся водой куртка на утепление тоже не годилась.

— Эй, куда собрался?

— Огонь найду.

— Спятил? — Юга приподнялся. — Это шиферный лес!

— Ага. Жди здесь. Я скоро.

В лесу этом было удобно прятаться от дождя и совсем неприлично оставаться на тьму. Его уделом была пустота, его обитателями — существа, вовсе странные даже привычному к произведениям Сиаль человеку.

И огонь рос здесь не пышно, в пол силы.

Выпь нашел одинокую ветку не сразу, пришлось изрядно пройтись. По пути наткнулся на бутылочное дерево, из паданцев выбрал крупный, стеклянный плод. Как раз огонь посадить. Заблудиться не боялся. Смешной страх, то ли дело незнамая глубина Провалов.

Огонь ему попался матерый, злой, стрекучий. Дождь его присмирил, однако руки все равно искусало. Когда пламя удалось загнать в бутылку, сзади с уважением протянули:

— Ловкий вы, дяденька.

Выпь обернулся, едва не упустив ценную добычу.

На него без страха таранился мелкий пацан, хорошо обутый и одетый. Из-под капюшона выбивалась челка, в светлых глазах отражался напряженный, грязный как затопленный весенний Провал, небритый бродяга. Выпь вздохнул, подумав, что леса не иначе как столкнувались и теперь азартно, наперегонки подкидывают ему детей.

— И тебе привет. Что один гуляешь?

— Батя за огнем послал, — мальчишка пожался, не сводя глаз с запертого в стекле огня.

— Одного? — удивился Выпь.

— Дак а что дивного? — важно развернул плечи. — Не маленький, чай.

— Далеко дом?

— А вам на что?

— Проводить могу.

— Э, нет, — пацан закрутил головой, — я уж сам как-нибудь.

— Незнакомцев батя не учил стороной обходить?

Паренек фыркнул.

— Вас, что ли, бояться? Я этот лес вдоль и поперек знаю, каждое деревце, это вы в нем чужак.

Выпь сдержанно улыбнулся. Мальчишка прищурился:

— А что это у вас с шеей?

Выпь свободной рукой прикрыл фильтры.

— Так, глупость.

— А. Ну, ладно, пошел я тогда. Если заблудитесь — кричите, я вас выведу.

— Ага, — растерялся Выпь.

Пацаненок деловито кивнул и отправился себе дальше. Выпь, вздохнув, окликнул его в спину:

— Эй! Хочешь, огонь отдам?

Мальчик развернулся, недоверчиво склонил голову.

— За что это?

— Да за просто так. Бери, что тебе по лесу шастать одному. Я себе другой сыщу.

Случайный встречный вернулся. Выпь протянул зажатый в стекле гневливый огонь.

Паренек осторожно потрогал теплую бутылку, шмыгнул носом и с сожалением отвернулся:

— Не-а, спасибочки. Тут огонь редко водится, вы его первый нашли. Значит, ваш.

— Ерунда. Забирай.

Тот упрямо замотал башкой так, что свалился блестящий капюшон.

— Ладно, — сдался Выпь, — тогда пошли, вместе тебе ветку отыщем.

— Ну, пошли... — великодушно-нехотя согласился паренек.

Лес, как заметил Выпь, был относительно спокойным и чистым. За одним исключением.

— У вас здесь *мишура* завелась, — заметил мимоходом.

— Где? А, да, батя тоже сетовал.

Сама по себе липучая, блестящая как нити слюны, мишура не была опасна. Беда в том, что ее присутствие упреждало о наличии куда более опасных особых.

Например...

— Держи, — Выпь всучил в руки обернувшегося паренька огонь, сам выступил вперед, уводя спутника за спину.

В дождь зрение обманывало особенно охотно. Но не теперь. Выпь готов был клясться, что смутный, гадкий силуэт ему не привиделся.

— Да что там? — мальчик высунулся, но пастух затолкал его обратно.

— Тихо.

Мальчишка притих — видимо, тоже уловил тонко разлитое чувство опасности. Выпь застыл, глядя перед собой. Потянул из-за пояса нож.

Ливень проредился, словно давая возможность увидеть и оценить высокую, размытую, прозрачно-серую особую. В следующий миг видение исчезло, а Выпь едва успел прикрыть лицо — наотмашь хлестнуло плеткой жгучего, ледяного дождя.

Не ее он ждал.

— Это *Джувия!* — успел крикнуть мальчишке, прежде чем его опрокинуло на спину и потащило — ногами вперед.

Особая, созданная дождем, от своих собратьев отличалась незабываемым качеством — ее нельзя было победить.

Только переждать.

К людям она была исключительно недоброжелательна, попавшегося ей на пути забивала плетью или топила. В Джувию знающие люди из Домов и носу не казали.

Выпь успел смутно порадоваться, что она наткнулась на него, а не на Юга.

Отплевываясь, сел. Его плотным, серостенным колодцем окружил дождь.

— Эй, Джувия! — зычно крикнул, сбивая внимание на себя. — Что же так неласково? Или огня тебе не хватает?

Дождь вскипел. Оскалился пеной, клыкастыми пастями, мокро лязгнул, хватая за куртку

— Вышь едва поспел откатиться, выдраться из зубов. Отхватил плетью в спину, не удержался, хлопнулся на колени, ладонями зарываясь в жидкую грязь.

Развернулся, разваливая ножом собравшееся из струй рыло.

— А дальше? Или совсем силенок не нажила?

Подхватился, рванул, уводя обозленную Джувия за собой, дальше от мальчишки.

Не может дождь идти вечно.

Авось, свезет пережить-переждать.

Хотя бы одному из них.

Едва поспел остановиться, чудом не влетев в ловчую яму, полную глубокой, аж с бурунами, воды. Невольно содрогнулся, отступая. Хватит, он уже тонул.

Свистнуло, цепануло плечо, приложило затылком в землю. Джувия навалилась, села на грудь, зажала рот мокрой ладонью — до захлеба.

Попробовал сбросить — руки прошли особую насквозь, нож не взял. Вода забивала горло, нос, Вышь судорожно извивался, отчаянно пытаясь избавиться от непререкаемой смерти.

Джувия вздрогнула, зашипела и распалась брызгами.

Вышь торопливо обернулся на четвереньки, вытащивая тяжелую воду.

Бледный мальчишка, тяжело дыша, крепко сжимал яростно горящую ветку. Бутылку он расколотил о ствол ближайшего дерева, изрядно при этом порезавшись. Капюшон слетел, вода облизывала потемневшие волосы, на впалых щеках лихорадочно горел румянец.

— Скорее! Я знаю, где можно укрыться!

Глупо было ждать, что одинокое пламя выдержит против целого ливня. Но — Джувия боялась. Вышь бежал за паренком, отгоняя особую упрямо полыхающей веткой, а та кружила вокруг, пробовала дотянуться плетью, расставляла ловушки, обрушивалась сверху... Они успели.

Паренек за руку втащил спутника в сухое, полое нутро дерева, затянул за ними дверь. Ветка медленно умирала, отдавая последний свет.

Ливень яростно стучался снаружи, царапал полый ствол.

— Фух. Вот так случай, батя меня прибьет.

— Не прибьет. — Успокоил мальчишку охрипший Вышь. — Спасибо тебе.

— Шутишь? Без тебя она меня бы на месте притопила, кто ж знал, что сама заявится.

Вздыхнул. Прижался, часто смаргивая.

Вышь молчал. К счастью для всех живых, Джувия не была долгой. Он очень надеялся, что она не успеет добраться до Юга.

***

Джувия ушла, оставив за собой шлейф обычного дождя. После блуждания по лесу, отыскали еще один огонь, надежно спрятавшийся в дереве. Засадили его в новую бутылку.

— Пойдем, — Вышь взял мальчишку за плечо, — провожу.

Жил паренек, как оказалось, в самом лесу. Дом его был огорожен высокой градой, а сам целиком сработан из дерева.

Вышь остановился.

— Твой отец Бездомный?

— И что с того? — заранее ошетинился мальчик.

Вышь безмолвно покачал головой. Бездомных не подпускал к себе ни один тровант, судьба им была положена одиночкой мыкаться, без крыши, без пристанища. А у этого, поди

ты, и семья была...

— И за огнем он тебя в Джувию не посылал, так?

Маленький провожатый вздохнул. Шмыгнул носом.

— Ага, без спросу я со двора утек. Сестренка застыла сильно, а огонь вышел весь, как назло. Я не знал про Джувию, честно.

— Ищут тебя, — прислушался Выпь.

Паренек кивнул, поднял на соучастника глаза.

— Ты же про нас не расскажешь?

— Нет, — успокоил его Выпь. — Ступай теперь. Мамка твоя испереживалась, наверное.

Мальчишка кивнул, по-взрослому пожал ему руку и припустил к дому. Уже у ворот оглянулся, тесно прижимая к груди заветную стекляшку с огнем. Выпь поднял ладонь, прощаясь.

Развернулся и пошел обратно.

У него тоже было, к кому возвращаться.

Его тоже ждали.

***

Юга танцевал.

Он знал несколько действительно безотказных способов согреться, но так случилось, что из всего многообразия ему осталось только это.

Привычные упражнения, всегда его успокаивающие, очищающие голову от липких, навязчивых мыслей, несуразных идей. И если настроиться, то можно разобрать ритм и музыку в дожде. Не так пусто и бессмысленно, можно даже новый танец собрать...

Выпь вернулся, когда Третий успел прогреться до костей.

— Огня нет, — сказал вместо приветствия.

И выглядел при этом так, словно его только-только скинули с пыточного стола — как отработанный материал.

— Ай, где тебя так угораздило?!

— На Джувию налетел, — нехотя отозвался Выпь, пытаясь уклониться от Юга.

Тот цепко ухватил за подбородок, раздувая ноздри, изучил дождевые порезы. Сказал с чувством, скалясь:

— Вот падаль!

— Брось. Заживет.

— Ага, а вот ей не жить, коли встречу!

— Ты полегче. Она пока рядом бродит.

— Да пусть хоть над головой сидит, еще я от Джувии не бегал!

— Я — бегал, — весомо нахмурился Выпь, отводя его руку. — И поверь, мне просто повезло вернуться.

Юга недовольно фыркнул. Безданно помотал растрепанной головой, обдав пастуха веером брызг.

— Лут с тобой. Жмись плотнее, будем греться по старинке. Я горячий, меня за глаза на двоих хватит.

«Старинка», как выяснил Выпь, была совсем простой — его куртку разделили на двоих и грелись, пережидая тягучий стеклянный дождь, честно и тесно прижимаясь друг к другу.

12.

— Знаешь, как зовется этот цвет?

— Нет.

— *Фиолетовым.*

Стена стояла перед ними, обещая завершение долгого пути и предвещая начало следующей дороги. Великая стена *Ромуро*, великая тварь, самая большая особая Сиаль, граница-града между обиталищем людей и ничьей, лишенной защиты Полога, территорией.

Никто не селился там, на белой земле Плата. Никто оттуда не приходил и не возвращался. Никто не знал, как глубоко сама Стена уходит в землю. Людям хватало спинного гребня, высотой превышающего граду любого Городца.

Основу его слагали тела всех живших некогда на спине Хома Сиаль — заеденных нуждой; сдохших от голода и болезней; погибших в бою; умерших в постели и с почетом захороненных в стеклянных ларцах; преступников, заживо отданных на медленную казнь — поглощение каменными губками.

Все, рано или поздно, какую бы жизнь ни вели, и какая бы смерть их ни выбрала, оказывались здесь, кукленками, навсегда застывшими в густо-фиолетовом, на ярком Пологе едва просвечивающем, гребне.

Все, кроме облюбок. Их особая не принимала.

Никогда.

Парни закинули головы, стараясь не касаться тени особой.

— Думал, что когда-нибудь здесь окажешься?

— Нет.

— И я тоже.

Стена тянулась на многие, многие длины пути, окаймляя жилую землю, ныряя и вновь вытягиваясь по поверхности. Иные храбрецы-безумцы-бездумцы насмеливались выпиливать, выкалывать из гребня маленькие яркие кусочки фиолета. Стоило это действие больших усилий, большого страха и великих дарцов. У султаны, помнится, был целый ворот, расшитый этим цветом.

Когда-нибудь, подумалось пастуху, стена заберет себе такую силу и мощь, что допрет до Полога. И что после случится, ему уже не узнать-не дожидаться.

Юга хлопнул его по плечу и вплотную приблизился к Ромуро. Ключ Гаер ему доверил, пока за косу тягал. Строптивный ты, но сообразительный, сказал тогда.

Ключ — одно название. В стеклянной плоской коробочке рыжий маркировщик вручил ему устройство, тварьку крылатую из Провала. Юга часто там плескался, но таких не видывал. Будто совсем прозрачная, только кайма крыльев огнем горела, а сами косточки и цвета не имели.

Гаер наставлял: до стены не открывать.

Как к Ромуро подойдете, так сажай ее на стену. К душке с той стороны, с обратной, друг прилетит, он стенку и прошибет.

— Ну, поглядим, насколько тут все у вас серьезно, — пробормотал Юга, вытряхивая душку.

Та словно прилипла к Ромуро, сонно водила усами.

Кайма крыл перестала вдруг огнеть, замерцала прерывисто.

Юга, не сводя взгляда с устройства, попятился, ухватил за рукав Выпь.

— Давай, не тупи. Еще обломком заденет.

Выпь недоверчиво поглядел на маленькую, в половину ладони, душку, но смолчал. Молчал и Юга, поглядывал на стену. Долго ничего не происходило, надоело ему ждать. Только выпрямился, высунулся, как участок стены надулся фиолетовым пузырем и лопнул.

— Видно, и впрямь — очень надо было, — сказал на это Юга, поднимаясь и вытряхивая из волос блестящее крошево.

***

Если на Сиаль они вымокли и вымерзли до костей, то на земле Плата испеклись с потрохами.

Такой горячки не запомнили бы и старожилы старого мира, не то что новички мира нового, Третий да Второй. Полога не было. Было сплошняком вылинявшее в белъ синее, да крупно-желтое нечто. Оно-то и повинно казалось в жаре, на него даже смотреть было невмочь, в слезу резало глаза.

Прозар да веко — слиплись в одно, перемены парни не чужали. Выпь предполагал, что миновало два полновесных ока, с того момента, как они заступили на свежую территорию. Заступили, потому что тахи остались с другой стороны Ромуро. Сюда им ходу не было. В пролаз — узкий, тесный — только они вдвоем и протиснулись.

Дороги — осмысленной — не существовало вовсе. Не было и ориентиров, зато под ногами разворачивалась немыслимая красота, белое с серебром, собранное из мельчайших крупиц. И вроде не песок, слишком тонкий, да цветом чудной. Ноги в этом диве изрядно вязли, а голой рукой тронуть больно было, жглось.

— У меня эта штука сыпучая колючая везде, везде! — злился Юга, остро страдающий без привычного избытка воды Провалов.

Выпь к суши был более привычен, но поддерживал спутника сочувствующим молчанием. Того это только пуще из себя выводило:

— Ай, ты хотя бы звук какой в ответ издавай, я же с тобой говорю, ну?!

— Ага.

— Что «ага»?!

— Издал звук.

— Ну, спасибо, уважил так уважил!

— Пожалуйста. Обращайся.

Юга рычал опасно низко, нехорошо шурил глаза, на запавшем лице резче обозначались скулы. Цепь, однако же, не спускал. Плотно укутывал волосы, воли им не давал.

Спали в очередь. Стереглись. Место было совершенно новым, не названным, кто здесь водился и чем питался, они не знали.

Сам Выпь голодом не маялся, приучил себя долго без еды обходиться. Хом Сиаль, стеклянно-каменный их мир, был расточительно беден на съедобное. Люди с детства привыкали к брикетам-концентратам, кои умельцы ладили из смешанных, часто сорных, ингредиентов. Выпь как-то подрабатывал в одной из лавочек, и сам убедился, что в ход шло все, включая заморские приправы.

— Есть хочешь? — спросил друга.

Тот мотнул головой. Не знали, сколько им предстояло идти через Плата, запасы следовало беречь.

Юга тряхнул перед носом спутника мелкой склянкой с белыми плотными горошинами.
— Мой завтрак, обед и ужин.

Выпь нахмурился. Подобное охотно глотали работники Веселых Домов, разбойные люди и простые богатые бездельники. Растирали на тыле ладони, вдыхали или слизывали. Горошек шел готовым, из-за Сухого Моря, стоил много дешевле обычных концентратов. Отлично гнал усталость и голод, поднимал настроение, но Выпь видел, что делалось с людьми после долгого, обильного употребления.

То, что от них оставалось.

Юга знал меру.

Вроде бы.

С ним никогда нельзя было быть уверенным.

Но лучше это, чем тот же каменный порох...

— Эй, да хватит уже киснуть! Вон, мерцает что-то впереди, не иначе вода?

Выпь напряг зоркие глаза.

— Или морочится...

— Проверить все одно стоит, — Юга ускорил шаг, балансируя руками, сбежал с холма.

Серебристое с шорохом струилось под подошвами. На мгновение Выпь помстилось, что складывается рисунок какой, моргнул — переменялось. Расстояние обманывало. Юга, только что бывший в десятке шагов, вдруг рывком отдалился.

— Юга! — крикнул Выпь. Кольца на шее остерегли холодом. — Юга! Стой, обожди меня!

Тот на ходу обернулся, вскинул руку, укрывая глаза от разжаренного света. Остановиться не подумал, блеснул зубами в ответ:

— Нагоняй!

Выпь шепотом выругался, почти сбежал с горки, оскальзываясь и увязая.

Юга стоял у гладкой кромки воды, жадно вдыхал свежий запах, но пить, тем паче — лезть в нее — не спешил. Оглянулся на спутника:

— Как думаешь, испробовать?

Вода лежала в словно бы специально приспособленной выемке, вся какая-то причесанная, тонко убранная бликами. Прозрачная. Выпь видел дно, застеленное белым сыпучим. Никаких особых не заметил.

— Думаю, можно, — отвечивал, про себя недоумевая, с чего бы облюдку его мнения-дозволения спрашивать.

Юга радостно гикнул, вмиг разделся до исподнего, кинулся — Выпь окатило холодным крошевом.

Проморгался.

— Эй, давай сюда, нечего каменной бабой выстаивать! — Третий махнул рукой, взметнув брызги.

— Ага.

Нашел, с кем равнять. *Бабы* эти, каменные, появлялись на просторах Сиаль частенько — грубо-округлые изваяния, приблизительная видимость живой женщины. Никто не ведал, мастерил ли их неведомый стукан, или сами нарождались, да для чего появлялись. Но по темноте держаться от баб старались подальше, слишком тягостную жуть наводили отшлифованные лица.

До этого Второй думал, что нажрался воды на год вперед, а тут, когда липла к спине

рубашка и зудела голова, только о купании и помышлял.

К счастью, глубиной здесь не баловались. Выпь осторожно шараялся по мелководью, а потом Юга это надоело, и облюдок решительно ухватил друга за руку. Крепко сомкнул сильные пальцы, потащил за собой.

Выпь уперся пятками.

— Ты чего?!

— Да научить тебя кой-чему хочу. Чтобы уж если тонуть без меня доведется, то красиво, с толком, с выдумкой. Гляди сюда!

И, невместно упрямый, добился-таки своего. По крайней мере, на воде держаться Выпь наловчился.

После выбрались на берег, обсыхать. Облюдок не удержался, спросил:

— Что же тебя так колотит? Или в детстве притопили?

— Нет. Другое тут...

— Не расскажешь?

— После.

— Смотри, я слушатель хороший...

Лениво обернулся на живот, подставляя узкую, крепкую спину огненному шару. Выпь откинулся на руках, закрывая глаза. От непривычной усталости чуть дрожали пальцы да познабливало.

Ошейник тепла не перенимал, стылым оставался.

Вздрыгнул, когда шеи сзади коснулись чужие ладони.

— Не трепыхайся. Глянуть хочу, можно ли шгуку эту от тебя избавиться.

— Ты разве в замках понимаешь?

— Не без этого, приходилось из браслетов выкручиваться, — Юга изучал Гаерову сработку, ощупывал; после расстроено отодвинулся, — нет, не пойму, хоть убей.

— И ладно, — успокоил Второй, — не больно-то и мешается.

Облюдок вновь растянулся подле, с хижей усмешкой молвил:

— А справный из тебя мужчина вытянется, пастух. Годок обождать, и готово, сухота девичья.

Второй смутился, почесал облупившийся нос, дернул плечами.

— Там поглядим.

— Да, — Юга отчего-то помрачнел, — поглядим... Ладно, одежда вроде просохла, давай собираться.

***

Шлось ходко, жар донимал меньше. Юга помалкивал, Выпь тем более языком зря не чесал. Смотрели в оба.

— Я лишь надеюсь, мы не кругами бродим, — бросил Третий.

Пастух споткнулся. Мысль такая и ему в голову приходила.

— Я тоже.

Теперь запнулся Юга. Вскинулся:

— Что?! Разве не ты у нас путешественник многоопытный?

— Я эту местность в первый раз вижу, ровно как и ты. Откуда бы мне знать? — устало огрызнулся пастух.

Сориентироваться, взглядом зацепиться было не за что, холмы гладко перетекали один в другой, плавно горело сыпучее серебро. Бродить можно было до смерти.

Опустил сердито голову, и — словно мелькнуло под блестящим сором матово-белое, твердое. Пригляделся.

— Смотри, будто дорога.

Юга ковырнул носком, нагнулся, сметая серебряный прах, обнажая слой новой поверхности.

— Ай, твоя правда! Ну, теперь проще будет.

И проще — стало. Ноги больше не увязали по щиколотку, не стирались в кровь, дорога постепенно выпросталась, пошла широкая да пригожая.

Юга ткнул в бок.

— Глядишь, скоро к корабелле Гаеровой выйдем.

Выпь не стал пугать удачу, сдержанно кивнул в ответ.

— Любопытно, из чего она здесь сработана, — облюдок на ходу нагнулся, коснулся пальцами, — ишь ты, холодная, упругая да гладкая.

Выпрямился. Задумчиво упер руки в бедра. Поднял глаза на спутника.

— Как особая, — осторожно додумал общую мысль Выпь.

Не успел и двух шагов сделать, как вспучилось слева, фонтаном фыркнула сыпучка, а за голень ухватилась белая, тонкая ручка. По крайней мере, выглядело это нечто точь-в-точь истончившейся, белейшей человеческой дланью, обросшей веером дополнительных пальцев. Пастух, не думая, с хрустом придавил ее ногой, но прежде ровная дорога пошла крупными пузырями.

— Юга, с полотна!

— Да что ты, а сам бы я не сообразил, конечно, — выщерил клыки облюдок, пятясь.

Выпь отмахнулся испытанным ножом от загребущих рук, удачно обрил пальцы, вцепившиеся в одежду, крутанулся, без жалости ломая вылезавшие из туго лопающихся пузырей руки.

Юга смачно выругался, когда в волосы впились сразу несколько охотников, потянули к товаркам. На беду себе, цепь тоже стащили — черная волна хлынула враздоль, ломая руки и с корнем выдергивая их из дороги. Выпь пробился к другу, встали спина к спине.

Пузыри лопались, выстреливая извивающимися, словно поганые черви, конечностями.

— Они нас не выпустят.

— Да пусть только попробуют!

— Уже. И у них получается.

— Да чтобы меня, да до смерти залапали... Ай, не бывать тому! — Юга взъярился.

Выпь помалкивал. Чего зря голосом играть, ушей у тварей этих не было, а вот железо они какой-то хитростью чуяли. Близко не совались, крутили петли вокруг да около. Юга стискивал цепь, ждал, когда рискнет кто лапу протянуть.

Рискнули. Облюдок — где только сноровку взял — хлестнул наотмашь, ломая руки, как пересохшие ветки. Силы в них немного было, брали количеством.

Пастух действовал ножом, стараясь не отходить далеко от спутника. Вместе, не сговариваясь, медленно двигались прочь с дорожного полотна.

Нападавшие что-то для себя уяснили. На миг прервали череду атак — и согласно ухватились друг за друга, сплелись, разрастаясь в диковинное белое древо.

Выпь сглотнул, соображая, как бы донести неприглядное известие до Третьего. Не нашелся, просто двинул в бок, понуждая глянуть через плечо:

— Вот же подстава коварная! Пригнись!

И, едва пастух успел согнуться, послал в образину цепь.

Подарок твари пришелся не по нутру. Сочиненное орудие перехватили десятки рук, дернули на себя — Юга зашипел, обжегшись о звенья, разжал пальцы. Встретился с ошалевшим взглядом Выпь.

— Ну, промазал. С кем не бывает?!

Пастух хотел сказать, с кем, да не поспел, его схватили, подняли и бросили. Приземлился так, что отшибло дыхание, а в глазах потемнело.

Подняться сумел не сразу, и дорого бы ему встало это промедление, если бы не Юга, заслонивший существу дорогу.

— Куда прешь, сволочь-бестолочь?! Я тебе на поиграть не гожусь?!

Многорукое дерево широко махнуло «ветвями» — Третий увернулся чудом, отскочил, попадая в мелкую ловушку новых пузырей.

Выпь рванулся — сцапали за ноги, возвращая в исходное положение. Парень, отчаянно извернувшись, попробовал удержаться, наугад ударил ножом и тот легко вошел в дорогу, прочертил клювом длинную борозду и мертво встрял.

На мгновение все замерли. Несколько ручек торопливо занырнули обратно, парочка сникла... А полотно мелко задрожало и сдвинулось. Вздрыбилось. Встряхнулось, словно пытаясь сбросить народившиеся на ней нечистоты и — понеслось.

Выпь, припав на колени, цеплялся за нож, встречный ветер резал глаза, верх и низ то и дело менялись местами. Юга орал что-то бессмысленно-восторженное, и как он держался, пастух сообразить не мог.

Закончилась дикая скачка-полет так же внезапно, как и началась. Дорога сначала сбилась, пошла медленнее, а затем вытянулась и улеглась. Замерла. Будто вновь заснула.

Выпь поднял голову, всматриваясь, вслушиваясь всем телом. Сообразил разжать слепившиеся на рукоятке ножа пальцы.

А Юга все смеялся.

— Что? — хрипло окликнул его Выпь. Поднялся, упал, снова встал, кое-как добрался до Третьего, блаженно валяющегося на спине. Требовательно встряхнул. — Да что с тобой?

— Ох, Выпь, я все думаю, или ты особо везучий, или я безумно притягательный, или вместе мы так срабатываем, что мимо нас ни одна чуда не проходит. Что там, что здесь, — и вновь захлебнулся смехом, откидываясь на спину и закрывая лицо ладонями.

Ногти у него оказались изрядно сорваны, одежда подрана. Видно, держался как мог, да и руки-ветки постарались. Выпь удачливее оказался.

Самих цепких тварей не было видно, словно вовсе сгинули.

— Эй, хватит. Пошли. Неизвестно, куда нас вообще затащило... — ухватил спутника за плечо, сволок с дороги — теперь теплой, мягкой, словно пададь под светлым Пологом.

Юга послушался, только задержался, чтобы выдернуть из скованных посмертной судорогой бледных ручек цепь.

***

— Как думаешь, какой он из себя, Хом Кинтары этот? — вдруг спросил Юга.

— Не знаю. Имя красивое.

— Я надеюсь, там тепло, много воды и люди говорят по-нашему, иначе тяжело будет приспособиться...

— Ты будешь скучать по Сиаль?

Облюдок строптиво фыркнул, оскалил зубы.

— С чего бы? Мы друг о друге и вспоминать забудем, не то что скучать.

— А я буду.

— Ну и дурак. Глупо томиться по прошлому, надо жить настоящим.

Выпь упрямо нагнул голову.

— Но прошлое — оно же как бы продолжается в настоящем? Тогда, выходит, надо забыть самого себя...

— Вы-ы-ыпь, тебе голову напекло, да?

— Нет, — Выпь нахмурился, — но я отдаю должное миру, где родился и вырос. Без него меня бы не было.

— Тебя бы не было без тех причиндалов, на обслуживании которых я подвизался!

Выпь не ответил.

Облюдок же, вымолчав немного, с сердцем произнес:

— Мы опять ругаемся.

— Ага.

— Ладно, скоро уже выйдем...

— И тогда ругаться не будем?

Хотел пошутить, но Юга лишь глянул искоса — без злобы, с неприемлемой тоской — и вовсе отвернулся.

***

— Темнеет, — сказал Выпь с удивлением.

Слепящий шар исчез, наверху сделалось смурно.

Юга раздраженно вздохнул.

— Ну, вообще замечательно. Если нас темнотой закроет, как мы корабеллу увидим?

— И огня нет.

— Ты это нарочно, да?

Выпь счел за благо смолкнуть. Так и шли, покуда видна была дорога. И потом еще немного. И еще чуть.

А затем объяла тьма, да такая глубокая, такая настоящая, что Выпь невольно коснулся лица, убедиться, что сам он — здесь.

— Все, дальше только на ощупь, — обреченно вздохнул Юга, закинул голову — да так и застыл, позабыв закрыть рот.

— Что? — Выпь тоже глянул вверх и тоже омер. — Что это?

Юга лишь растерянно сглотнул. Слова закончились, или не было слов для подобного...

Словно глядело сверху неизмеримое множество глаз особых. Ярчайших, светлейших, нежнейших, неистощимого света и... И горело крупным больным огнем бледное блестящее око.

— Красиво как...

— Ага.

Смотрели так долго, надыхаться не могли. Дивились — каждый сам про себя. Юга, беспокойный и до новых впечатлений жадный, ладонью огладил мягкую здешнюю землю.

— Ай, чудно, будто трава, а мягкая и мокрая какая-то. И... ломается с кровью... Дух приятный.

Даже земля здесь была другая. Податливая, остро пахнущая. Веко оказалось пропитано звуками и запахами: незнакомыми, тревожными. Когда взобрались на очередной взгорок — застыли оба.

— Корабелла, — хрипло опознал Юга.

— Она самая, — подтвердил Выпь, разглядывая затаившуюся в расселине между холмами дивницу.

Она стояла черная, почти не видная, словно из черного железа выкованная. Никто из них допрежде корабелл не видел.

Но оба признали ее сразу же.

— Как я узнаю? — упрямо переспросил Выпь у рыжего маркировщика.

— Что узнаешь?

— Как пойму, что передо мной именно она? Корабелла?

Гаер рассмеялся, откинув яркую хитрую голову. Будто Второй что до смешного нелепое молвил.

— Узнаешь и поймешь сразу, поверь. Глазами не поймает, так сердцем, кишками разберешься. Так всегда бывает, не ты первый...

Я не Первый, мысленно согласился Выпь и больше ни о чем его не спрашивал.

И только теперь, наблюдая сквозь прозрачную черноту корабеллу, понял Гаера.

— Идем, хорош zenки паять, — встряхнулся Юга, сбрасывая оцепенение.

Выпь молча последовал за ним, про себя дивясь неказистой охране. Вроде как и не было ее, хотя рыжий предупреждал, что с ними человек будет, хороший, но «не капитан».

Что подразумевал под этой характеристикой Гаер, Второй так до конца и не разобрал.

Вблизи корабелла показалась пастуху еще красивее. Матовая, гладкая ладья, дышащая ровной уютной прохладой. По бокам, ближе к носу, были приспособлены чудные плоские крылья, еще одни держались на самом хвосте, а ровно посередине палубы вздымался сплошной плоский гребень.

Когда Выпь робко коснулся пальцами бока корабеллы, гребень вдруг из черного сделался киноварным.

— А-а, гости наши, ебврт, — хрипло приветствовали их сверху. Парни задрали головы, и по самые глаза заросший мужик, перегнувшись через борт, ослабил им навстречу. — Мы уж заждались. Карабкайтесь, отходить будем.

Взбираться на корабеллу, как оказалась, следовало прямым через боковое крыло — встретивший их незнакомец обозвал эти придатки «рулями высоты». Юга скакнул на них первый. Подпрыгнул, легко подтянулся на руках и, припав на колени, уже протягивал Выпь руку.

А дальше махнули через борт и оказались на узкой, пустой палубе, чуть подсвеченной срединным тонким гребнем.

Мужик окинул их быстрым, но цепким взглядом, сплюнул за борт. Было в нем росту порядочно и весу, как в зрелом кармине.

— Меня зовите Эльриком, а на ваши кликухи мне срать с перехлестом. Валите под арфу и чтобы по палубе не шатались. Лут до новичков жадный, я из-за вашего дерьмячьего любопытства в жопе какой-нибудь застрять не хочу.

— Да ты там живешь, судя по всему, — огрызнулся Юга, прежде чем Второй сообразил его уволочь.

Эльрик хмыкнул, нехорошо сверкнул глазами, но на выпад не ответил. Видимо, получил на их счет от Гаера какие-то немудрящие наставления.

Парни устроились прямо под спинным гребнем, так называемой «арфой». Спать хотелось невыносимо, голова казалось тяжелой, словно овдо. Юга взялся разбирать

измочаленные волосы. С шипением раздирал пряди.

— Помочь? — подавив зевок, спросил пастух.

— Помоги, — нехотя согласился Юга, вручая покоцанный гребешок Выпь.

Сам пристроился у него в ногах, удерживая спину прямо.

Выпь отложил гребень. Осторожно вдел в пряди пальцы, потянул, разделяя.

Волосы казались смиренными, не обвивали запястья, не стремились петлей лечь на шею.

Наверное, тоже устали.

Постепенно расслабляясь, Юга прижался к колену пастуха. Задумчиво улыбнулся.

— Что? — спросил Выпь, почувствовав перемену настроения.

— Мне раньше только мамка волосы разбирала. Никого не допускал.

— О как, — смутился Выпь.

Оба помолчали. Юга, кажется, задремал, и пастух слегка вздрогнул, когда облюдок со смешком проговорил:

— Ты все же поешь себе под нос.

— Вовсе нет.

— Да. Рычишь что-то без слов. Что за песня?

— Мне пели ее те, что воспитали, — нехотя признался Выпь.

— Родители?

— Не думаю. Не думаю, что они были моими родителями.

— А кем они были?

— *Приходимцами.*

— На людей совсем не похожи, ай?

— Ага. Совсем.

— И ты их не боялся?

— Я любил их, — сказал и тяжело замер на мгновение, на внутренней стороне глаз видя их последнюю встречу.

Юга вздохнул. Зачем-то потерся о его колено щекой.

Выпь заплетал косу, посматривал на открывшуюся шею. Невольно подумал, сколько слипшихся пластов взглядов лежит на ней, на лопатках, на плечах, как часто разглядывали Третьего — вот так вот, со спины.

— Сколько тебе, Юга?

— Хэй, да я старше тебя, пастух!

— Это едва ли. Шестнадцать хоть есть?

— Само собой! — возмущенно фыркнул облюдок. — А тебе-то сколько сравнялось?

— Я не знаю.

— Как так?

— Или не помню. Там, где я рос... Странное было место. Его как будто не было совсем. Словно в узел скручено, око-веко, едино. Не умею лучше объяснить.

— Да как всегда, — хмыкнул Юга, — долго еще?

— Все почти.

Заплел косу. Облюдок сдержанно поблагодарил, не сдерживаясь, поругал — как без этого.

А потом наступил Лут.

Вдруг — цветком раскрылся вокруг — как будто всегда здесь был.

Выпь молча поднялся, немой до костей, от дивной, влекущей, неутомимой красоты,

распавшейся округ на тысячи и тысячи взглядов. Все было черным. Все сияло красками. Все было безмолвие. Все пело и звучало.

Теплый сухой ветер трепал ворот куртки, и корабелла плыла по этому ветру, как лиственной кораблик.

Пастух, не слушая друга, шагнул к борту, заглянул под тулово корабеллы и Лут глянул в ответ. В самое сердце, в самый центр головы — пробил до боли, до короткого спазма средостения. Выпь покачнулся, ухватился за борт.

Ухнуло в ушах.

— Гляди, пацан, — проговорил Эльрик, стоявший тут же, — гля-яди, любуйся, да только Лут всегда мягко стелет, а спать на кинжалы укладывает...

Второй молчал.

Не родилось еще слов, могущих описать ту многогранную, бескрайнюю красоту, заполняющую его грудь — словно вода, хлынувшая в пробоину.

Выпь прикрыл глаза, стараясь дышать глубже. Юга молчал рядом, и глубокая тьма его глаз легко спорила с чернотой Лута.

***

Уже когда лежали в темноте, грелись друг от друга, Выпь заговорил:

— Юга. Если нас все же найдут и растащат...

— Не растащат. Мы им интересны вместе.

— Дослушай сначала. Если разделят, я... Я все равно тебя найду. Где бы ты ни был. Обещаю.

Юга рвано вздохнул. Ткнулся холодным носом в плечо друга.

— Очень мило, пастух. Давай спать уже.

Выпь кивнул, устроил подбородок на черной макушке и закрыл глаза.

***

Выпь проснулся на рассвете.

Мутным, еле проедающим себе путь сквозь рыхлую плоть здешнего неба. Вчерашних острых глаз Лута над головой не было, ощущение движения тоже куда-то подевалось.

Прибыли.

Сел, оглядываясь. Дул ветер, мелко сеялся пыльный дождь. Хрипло ругался с кем-то Эльрик, шумно харкал за борт. Юга не было, как не было его когда-то, очень давно, в прошлой жизни.

Левое запястье холодили зеленые бусы. Выпь улыбнулся, пригладил шарики. И как умудрился?

Старая куртка исчезла.

Обмен вполне честный. На память. На запах.

Гаер как-то сказал ему: «В одиночку у вас шансов больше». Выпь тогда просто кивнул, давая понять, что к сведению мысль принял, но обсуждать это не собирается. Он не хотел снова заделываться одним — хватило.

Но видимо, Гаер тоже не смолчал.

А Юга всегда был скор: на слова, на дела, на расправу.

Выпь выдохнул через теснившую грудь боль. Поднялся, лег локтями на борт корабеллы, оглядывая новый Хом и катая в руке эдр.

Не так далеко виднелась плоская черноспинная дорога, по которой дружно и вразнобой пролетали дальние родственники тахи — мускулистые, шумные, крепко пахнущие.

Вышь проверил, плотно ли сидит новый браслет и махнул через борт на «руль высоты». Навстречу Хому Кинтара.

Больше книг на сайте - Knigoed.net